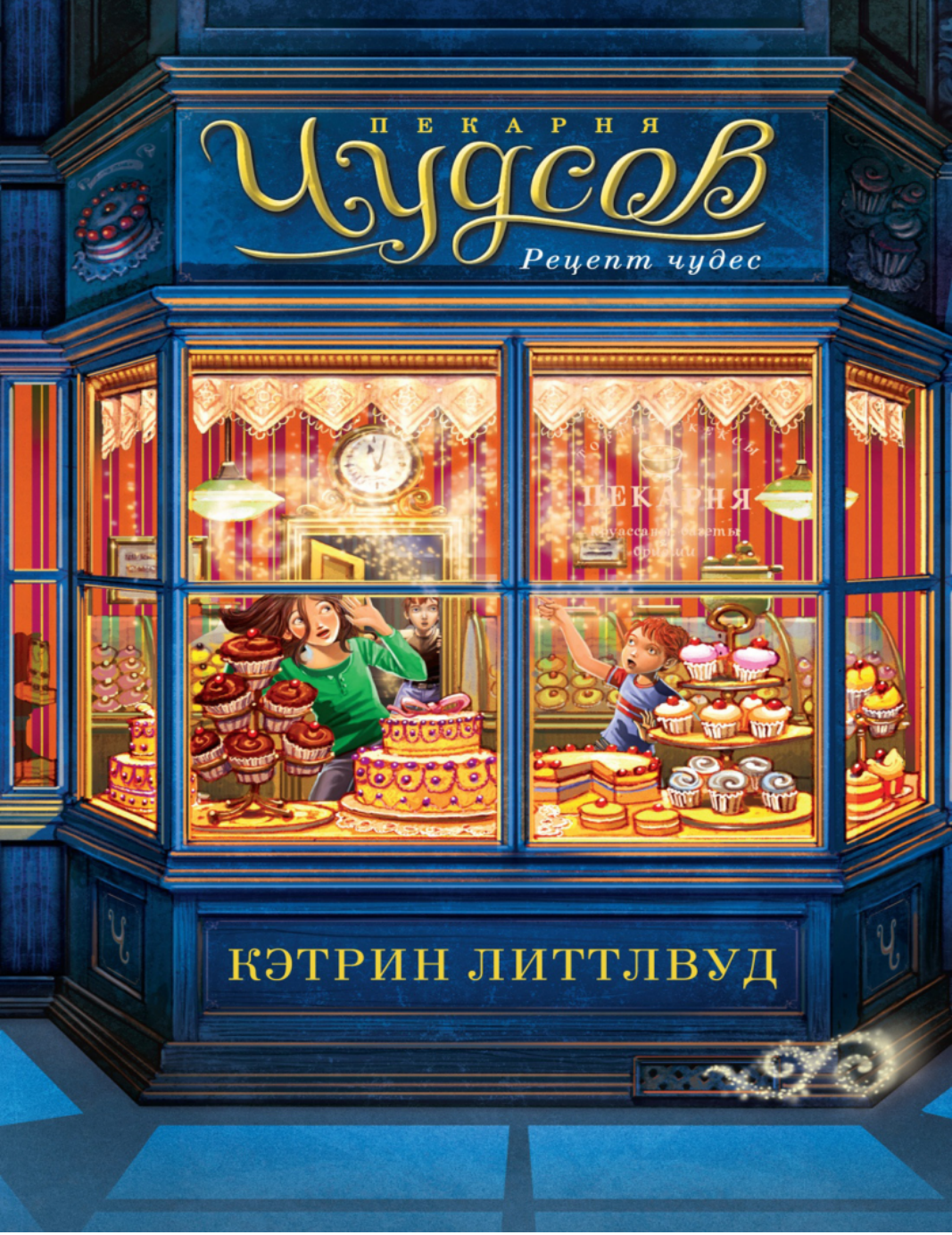

ПЕКАРНЯ
Чудесов
Рецепт чудес
КЭТРИН ЛИТТЛВУД

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На первый взгляд Чудсы – обычная семья пекарей. Вот только Роз Чудс еще в десять лет поняла, что на самом деле за закрытыми дверями кухни ее мама и папа творят настоящее волшебство, а точнее… пекут! Сникердудли из пекарни Чудсов способны запросто излечить от лунатизма, булочки с маком – вернуть забытые воспоминания, а печенье – вывести лжеца на чистую воду.

Перед отъездом из города папа и мама строго наказали Роз, ее братьям и младшей сестренке хранить под замком главную семейную ценность – Поваренную книгу Чудсов – и никому о ней не рассказывать. Но стоило родителям покинуть дом, как на пороге тут же объявилась загадочная незнакомка, которая представилась детям их пятиюродной тетей. И пусть с появлением нежданной гостьи жизнь Чудсов стала веселее, Роз не сомневается: тетя Лили явно что-то скрывает. Правда ли она их родственница и прибыла помочь в пекарне, или братьям и сестрам стоит держаться от нее подальше?

Впервые на русском!

- Кэтрин Литтлвуд
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22

Кэтрин Литтлвуд
Пекарня Чудсов. Рецепт чудес

Посвящается Теду

Kathryn Littlewood
BLISS

Copyright © 2012 by The Inkhouse
Interior illustrations copyright © 2012 by Erin McGuire
Cover art copyright © 2012 by Iacopo Bruno
This edition published by arrangement with Inkhouse Media Group, Inc., and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Оформление обложки Владимира Гусакова
Иллюстрации в тексте Эрин Макгуайр
Иллюстрация на обложке Якопо Бруно

© Н. С. Сечкина, перевод, 2024
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство АЗБУКА®

Пролог
Щепотка волшебства

В свое десятое лето Розмарин Чудс увидела, как мама бросает в чан с тестом молнию. Тогда-то девочка и поняла, совершенно четко и ясно: родители творят в их семейной пекарне самое настоящее волшебство.

А началось все с того, что младший из детей Калхоунов, шестилетний Кенни, забрел в незапертую релейную на железнодорожной станции, дернул какую-то рукоятку и чуть не погиб от удара электрическим током. Мальчика не убило, но изрядно тряхнуло – так, что волосы встали дыбом и он оказался в больнице.

Узнав, что Кенни впал в кому, Парди, мама Роз, закрыла пекарню со словами: «Сейчас не время для выпечки», ушла на кухню и принялась за дело. Она трудилась без сна и отдыха, дни и ночи напролет. Отец семейства, Альберт, присматривал за братьями и сестренкой Роз, она же упрашивала маму позволить ей помогать на кухне. Мама, однако, лишь посылала ее в город за покупками: то за мукой, то за горьким шоколадом, то за стручковой ванилью.

Наконец, поздно вечером в воскресенье, когда над Горести-Фолз разразилась самая сильная за все лето гроза с громом,

молниями и ливнем, молотившим по крыше крупной дробью, Парди объявила:

– Пора.

– Мы не можем оставить детей одних в такую непогоду, – сказал Альберт.

Парди сухо кивнула:

– Что ж, тогда придется взять их с собой. – Она повернулась к лестнице и, задрав голову, крикнула: – Дети, едем на экскурсию!

Роз даже заикала от волнения, когда отец усаживал ее вместе с двумя братьями и маленькой сестричкой в семейный минивэн. Туда же глава семейства положил большую банку с завинчивающейся крышкой. Банка была из мутного от старости синего стекла.

Ветер и дождь раскачивали минивэн, едва не сталкивая его с дороги, но Альберт, стиснув зубы, упрямо вел автомобиль на голую вершину Лысой горы.

– Уверена, что это необходимо? – спросил он жену, когда они оказались на месте.

– Кенни еще совсем ребенок. Я обязана хотя бы попытаться, – ответила Парди и, прихватив банку из синего стекла, выскочила из машины под дождь.

Роз глядела, как мама, шатаясь под порывами ветра, добралась до макушки горы и встала в самом центре. Сняв с банки крышку, Парди подняла сосуд высоко над головой. Тогда-то и сверкнула молния.

С леденящим душу треском первая стрела расколола небо надвое и ударила прямо в банку. Вся вершина горы озарилась сиянием, и мама Роз тоже вдруг вспыхнула, точно была сделана из света.

– Мама! – крикнула Роз и рванулась к двери минивэна, но Альберт удержал дочь.

– Пока рано, – объяснил он.

Последовала новая вспышка молнии, затем еще и еще… Роз уже не разбирала, от чего ослепла – от яркого света или собственных слез.

– Мамочка… – всхлипывала она.

А потом дверца автомобиля снова распахнулась, и Парди скользнула обратно в салон. Воняло от нее, как от сгоревшего тостера, она до нитки промокла, но в остальном выглядела целой и невредимой. Роз посмотрела на банку и увидела внутри сотни потрескивающих и подрагивающих прожилок голубого света.

– Давай-ка поскорее вези нас домой, – обратилась к мужу Парди. – Это был последний ингредиент.

* * *

Дома детей сразу отправили спать, однако Роз не легла в постель, а принялась тайком наблюдать за матерью. Парди подошла к стальному чану, наполненному пышным белым тестом. Аккуратно разместив банку из синего стекла над чаном, она открутила крышку. Голубые огоньки змейками заструились в тесто, отчего смесь приобрела мерцающий зеленоватый оттенок. Парди размешала все ложкой и шепотом произнесла: «Электро корректо», затем выложила смесь в прямоугольную форму и поставила в духовку.

– Розмарин Чудс, тебе давно пора быть в кровати! – не оборачиваясь, сказала она и затворила дверь на кухню.

Ночью Роз спалось плохо. Ей снились молнии и раскалившаяся докрасна мама, которая строго указывала дочери на постель.

Утром Парди переложила испеченный кекс на блюдо, при помощи кондитерского мешка покрыла его сверху тонким слоем глазури и крикнула мужу:

– Едем! Ты тоже, – прибавила она, указав пальцем на Роз.

В больнице Роз, Парди и Альберт вошли в палату, где лежал Кенни. На первый взгляд с мальчиком было все в порядке. Казалось, он просто спит. Вот только иссиня-бледная кожа и зловещие провода, тянущиеся к его телу, говорили об обратном. Единственным подтверждением того, что сердце Кенни все еще бьется, служило слабое пиканье прибора в тесной комнатке.

Мать малыша подняла глаза и, увидев миссис Чудс, тут же ударилась в слезы.

– Ах, Парди, слишком поздно для кексов! – воскликнула она, но мама Роз молча вложила крохотный кусочек выпечки Кенни в рот.

Долго, очень долго ничего не происходило, но потом… раздалось едва слышное «глп». Парди просунула между зубами Кенни кусочек побольше. На этот раз он подвигал языком и звук глотания прозвучал отчетливее. Наконец Парди удалось всунуть ему в рот целую ложку, и челюсти мальчика заработали сами собой. Кенни жевал и глотал, а перед тем, как открыть глаза, спросил:

– А молоко есть?

Глядя на это, Роз окончательно убедилась, что молва не лжет: выпечка из пекарни «Следуй за чудом» действительно волшебная, а мама и папа, хоть и живут в маленьком городке, ездят на минивэне и носят поясные сумки, – настоящие кухонные волшебники. Сам собой у девочки возник вопрос: «Я тоже стану

кухонной волшебницей?»

Глава 1
Горести-Фолз

За последующие два года Роз вдоволь насмотрелась на большие и малые беды и несчастья, случавшиеся с жителями городка под названием Горести-Фолз, и на то, как ее родители потихоньку все исправляют.

Когда старый мистер Рук начал во сне бродить по чужим лужайкам, Парди напекла ему сникердудлей[1] «Спи-усни», смешав в массивном чане муку, коричневый сахар, яйца, щепотку мускатного ореха и зевоту хорька, с большим трудом добытую Альбертом. Мистер Рук съел сникердудли и перестал страдать лунатизмом.

Когда необъятный мистер Уодсворт угодил на дно колодца и пожарная бригада не смогла его вытащить, Альберт поймал в банку из синего стекла хвост облака, который Парди добавила в макаруны «Белое перышко». «Мне сейчас не до сладостей, миссис Чудс! – воскликнул мистер Уодсворт, увидев, что ему на веревке спускают коробку с макарунами. – Но и удержаться никак, ведь они таки-и-е вкусные!» Он уплел сразу две дюжины и после этого с легкостью выбрался из колодца – можно сказать, взлетел.

Наконец, когда на генеральной репетиции мюзикла «Оклахома!» в местном театре миссис Риззл, бывшая оперная дива, не смогла допеть свою партию из-за того, что охрипла, Парди испекла имбирное печенье «Звонкий голосок», для

приготовления которого попросила Роз сбегать на рынок за корнем имбиря, а Альберта – набрать в банку соловьиных трелей, причем именно ночью. В Германии.

Как правило, Альберт смело отправлялся на приключения по сбору волшебных ингредиентов (кроме того случая, когда понадобилось раздобыть пчелиные укусы). Он всегда привозил требуемое с небольшим запасом и тщательно раскладывал все это по банкам из синего стекла, которые подписывал и прятал на кухне пекарни «Следуй за чудом», в специальном месте, где никто, кроме посвященных, ни за что бы их не нашел.

Роз обычно посылали за более скучными и менее опасными продуктами вроде яиц, муки, молока или орехов. Если она и сталкивалась с какими-то неожиданными ситуациями, то причиной всегда была исключительно ее трехлетняя сестренка.

* * *

Утром тринадцатого июля Роз разбудил оглушительный грохот металлических мисок по кафельному полу кухни. У кого другого от этого резкого, раскатистого звука волосы встали бы дыбом, а Роз лишь закатила глаза.

– Роз! – позвала мама. – Будь добра, спустись на кухню!

Девочка вытащила себя из постели и, как была, в майке и фланелевых шортах, поплелась вниз по деревянной лестнице.

Кухня в доме Чудсов одновременно служила кухней в пекарне «Следуй за чудом». Торговый зал, в котором родители Роз продавали выпечку, располагался в залитой солнцем гостиной, выходившей на оживленную городскую улицу. Там, где у прочих семейств обычно стоял диван и телевизор, у Чудсов был прилавок с витриной, полной выпечки, и кассовым аппаратом, а рядом – парочка диванчиков и скамеек со столами для посетителей.

Парди Чудс стояла посреди кухни, а вокруг нее валялись перевернутые металлические миски, лежали кучки муки, опрокинутый мешок сахара и ярко-оранжевые желтки дюжины разбитых яиц. Мучная пыль до сих пор кружилась в воздухе, точно дымок.

В центре этого хаоса на полу сидела младшая сестра Роз – Лик Чудс. На шее у нее висел «поляроид», по щеке было размазано сырое яйцо. Малышка победно улыбнулась и нажала на кнопку фотоаппарата.

– Базилик Чудс, – начала Парди, – ты промчалась по кухне и сбросила на пол все ингредиенты для утренних маффинов с

маком. Тебе прекрасно известно, как сильно люди ждут этих маффинов. А теперь, выходит, не дождутся.

Лик на миг смутилась и нахмурила лобик, затем сверкнула улыбкой и выбежала прочь. Она была еще слишком мала, чтобы печалиться о чем-то дольше одной минуты. Всплеснув руками, Парди засмеялась:

– Она у нас такая очаровашка!

Роз в ужасе разглядывала учиненный младшей сестренкой беспорядок.

– Помочь тебе с уборкой? – предложила она маме.

– Нет, попрошу заняться этим вашего папу. А для тебя есть другое поручение. – Парди протянула Роз список, накорябанный на обратной стороне почтового конверта. – Съезди-ка в город вот за этими ингредиентами. – Она снова обвела взглядом загвазданную кухню. – И лучше прямо сейчас.

– Хорошо, мамочка, – ответила Роз, смирившись с тем, что в семье ей отведена роль доставщика.

– Ой, чуть не забыла! – воскликнула Парди. Она сняла с шеи серебряную цепочку и вручила ее дочери. Украшение на цепочке, которое Роз всегда считала обычным кулоном, при ближайшем рассмотрении оказалось серебряным ключиком в форме крохотного венчика.

– Езжай в мастерскую и попроси сделать дубликат ключа, он нам понадобится. Имей в виду, Розмарин, это очень, очень важное задание. – Роз внимательно рассмотрела ключик. Вещица, довольно изящная и красивая, напоминала сложившего лапки паучка. Роз часто видела ее у мамы на шее, но всегда считала, что это просто ювелирное украшение в экстравагантном вкусе Парди, такое же, как, например, брошь-бабочка, чьи крылышки раскрывались на целых полфута, или шляпная булавка в виде шляпки. – А когда все выполнишь, можешь сходить к Стетсонам и купить себе пончик. Правда, не понимаю, чем тебе так нравится их выпечка. Качество – ниже среднего.

На самом деле Роз терпеть не могла стетсоновские пончики: сухие, клеклые и на вкус как сироп от кашля. Ну а чего еще ожидать, если они продаются в заведении под названием «Пончики и авторемонт от Стетсона»? Зато покупка такого пончика сулила возможность положить семьдесят пять центов в протянутую ладонь Девина Стетсона.

Девина Стетсона, которому, как и ей, было двенадцать, хотя выглядел он гораздо старше, который пел тенором в городском хоре, у которого были светлые, песочного оттенка волосы, спадавшие ему на глаза, и который умел чинить порванный ремень вентилятора[2].

Всякий раз, как он проходил мимо Роз по школьному коридору, у нее находилась причина уткнуться взглядом в пол. В реальной жизни она ни разу не говорила ему фразы длиннее, чем «Спасибо за пончик», тогда как в ее фантазиях они с Девином уже успели прокатиться вдоль берега реки на его мопеде, устроить пикник на лугу, где читали друг другу стихи, а высокая трава щекотала им лица, и поцеловаться осенним вечером под уличным фонарем. Возможно, сегодня она сделает что-то из этого по-настоящему. Или не сделает. Разве Девин обратит внимание на какую-то пекаршу?

Роз повернулась к лестнице, собираясь идти одеваться.

– И еще кое-что! – крикнула ей вслед Парди. – Возьми с собой младшего брата.

Роз скользнула глазами по царящему на кухне беспорядку, а затем дальше – к задней двери, выходившей во двор, где ее младший брат, Шалфей Чудс, одетый в пижаму, самозабвенно, с залихватскими воплями, прыгал на огромном батуте. Роз застонала. Везти покупки в передней корзинке велосипеда нелегко, но таскать Алфи от двери к двери в десять раз труднее!

1. «Ореховая лавка Борзини» – 500 г макового семени

Роз и Алфи прислонили велосипеды к оштукатуренному фасаду «Ореховой лавки Борзини» и вошли внутрь. Спутать магазинчик с чем-то другим было невозможно: во всем Горести-Фолз только это здание имело форму земляного ореха. Алфи сразу направился к бочке с отборной эфиопской макадамией, запустил в бочку обе руки и подбросил два-три десятка орехов в воздух. Роз молча наблюдала за братом, а тот, словно дерганый жонглер, пытался поймать орехи ртом прежде, чем они упадут на пол.

В свои девять Алфи уже смотрелся записным комиком. Его голову венчала буйная копна бледно-рыжих, с золотом кудрей, а самой заметной частью лица были пухлые веснушчатые щечки. Крутые дуги рыжих бровей придавали ему постоянно удивленный вид.

– Алфи, зачем ты это делаешь? – поинтересовалась Роз.

– Я видел, как Тим подбрасывал попкорн и сумел поймать почти все зерна.

Тим, их старший брат и первенец Чудсов, обладал исключительной красотой: волнистые рыжие волосы и пронзительные серые глаза, как у сибирского хаски, – устоять перед ним не мог никто. В свои пятнадцать он занимался всеми

существующими игровыми видами спорта, и хотя не всегда был в команде самым рослым, зато неизменно самым привлекательным. В общем, он относился к тому типу парней, которые, если подкинут вверх горсть попкорна, то поймают ртом все до последнего зернышка. Не выносил Тим только одного: когда к нему приставали насчет помощи в пекарне. Родители, надо сказать, особо и не приставали. Внешность, словно козырная карта, с каждым годом все больше играла Тиму на руку.

Мистер Борзини, фигурой и сам похожий на земляной орех, шаркая, вышел из кладовой в глубине лавки.

– Доброго денечка, Рози! – радушно заулыбался он, но, заметив рассыпанные по полу орехи, вмиг помрачнел. – Здравствуй, Шалфей.

– Нам, пожалуйста, полкило макового семени, – попросила Роз.

– Ср-р-р-рочно! – на итальянский манер прибавил Алфи, сложив пальцы щепотью и смачно поцеловав кончики.

Мистер Борзини улыбнулся Роз и протянул ей мешочек.

– Ну и юморист твой братец, Рози, – сказал он.

Роз вежливо улыбнулась в ответ, мечтая, чтобы и ее сочли юмористкой. Иногда она могла немного съязвить, но это ведь не одно и то же. Она не была так же красива, как Тим, и уже слишком выросла, чтобы все ее обожали, как Лик. Роз хорошо удавалась выпечка, что в основном говорило о ее тщательном подходе к делу и определенных математических способностях, но все же никто с восхищением ей не говорил: «Ого, Роз, ты такая старательная и так здорово считаешь!» В итоге Роз стала думать о себе как о посредственности, вроде тех актеров, что безмолвно слоняются на задворках съемочной площадки. Что ж, ничего не попишешь.

Поблагодарив хозяина лавки, Роз положила холщовый мешочек с маком в решетчатую металлическую корзинку, закрепленную над передним колесом велосипеда, вывела брата на улицу, и они тронулись дальше.

– Не понимаю, почему за покупками отправили нас, – бурчал Алфи, пока они поднимались по холму. – Раз Лик накосячила, пускай она и покупает все заново.

– Алфи, ей всего три года.

– И вообще, с какой стати мы обязаны работать в этой дурацкой пекарне? Если мама с папой не справляются сами, не стоило и открывать заведение.

– Ты же знаешь, они не могут не печь. Это их призвание, – пыхтя от подъема в гору, сказала Роз. – Кроме того, без них город рухнет. Всем нужны наши пироги, кексы и маффины – просто

чтобы все шло как положено. Мы трудимся на благо людей.

Роз хоть и закатывала глаза от подобных фраз, однако втайне любила помогать родителям. Ей нравилось слышать облегченный мамин вздох, когда она привозила домой все необходимое; нравилось, как папа обнимал ее, когда ей удавалось приготовить идеально рассыпчатое песочное тесто; как горожане мычали от удовольствия, откусив первый слоистый кусочек еще теплого шоколадного круассана. И да, ей нравилось, как смесь ингредиентов, обычных и не очень, не только делала людей счастливыми, но порой творила самые настоящие чудеса.

– Хотел бы я прочесть городской закон о детском труде! Уверен, родители не имеют права нас заставлять, – сказал Алфи, обгоняя сестру.

Роз притормозила и зажала нос пальцами:

– А ты не имеешь права так вонять!

– Я не воняю! – возмутился Алфи, но потом на всякий случай понюхал подмышки. – Ладно, может, самую малость.

2. Флористка Флоренс – дюжина маков

Флористку Флоренс дети застали мирно дремавшей в мягком кресле. Никто в Горести-Фолз не знал ее точного возраста, но, по общему мнению, старушке не могло быть меньше девяноста. Магазинчик Флоренс напоминал скорее уютную гостиную, чем цветочную лавку: золотой солнечный свет просачивался между пластинами жалюзи и падал на небольшой диванчик, возле пыльного камина лениво развалился толстый полосатый кот. Под окном рядком выстроились вазы, заполненные цветами всех видов и оттенков, к потолку были подвешены с десяток кашпо с сочно-зелеными вьющимися растениями.

Роз отвела от лица завесу из плюща и робко кашлянула. Флоренс медленно открыла глаза:

– Кто здесь?

– Это я, Розмарин Чудс.

– А-а, вижу, – недовольно проворчала старушка, словно появление покупателя вызвало у нее досаду. – Что… тебе… предложить? – прокряхтела она, поднимаясь с кресла, и зашаркала к окну, подле которого стояли вазы.

– Дюжину маков, пожалуйста, – сказала Роз.

Флоренс с тяжким вздохом наклонилась за тонкими, как папиросная бумага, алыми цветками. Однако, заметив Алфи, она оживилась:

– Это ты, Тим? А кажись… повыше ростом был.

– Да нет, – засмеялся Алфи, польщенный тем, что его приняли за старшего брата. – Я Шалфей. Все говорят, мы с Тимом очень похожи.

– Да уж, я, верно, буду скучать, когда этот сердцеед уедет в колледж, – снова заворчала Флоренс.

Всех разбирало любопытство, чем займется старший из братьев Чудс, когда вырастет и наконец сможет покинуть городок. Казалось, красавчику Тиму суждено уехать отсюда, а ей, Роз, – остаться. Интересно, если она всю жизнь проведет в Горести-Фолз, то закончит так же, как Флоренс? Будет целыми днями дремать в кресле, ожидая чего-то необыкновенного и волнующего, но в глубине души понимать, что ждать напрасно.

С другой стороны, уехать из города – значит расстаться с пекарней. Если Роз уедет, то никогда не узнает, где мама держит все эти волшебные банки из синего стекла. Никогда не научится вмешивать в глазурь дуновение северного ветра, чтобы растопить холодное сердце человека, лишенного любви. Не поймет, как правильно рассчитывать оптимальные пропорции смеси из жидкой магмы, питьевой соды и лягушачьих глазок, которая, по словам мамы, способна почти мгновенно срастить сломанные кости.

– А у тебя что интересного, Розмарин? – спросила старушка, заворачивая маки в коричневую оберточную бумагу. – На свидания с мальчиками бегаешь?

– Мне не до этого, я за Алфи присматриваю, – резче, нежели собиралась, ответила Роз.

У нее и правда не было времени ходить на свидания с мальчиками, а даже если бы и было, она все равно бы не пошла. В представлении Роз свидание – это что-то странное и чуточку противное, как суши. Конечно, ей ужасно хотелось бы стоять на вершине Воробьиной горы вместе с Девином Стетсоном и обозревать город с высоты, пока осенний ветер треплет им волосы и с шелестом гоняет листья. Но не как на свидании.

Тем не менее именно из-за Девина сегодня утром она приняла душ, хорошенько расчесала черные, длиной до плеч волосы и надела любимые джинсы и голубую блузку с нарядной (но не чересчур, а в самый раз) отделкой кружевом. Роз знала, что не уродина, но ведь и красавицей ее не назовешь. Она была уверена: если в ней и есть что-то привлекательное, то явно не лицо, а нечто скрытое глубоко внутри. Мама, очевидно, считала так же. «Ты не похожа на других девочек, – сказала она однажды. – У тебя отличные способности к математике!»

Продолжая ломать голову, отчего в ней не могут совмещаться и способности к математике, и хорошенькое личико, Роз забрала

маки и вместе с Алфи вышла из магазинчика Флоренс.

3. Открытый рынок Поплара – 1 килограмм яблок сорта «ранет»

Брат с сестрой налегли на педали, и короткий рывок через железнодорожную насыпь привел их на открытый рынок, где с раннего утра толпилось столько народу, что проходы между рядами фруктовых и овощных палаток напоминали автодорогу в час пик.

– Мне нужны яблоки! – крикнула Роз, помахав вскинутой рукой.

– Их продают в третьем ряду! – отозвался один из продавцов, чья голова скрывалась за персиками, выложенными на прилавке высокой горкой.

Алфи перегородил движение в проходе: взял в руки две большие мускатные тыквы и начал изображать, будто упражняется с гантелями.

– Зачем ты это делаешь? – недоуменно спросила Роз.

– Качаю мышцы, как Тим, – пропыхтел Алфи, побагровев от натуги. – Мы с ним собираемся стать профессиональными атлетами. В пекарне я ни за что не останусь.

Роз выхватила тыквы из раскинутых рук брата и вернула на место.

– Мы помогаем людям, – шепнула она на ухо Алфи. – Как добрые пекари-волшебники.

– Если мы волшебники, где же наши волшебные палочки, совы и шляпы? И где главный злодей? – возразил Алфи. – Смирись, сестричка: мы – обыкновенные булочники. И пока ты тут до скончания века будешь печь пироги, мы с Тимом рванем в Париж создавать новые модели кроссовок.

Алфи уехал вперед, и Роз осталась в одиночестве. Пакет с яблоками оттягивал ей руки.

4. Замочная мастерская мистера Клайна – ты знаешь, что делать

В ржавом вагончике на окраине города Роз передала мистеру Клайну изящный серебряный ключ в форме венчика. Мистер Клайн внимательно рассмотрел его через толстые, как английские маффины, очки.

В мастерской не было окон, и все поверхности покрывал

тонкий слой серой пыли, как будто мистер Клайн только что вернулся из затянувшегося отпуска. Роз вдохнула через рот. В воздухе чувствовался металлический привкус.

– Работа займет полчаса, – объявил мистер Клайн. – Придется вам погулять.

Алфи театрально застонал, а Роз, наоборот, обрадовалась. Замочная мастерская располагалась у подножия Воробьиной горы, а авторемонт и пончиковая Стетсонов – на ее вершине.

– Эй, братишка, – сказала Роз, – давай-ка поднимемся на горку.

– Нетушки! – замотал головой Алфи. – Не полезу я на эту кручу в такое пекло. Лучше схожу в «Горести-Сладости», посмотрю, не появились ли у них мармеладные мишки с новыми вкусами.

– Не упрямься. – Роз придержала его за плечо. – Здорово же будет! Постоим на смотровой площадке, поищем наш дом. Составишь мне компанию – я тебе пончик куплю.

– Ладно, – неохотно согласился Алфи. – Только, чур, – он выставил вверх указательный палец, – я сам выберу какой.

5. «Пончики и авторемонт от Стетсона»

К тому времени, как они добрались до вершины, Роз изрядно запыхалась. «Пончики и авторемонт от Стетсона» занимали невзрачную каменную постройку, украшением которой служили запчасти от старых автомобилей. На клумбах из отслуживших свое резиновых покрышек росли анютины глазки, а вывеска «Пончики» была подвешена к прибитому над дверью бамперу.

Дрожа от волнения, Роз откинула со лба взмокшие черные волосы. Ее не пугали пауки, она не боялась ездить на велосипеде по бездорожью или обжечь пальцы о горячий противень – все это уже стало частью ее повседневности, – но оказаться в одной комнате с симпатичным ей парнем! Вот что страшило по-настоящему.

В тот самый момент, когда она собралась с духом и двинулась по дорожке к входной двери, Девин Стетсон с развевающимися на ветру пшеничными кудрями промчался мимо нее на мопеде вниз по склону. По всей видимости, на это утро отец отпустил сына из лавки.

Внутри у Роз все перевернулось. Такое же ощущение возникает, когда слишком сильно раскачиваешься на качелях, а желудок за тобой не поспевает и трепыхается в животе, точно выброшенная на берег рыба.

Глядя вслед Девину, Роз готова была поклясться, что он на миг обернулся и посмотрел на нее.

Алфи уже добрался до смотровой площадки и залез на внутренний парапет.

– Ух ты! Роз, смотри!

Роз встряхнулась и подбежала к парапету узнать, что привлекло внимание брата, – по извилистой городской дороге двигалась вереница полицейских машин. Отсюда, с высоты, Горести-Фолз был похож на картинку, которую, словно бело-голубые ножи, прорезали мчащиеся автомобили.

– Куда это они? – необычно тихим голосом спросил Алфи.

– Ну и ну. – Роз прищурилась. – Кажется, они едут к нашей пекарне.

Глава 2
Удар молота

– Может, они собираются арестовать Тима? – предположила Роз.

Бросив велосипеды на заднем дворе, брат с сестрой помчались к черному ходу. Три патрульные машины перегородили путь перед домом, а подъездную дорожку, словно рассевшийся питбуль, занимал массивный белый «хаммер» с тонированными стеклами.

Через открытое водительское окошко Роз и Алфи увидели мужчину в безупречно отглаженной полицейской форме и солнцезащитных очках.

– Они еще там, – сообщил он кому-то, поднеся ко рту рацию. – Я их знаю, они своего добьются.

Роз залезла на шлакоблочную плиту и всмотрелась в то кухонное окно, где жалюзи были подняты. Ее родители стояли по одну сторону большого разделочного стола на колесиках, который Парди в случае необходимости перекатывала по кухне, словно магазинную тележку для покупок, а напротив них – незнакомая женщина в строгом темно-синем брючном костюме. Парди и Альберт с тревогой переглядывались, ладонь Парди

накрывала Поваренную книгу Чудсов, лежавшую на разделочном столе. В раскрытом виде Книга напоминала крупную белую птицу с распростертыми крыльями; в закрытом, как сейчас, казалась беззащитной и походила на маленькую буханку черного хлеба. Вот оно что, подумала Роз, кто-то явился за Книгой.

Каждый вторник Парди и Альберт отправлялись в городской кинотеатр на вечерний сеанс – в это время действовала акция «два фильма по цене одного», – оставляя детей на соседку, миссис Карлсон. Перед уходом Альберт непременно говорил: «В дом никого не впускайте! Правительственные агенты могут попытаться украсть наши рецепты!»

Никто из детей не воспринимал эти слова серьезно, кроме Роз – она знала, что папа вовсе не шутит. Девочка мельком видела страницы Книги со средневековыми изображениями бурь, огня, стен из острых шипов, истекающих кровью людей – не хотелось бы, чтобы подобные рецепты попали в руки тех, кто может применить их на деле.

Алфи тоже взобрался на шлакоблочную плиту, однако ничего разглядеть не сумел.

– Что там происходит? – спросил он сестру.

– Они хотят забрать Книгу, – с трудом проговорила она: в горле встал большущий ком.

Роз снова посмотрела в окно на необычную чугунную плиту, темневшую в углу кухни, точно гнездо диких пчел. Затем ее взгляд скользнул по ряду блестящих застекленных шкафчиков вишневого дерева в другом углу, по хитросплетению реек и грозди металлических крюков, что свисали с потолка в центре помещения с подвешенными на них ложками, половниками и лопатками всевозможных размеров. В глубине кухни виднелся огромный серебристо-серый планетарный миксер: чаша у него была такая большая, что в нее могла забраться (и порой забиралась) Лик, а спиральный крюк для теста – размером с лодочное весло. Роз обвела глазами все добро, нажитое родителями, пускай и скудное, и подавила всхлип.

Она представила, как маму и папу запирают в грязной тюремной камере, ее братья попрошайничают на улице, а страной правит шайка пекарей-тиранов, которые используют пироги и маффины в качестве оружия массового уничтожения.

– Я их остановлю, – пробормотал Алфи и подбежал к задней двери. Распахнув ее настежь, он заорал: – Мои родители не сделали ничего плохого!

Альберт и Парди рывком развернулись и зашикали на Алфи, но было поздно. Женщина в темно-синем костюме выглянула в заднюю дверь и жестом велела Алфи и Роз войти.

– Меня зовут Дженис «Молот» Хаммер. Я – мэр Скромнтона, – представилась она и сверкнула холодной улыбкой.

Роз вдруг поняла, что хотя гостья и не источает дружелюбие, но к ним явилась не за Книгой, а потому спросила:

– Зачем тогда тут полиция?

– Я велела выкрасить машины в цвета патрульных авто, чтобы на выезде мой кортеж смотрелся повнушительнее, вот и все. Со мной приехали мои коллеги, члены Попечительского совета Скромнтона: продавец цветов, адвокат и сантехник. Сантехник участвует в работе совета, только когда не занят прочисткой унитазов.

– Разве это законно – наряжаться в полицейскую форму? – осторожно спросил Алфи.

Мэр Хаммер смерила его цепким взглядом:

– Я приехала просить твоих родителей помочь Скромнтону в борьбе с летним гриппом. Такой жестокой эпидемии у нас прежде не бывало, это просто напасть какая-то! Мусорные баки переполнены бумажными носовыми платками, у врачей кончились запасы леденцов от кашля. Ухогорлонос в панике сбежал в свой кооператив[3] во Флориде. Трус! – (Альберт и Парди нервно хохотнули.) – В общем, я не знала, что делать. А потом вспомнила миндальные круассаны из вашей пекарни – люди божились, что после них лихорадку и насморк как рукой снимает. Поэтому и приехала сделать заказ на сорок дюжин. – Мэр снова повернулась к родителям Роз. – Понимаю, все очень спешно, но у меня просто нет выбора.

Парди заломила руки.

– Мы… мы бы и рады помочь, – запинаясь, начала она, – только на нашей кухне сорок дюжин круассанов не испечь. У нас всего-навсего маленькая семейная пекарня.

– Тогда едемте в Скромнтон! – рявкнула мэр Хаммер. – На кухне в мэрии можно приготовить столько, что хватит на целую армию. Будете печь свои миндальные круассаны у нас. А после займетесь тыквенным чизкейком.

– Тыквенным чизкейком? – наморщил лоб Альберт.

Мэр Хаммер порылась в своем черном кожаном портфеле и достала оттуда пожелтевшую вырезку из газеты «Новости Горести-Фолз». Заголовок статьи гласил: «Десятилетний мальчик, больной свиным гриппом, чудесным образом исцелился, съев тыквенный чизкейк из пекарни Чудсов».

Альберт вытер руки о фартук.

– Ха! – воскликнул он. – Было бы неплохо. Но это все выдумки – мальчишка просто притворялся, чтобы не ходить в школу!

Никому, кроме своих детей, родители не признавались, что выпечка из их пекарни волшебная. «Если пойдут слухи о магии, – всегда говорила Парди, – сюда ринутся толпы и наша маленькая пекарня перестанет быть маленькой и нашей, а превратится в огромную фабрику. Семейный бизнес рухнет».

Когда кто-то порой обращал внимание на удивительные эффекты кексов, печенья и пирогов из пекарни Чудсов, Альберт и Парди лишь отмахивались, утверждая, что все это – естественный результат сочетания идеально выверенного рецепта и правильного приготовления.

Роз, однако, помнила, как мама с папой пекли тот самый чизкейк. Притаившись на лестнице, она подглядела, как поздним вечером после закрытия пекарни родители смешали содержимое нескольких банок из синего стекла, как над чашей с тестом поднялось и закружилось над маминой головой облачко лилового тумана, как шипела и стреляла смесь, плюясь во все стороны розовыми, зелеными и канареечно-желтыми искрами. Роз бы все на свете отдала, чтобы печь так же! Подобный процесс вызывал благоговение, пускай детали и хранили в тайне.

Мэр Хаммер нетерпеливо барабанила носком туфли по полу.

– Меня не волнует, исцеляют ли ваши чизкейки на самом деле, главное, людям они нравятся и от них улучшается самочувствие. Именно то, что нам надо.

Мягким и сладким, как печенье с шоколадной крошкой, голосом Парди осведомилась:

– Что ж… и как много времени, по-вашему, на это может потребоваться?

– Не больше недели, – ответила мэр.

– Прошу прощения, мэр Хаммер. Наша пекарня работает вот уже двадцать пять лет и за это время ни разу не закрывалась дольше чем на один день. Мы никак не можем позволить себе уехать на неделю.

Мэр Хаммер кивнула одному из своих телохранителей, и тот передал ей чековую книжку в кожаном переплете. Нацарапав на чеке несколько цифр, она показала его хозяевам пекарни. Альберт и Парди ошеломленно переглянулись, точно у них на глазах кто-то вытащил из шляпы кролика – очень дорогого кролика, усыпанного брильянтами.

– Сколько нулей! – ахнул Альберт.

Парди поглядела на гостью с сомнением:

– Мы сделаем это…

– О, замечательно! – воскликнула мэр Хаммер, протягивая чек.

– Вы не дали мне договорить. – Парди разорвала чек на

кусочки. – Мы сделаем это бесплатно.

Роз улыбнулась. Мама и папа могли бы сказочно разбогатеть, а после стать директорами компании и носить элегантные серые костюмы, потягивать дорогое шампанское, ездить на заднем сиденье шикарных автомобилей, как мэр Хаммер, – но предпочли богатству скромные комнаты над тесной кухней своей крошечной пекарни.

Мэр Хаммер потянулась через стол и заключила обоих Чудсов в объятия.

– Мы доставим вас на место, как только вы соберетесь. Жду вас в хаммерском «хаммере».

* * *

Роз громко постучала в дверь комнаты братьев. Рукописная табличка на двери гласила: «Приемные часы: 15:00–16:00».

– Тим! – крикнула Роз. – Мама с папой уезжают! Пожалуйста, выйди.

На часах было всего одиннадцать утра, а Тим, как правило, не вылезал из своей берлоги раньше полудня. Роз приоткрыла дверь. При помощи перекинутой через веревку простыни Тим разделил комнату на две половины; его половина, разумеется, находилась за занавеской, однако из-за краешка простыни Роз разглядела белый носок, свисавший с большого пальца ноги старшего брата. Она вошла в комнату, отдернула простынь и потрясла Тима за широкое голое плечо:

– Тим!

Тот недовольно застонал:

– Тебе лучше придумать хорошее оправдание, потому что ты разбудила меня на середине баскетбольного матча!

– Мама и папа уезжают на целую неделю и оставляют пекарню на нас!

Стоило Роз произнести это вслух, и ей сразу представилось, как она порхает по кухне в мамином фартуке в бело-голубую клетку, листает Поваренную книгу Чудсов, просеивает муку, растапливает на водяной бане шоколад и добавляет в тесто слезы девушек с разбитым сердцем, последний вздох доброго человека, щепотку горькой, похожей на мел, растолченной золы из летних походных костров или… да мало ли что еще она добавит! А потом повернет коленчатую рукоятку, чтобы поднять секретный грозовой разрядник, с помощью которого иногда разжигали главную духовку, и – вуаля! – Роз творит волшебство. Если она порой и ворчала, когда ее просили помочь на кухне, то только

потому, что эта помощь никак не была связана с магией. Настоящая магия, та, что хранится в банках из синего стекла, стоит любых усилий, считала девочка.

– Серьезно? – Тим резко сел в кровати. – Вот здорово!

– Еще бы, – согласилась Роз. – Мы сможем печь сами!

– Поправочка, *ми эрмана*[4], – насмешливо фыркнул Тим. При каждом удобном случае он вставлял в речь испанские словечки – готовился к тому дню, когда станет самым знаменитым скейтером в Барселоне. – Ты сможешь печь сама. Лично я буду расслабляться по полной.

* * *

На первом этаже Альберт опустил жалюзи на всех кухонных окнах, Парди зажгла свечку. Вот что значит вступить в тайное общество, подумала Роз. Она стояла, вытянувшись в струнку, и ждала указаний родителей. Тим, подпирая подбородок ладонями, сидел на разделочном столе и зевал от скуки.

– Нам очень не хотелось бы оставлять вас одних, – начала Парди, – но в соседнем городке без нас не обойтись. Мы попросили Чипа выходить эту неделю на полный день, но в любом случае у него не получится и управляться с выпечкой, и стоять за кассой, поэтому от вас двоих потребуется больше помощи, чем обычно.

Роз затрепетала от волнения, когда ее отец взял в руки Поваренную книгу.

– Но сначала – самое главное, – сказал он, открыв стальную дверь огромной холодильной камеры, и вошел туда вместе с Книгой.

Роз и Тим последовали за ним в узкий коридор, с обеих сторон от пола до потолка заставленный коробками с обычными продуктами – молоком, сливочным маслом, яйцами, шоколадом, орехами и тому подобным. Под потолком помаргивала неяркая флуоресцентная лампа.

В конце коридора на стене висел выцветший зеленый гобелен. Роз видела его и прежде – например, когда выгружала в холодильник коробки с яйцами после похода на птицеферму – и неизменно испытывала к нему интерес. Гобелен был толстый, как персидский ковер, и весь покрыт затейливой вышивкой: вот – мужчина замешивает тесто, вот – женщина разжигает огонь в печи, тут – малыш в ночной сорочке лакомится кексом, там – старик сачком ловит светляков, а здесь – девочка посыпает глазурь на торте сахарной пудрой.

Парди положила ладонь на дочкино плечо:

– Солнышко, ты сделала дубликат ключа, как я просила?

Роз похлопала себя по нагрудному карману, достала два серебряных ключика: один – потускневший от времени, тот, что утром дала ей мама, и второй – новенький, изготовленный мистером Клайном, – и отдала их отцу. Старый ключ Альберт спрятал в карман, затем отвернул гобелен, за которым обнаружилась невысокая деревянная дверь: поблекшие от времени доски, кованые петли – такие двери делали раньше, когда люди были ниже ростом. Альберт вставил бородку нового блестящего ключа в замок, выполненный в форме восьмиконечной звезды, и провернул его влево. Дверь со скрипом отворилась. Альберт дернул за древнюю медную цепочку – и над головами зажглась пыльная лампочка. Роз глазела, разинув рот от изумления.

Дверь вела в крохотную, обшитую деревом комнатку размером с чулан, полную сокровищ Средневековья, среди которых выделялся портрет худощавого мужчины с усами, облаченного в длинную темно-фиолетовую мантию. На табличке в нижней части рамы старинными, почти неразборчивыми буквами было выведено: «ИЕРОНИМ ЧУДС, ПЕРВЫЙ ПЕКАРЬ-ВОЛШЕБНИК». Еще там находилась гравюра с изображением женщины в фартуке, которая подавала королю, сидящему за длинным пиршественным столом, дымящийся, будто только что из печи, пирог. «АРТЕМИЗИЯ ЧУДС, ДАМА-ПЕКАРЬ, УДОСТОЕННАЯ ЧЕСТИ ПРЕПОДНЕСТИ ПИРОГ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ КАРЛУ II», – значилось на табличке. Фото в желтовато-коричневых оттенках сепии запечатлело мужчину и женщину, державшихся за руки перед пекарней, а рядом с фото висела вырезка из газеты 1847 года под заголовком: «Семейная чета пекарей Чудс прибывает в Нижний Ист-Сайд[5] кормить иммигрантов».

Сбившись в кучку, все четверо стояли в кладовой, при свете свечи разглядывая предметы из прошлого.

– Мы с вашей мамой называем эту комнату библиотекой, хотя предназначена она лишь для одной книги. Книга эта важнее всех книг во всех библиотеках страны, вместе взятых, так что, да, это – библиотека.

Увиденное произвело впечатление даже на Тима.

– Готов поспорить, ты рад, что стал Чудсом, а, пап? – воскликнул он.

Альберт кивнул. Женившись на Парди, он взял ее фамилию, а не наоборот. «Кто станет цепляться за фамилию Хряклинс, если можно сделаться Чудсом?» – в шутку говаривал он.

Альберт установил Поваренную книгу на запыленный постамент в центре тесной кладовой, и все сгрудились вокруг него, едва умещаясь в комнате.

– Книга хранится здесь. Выносить ее отсюда или даже прикасаться к ней запрещается, – промолвил отец. – Роз, я отдаю ключ тебе. – Он повесил ключ на шнурок, завязал концы на узел и протянул дочери.

«Как мама догадалась, что понадобится дубликат ключа?» – пронеслось в голове Роз, однако она отогнала эту мысль. Мама просто *знает* такие вещи, это часть ее волшебных способностей.

Роз взяла ключ с раскрытой отцовской ладони и накинула шнурок на шею. Девочка уже была вся в предвкушении.

– Запомни: открывать эту дверь можно только при пожаре, – строго произнес Альберт, и его всегдашняя улыбка вдруг исчезла. – Если он начнется, ты должна попытаться спасти Книгу. Повторяю: во всех остальных случаях дверь не открывать. *Никакого* волшебства.

Все радостное волнение мигом схлынуло с Роз. Никакого волшебства? Но почему?

* * *

– Часы тикают! – крикнула из машины мэр Хаммер. – Пока мы тут разговариваем, эпидемия распространяется!

Альберт, пыхтя и отдуваясь, вынес на подъездную дорожку шесть кожаных чемоданов, потом по очереди загрузил их в багажник «хаммера». В одном чемодане лежала одежда, остальные пять были набиты банками с мадагаскарской корицей, сушеными крылышками фей, особым черным сахаром из лесов Хорватии, врачебным шепотом и дюжиной других ингредиентов – как обычных, так и загадочных.

Парди собрала всех детей перед домом.

– Роз и Тим, вы будете помогать Чипу на кухне, – сказала она.

– Почему я? – возмутился Тим. – Кухня – территория Роз.

Парди ласково потрепала сына по симпатичной загорелой щеке:

– Я знаю, Тимьян, ты справишься. – Она перевела взгляд на Алфи. – Шалфей, держись рядом с Роз. Помогай ей во всем.

– Обязательно! Лучше меня помощника не сыскать на всем свете! – Алфи хитро подмигнул сестре и остальным.

Роз устало закатила глаза. Вся помощь Алфи обычно заключалась в нытье и попытках произнести буквы алфавита с отрыжкой.

Альберт закончил укладывать багаж.

– Миссис Карлсон придет во второй половине дня. Будьте с ней любезны и ни в чем не перечьте. Она останется у нас на всю неделю, чтобы присматривать за Лик.

– Но она так орет со своим ужасным шотландским акцентом, что у меня аж уши закладывает! – пожаловался Алфи. – И вечно засыпает, когда смотрит телевизор или загорает. К тому же от нее странно пахнет.

– Так говорить невежливо, дружище, – укорил сына Альберт. – Хотя… отчасти ты прав. Роз, ты тоже приглядывай за Лик, если миссис Карлсон вдруг заснет.

Парди широко улыбнулась, но две крупные слезы все равно скатились по ее щекам.

– Дети, мы вас очень любим, – сказала она.

– Погодите! – крикнула Лик. – А фото?

Парди рассмеялась:

– Ну хорошо. Мэр Хаммер, не могли бы вы нас сфотографировать?

Мэр Хаммер громко вздохнула, показывая всем своим видом, что переживает из-за их задержки, однако взяла из протянутых ручек Лик «поляроид», направила объектив на семейство и спустила затвор.

После этого Парди и Альберт прыгнули на заднее сиденье «хаммера» и захлопнули дверцы. Автомобиль мэра пополз по дороге, три «патрульные» машины двинулись следом.

Роз повернулась к Тиму, собираясь сказать что-то вроде: «Я рада, что на этой неделе мы проведем больше времени вместе», но старший брат уже шагал по подъездной дорожке в сторону улицы.

– Официально объявляю: мои каникулы… – он нажал на кнопку своих «умных» часов, – начались!

Вот тебе на – помог в пекарне, называется! Роз вздохнула. Братья никогда не обращали на нее внимания, даже сейчас.

Алфи уже опять прыгал на батуте. Лик потянула сестру за рукав, вереща:

– Рози-Пози! Беда-беда!

– Что случилось, Лик?

– Слизень! Я наступила на слизня! – Сестренка подняла ногу и показала раздавленный трупик слизня, прилипший к подошве.

Роз расстегнула «липучки» на кроссовке Лик – некогда белоснежная обувь теперь приобрела цвет грязи, – сняла ее и обтерла подошву о траву, очищая от вязкой массы. Лик смотрела на останки слизня, вытаращив большие темные глазенки. Все говорили, что Лик – миниатюрная копия старшей сестры: черные

волосы и челка, черные глаза, аккуратный носик, – но более хорошенькая. В пухлом личике Базилик было что-то, чего не хватало Роз, и вовсе не из-за возраста.

– Похороним его? – спросила Лик.

– Кого, слизняка? – нахмурилась Роз.

Лик торжественно кивнула и протянула сестре «поляроидное» фото: Парди и Альберт широко улыбались, обняв красавчика Тима, взъерошенного Алфи и очаровашку Лик. Роз стояла поодаль, но вы все равно бы ее не узнали, потому что в кадр попало только плечо.

Роз вернула фотографию Лик. Для нее началась очередная неделя той же унылой и неблагодарной работы, что и всегда.

Глава 3
Таинственная незнакомка

Перспектива помогать Чипу пугала Роз гораздо сильнее, нежели раздавленный слизень. Чип, который с незапамятных времен ассистировал Парди на кухне, уже прибыл. Он стоял у окна и смотрел вдаль – мимо слизняка, мимо качелей и живой изгороди, за пределы Горести-Фолз. Выбритый налысо и загорелый, он словно сошел с обложки журнала о бодибилдинге. В тот единственный раз, когда Роз отважилась с ним заговорить, она спросила о солдатских жетонах из серебристого металла, которые он носил на цепочке на шее. «Ты служил в армии?» – полюбопытствовала она. «В морской пехоте», – буркнул Чип. «Тогда почему ты работаешь помощником в пекарне?» – не отставала Роз. Он присел на корточки, так, чтобы его лицо находилось вровень с ее, шумно втянул воздух ноздрями и прошептал, глядя ей в глаза: «Потому что я люблю печь».

Роз уже представляла себе эту неделю: ей придется толочься на кухне бок о бок с верзилой Чипом и его мускулистым, точеным торсом, да к тому же пользоваться рецептами из скучнейшей поваренной книги Бетти Крокер[6], которую Альберт и Парди выдали ему перед отъездом. «Держи, Чип. Рецепты бери отсюда», – сказала Парди. «А как же ваша специальная книжка?» – фыркнул он. «С этой тебе будет проще разобраться», – ответила Парди и вручила ему книгу в мягком переплете с самым обыкновенным вишневым пирогом на обложке.

Роз страшно расстроилась из-за того, что родители в свое

отсутствие не разрешили им пользоваться волшебной Поваренной книгой. Так не честно! Девочка посвятила пекарне всю свою жизнь! Кто, как не Роз, с раннего утра помогала родителям готовиться к новому дню, пока все ее ровесники еще сладко спали? Кто, как не она, сразу после школы бежала домой, чтобы заняться дневной уборкой? И ведь все это она делала без нытья и жалоб, в надежде, что в один прекрасный день тоже станет кухонной волшебницей. И вот теперь папа с мамой лишают ее единственного, о чем она мечтала, – испечь что-нибудь магическое.

Кто, как не Роз, присматривала за младшей сестричкой, когда другие отказывались? Роз посмотрела на Лик: та руками рыла ямку в земле, намереваясь захоронить погибшего моллюска.

– Нет у меня настроения для похорон, – сказала Роз. – Давай я лучше покачаю тебя на качелях. Идем.

Лик мгновенно забыла о слизняке и вприпрыжку поскакала к качелям – сооружению из деревянных досочек и железных перекладин, которое Альберт установил в прошлом году. Древесина отсырела и покрылась зеленым мхом, а ржавые цепи скрипели, когда Роз раскачивала сестренку взад-вперед.

– Сильнее! – Лик изо всех сил толкала воздух костлявыми коленками. – Выше, Рози, выше!

На ней, как обычно, была перепачканная рубаха в красную и белую полоску, на голове – такая же полосатая лента. Других нарядов Лик не признавала. Когда и то и другое полностью покрывалось пятнами грязи, пролитого сока и потекших фломастеров, Роз тайком, пока малышка спала, уносила вещи в стирку.

«Неужели я не заслужила позволения хотя бы чуть-чуть поколдовать? – спрашивала себя Роз. – Когда же наконец я буду вознаграждена за вечную беготню по поручениям и работу нянькой?»

Минуту спустя она услыхала слабый рокот мотоциклетного мотора. Звук приближался. Сердце в груди Роз заколотилось, точно разъяренная жаба, пойманная в коробку из-под обуви. Только один человек в городке раскатывал на мотоцикле (а точнее, мопеде), и звали его Девином Стетсоном. Роз лихорадочно перебирала в уме подходящие фразы на случай, если он вдруг остановится на подъездной дорожке Чудсов и заглянет на задний двор. «Привет. Как дела? Меня зовут Роз. Мы раньше не встречались? Что ты делаешь на моем заднем дворе?»

Девин скажет, что увидел караван патрульных машин и забеспокоился о ней. Потом признается, что отец послал его на Открытый рынок Поплара за черникой для нового вида

маффинов, но он не в курсе, где находится это место. «Я знаю, – ответит Роз. – Давай покажу, едем». Она взберется на заднее сиденье мопеда, и тогда ее колени коснутся темно-синих джинсов Девина. Всю дорогу ее подбородок будет лежать на его плече, а его светлые волосы, развевающиеся на ветру, – хлестать ее по щекам. И пускай даже мопед Девина налетит на камень и Роз окажется в кювете и переломает ноги, она все равно ни о чем не пожалеет. Но нет, Роз не похожа на своих ровесниц. У Роз есть обязанности.

Сердитое урчание мотора замедлилось, и мотоцикл свернул на подъездную дорожку. Однако это оказался не проржавевший красный мопед Девина Стетсона, а сверкающий черный зверь с рулевой колонкой, формой напоминавшей бычью голову, с серебристым седлом и острыми рогами-рукоятками из того же металла. Фигура, полностью одетая в черную кожу, грациозно выскочила из седла и прислонилась к нему спиной.

Сердце Роз едва не выскочило из груди. Что-то слишком много зловещих незнакомцев сегодня на их подъездной дорожке. Она оглянулась: смотрит ли еще Чип в кухонное окно? Если надо, он разберется с чужаком, кем бы тот ни был, только вот Чип куда-то запропастился. Роз загородила собой младшую сестру.

Руками в кожаных перчатках, утыканных серебряными шипами, фигура в черном сняла с головы шлем. Мотоциклистом оказалась молодая женщина – высокая и самая роскошная из всех, кого Роз встречала за рамками телеэкрана: широкие темные брови, римский нос с небольшой горбинкой, короткие смоляные волосы стильно подстрижены, на губах – алая помада, крупные белые зубы поблескивают на солнце. Незнакомка словно сошла со страниц глянцевого журнала. Именно такой красоткой в душе мечтала стать Роз, когда вырастет.

– О-о-о, – с наслаждением протянула женщина. – Свежий воздух! Маленький городок! Обожаю маленькие городки! – Запрокинув голову, она расхохоталась гортанным смехом, затем расстегнула металлические кнопки на черной кожаной куртке и бросила ее на сиденье мотоцикла. Под курткой оказалась голубая блузка, отделанная кружевом, – очень похожая на ту, что была сейчас на Роз.

– Ты, должно быть, Розмарин, – промолвила нежданная гостья, неторопливой походкой направляясь к качелям. – Глядика! – Она показала на свою блузку. – Да мы с тобой словно близняшки!

Как только женщина подошла ближе, Лик метнулась в кухню, бросив Роз в одиночестве цепляться за ржавые цепи качелей.

– Не надо меня бояться, котик! Я – твоя тетя Лили.

Эта женщина, кем бы она себя ни называла, улыбалась во весь рот, демонстрируя великолепные, сияющие, белоснежные зубы. Возможно ли, что Роз связана родством с кем-то настолько… красивым? Незнакомка походила скорее на топ-модель, чем на ее тетю.

Роз вызвала в памяти рисунок семейного древа Чудсов, изобразить которое им задали к уроку генеалогии в третьем классе. На широком плакатном листе она вывела свое имя, имена братьев и сестры: Розмарин, Тимьян, Шалфей, Базилик; выше – имена родителей: Альберт Хряклинс и Парди Чудс. Не забыла тетушек и дядюшек: с папиной стороны – тетя Алиса, тетя Янина и странный дядя Льюис; с маминой стороны – никого. Никакой Лили. Роз где-то слышала это имя, но не могла вспомнить где.

– Твоя мама дома? – осведомилась Лили. – Надеюсь, я выбрала удачное время. Я так соскучилась по старушке Парди Чудс!

– Мама никогда не упоминала, что у нее есть младшая сестра.

Запрокинув голову на тонкой длинной шее, Лили снова расхохоталась:

– Ну разумеется! – На лице Роз, должно быть, отразилось замешательство, потому что Лили поспешила объяснить: – Я не прихожусь тебе родной тетей. У прапрапрадедушки твоей мамы, Филберта Чудса, был брат по имени Альбатрос, мой прапрапрадедушка, так что, получается, мы с ней… пятиюродные сестры! Но «тетя Лили» звучит так здорово, согласна?

Роз снова мысленно воскресила перед глазами генеалогическое древо, припоминая, были ли там какие-нибудь Филберты или Альбатросы, но древо отчего-то превратилось в спутанные, буйные заросли.

– В общем, до меня дошли новости, что моя дорогая Парди родила ребеночка. И открыла пекарню! – подытожила Лили.

– Четверых детей, – уточнила Роз, ладонью заслонив глаза от солнца.

– Да что ты говоришь! Выходит, я чуточку опоздала! – Лили плавно прошествовала обратно к мотоциклу и принялась стягивать перчатки – палец за пальцем. – Видишь ли, я тоже занимаюсь выпечкой! Я выпустила книгу рецептов. То есть издала ее за свой счет, но не суть! Несколько месяцев я даже вела собственное радиошоу «Черпачок Лили»! Уверена, ты о нем слыхала.

Роз никогда в жизни не слышала о радиошоу под названием «Черпачок Лили», однако внезапно вспомнила, откуда знает имя новоявленной тети. Однажды, несколько лет назад, после ужина Роз помогала папе мыть посуду, как вдруг зазвонил телефон

и Парди сняла трубку. На протяжении разговора мама произнесла едва ли с десяток слов, а все остальное время молча стояла, прислонившись к дверному косяку, и накручивала на палец телефонный провод. Когда звонок завершился, Альберт и Роз вопросительно на нее посмотрели.

– Это *Лили*, – сказала мама. У Альберта изумленно расширились глаза. – Она нас нашла. Хочет приехать *погостить*.

Альберта перекосило от ужаса:

– Ты же ей отказала, верно, дорогая?

– Разумеется, – кивнула Парди.

– Кто такая Лили? – поинтересовалась Роз.

– Никто, – отрезала Парди и ушла наверх.

Роз помотала головой, отгоняя воспоминания, приблизилась к Лили и тронула ее за плечо:

– Кажется, я кое-что о вас слышала. Как-то раз мама разговаривала с вами по телефону. Она не хотела, чтобы вы приезжали к нам в гости. – Сердце Роз гулко застучало. – Почему?

Лили вздернула брови:

– Давным-давно мой прапрапрадедушка Альбатрос жутко поссорился со своим братом Филбертом, потому-то Парди и не желает со мной общаться, и это такая досада! Вот я и приехала, чтобы навести стены!

– Вы хотели сказать «навести мосты»? – поправила Роз.

– Точно! – просияла Лили. – Послушай, милая, ты мне, конечно, не веришь, но я действительно твоя кузина! Или тетя! Да без разницы! У меня есть доказательство – фамильная метка! – Лили повернулась спиной и приспустила блузку, обнажив плечо – прекрасное, точно крыло ангела. Присмотревшись, Роз разглядела странное родимое пятно – кляксу, от которой тянулась вверх длинная полоса с загнутым кончиком. Точно такое же пятно было у Роз на бедре, у Лик – на шее, у Парди – на руке, у Тима и Алфи – на животе. Оно имелось у всех Чудсов. – Видишь, солнышко?

Алфи выбежал из кухни узнать, что это за черный бык очутился на их подъездной дорожке. Заметив родимое пятно на плече Лили, он закричал:

– У тебя тоже половник!

Лили развернулась и попыталась поднять крепыша Алфи на руки, но передумала и опустила на землю.

– Ты, должно быть, Шалфей! – воскликнула она.

– А вы кто? – Хихикая, он вывернулся из ее объятий.

Лили прижала палец к носу Алфи и поводила им туда-сюда.

– Я твоя тетя Лили! – объявила она и сделала изящный реверанс. – Я приехала, чтобы воссоединиться с семьей!

Глава 4
Тетя Лили спешит на помощь

– Мамы дома нет, – сообщила Роз, теребя низ блузки.

Тетя Лили подошла к мотоциклу и отцепила небольшой матерчатый чемоданчик, закрепленный сбоку, и сумочку поменьше в форме цилиндра. Сумочка была из малинового жатого бархата и меняла цвет в зависимости от угла зрения.

– Кажется, я прибыла в нужное время! – воскликнула Лили. – Лучший способ доказать твоим родителям мое желание наладить наши непростые отношения – позаботиться об их детишках, пока Парди и Альберт в отъезде, а, Роз?

Роз подумала, что все это, по меньшей мере, звучит подозрительно. Она мысленно взмолилась, чтобы мама и папа вдруг задним ходом вернулись на подъездную дорожку, вспомнив, что забыли взять смену нижнего белья. Но никто, конечно же, не вернулся.

– Наверное, вам стоит приехать, когда родители будут дома, – неуверенно сказала Роз.

Лицо Лили вытянулось, как у обиженного щенка.

– Я ведь только хотела помочь. В пекарне то есть. – Подхватив чемодан и сумочку, она медленно прицепила их обратно к мотоциклу. – Но вижу, мне здесь не рады.

– Не-е-е-ет! – завопил Алфи. – Роз, ты что творишь? Нельзя прогонять члена семьи! У нее же фамильная метка!

Роз посмотрела на профессиональную пекаршу, которая на всю неделю предлагала им помощь с выпечкой, затем перевела взгляд на Алфи, своего единственного сушефа[7], в самый неподходящий момент решившего поковырять в носу у окна. Ей и Чипу вдвоем не управиться, да и Тим с Алфи едва ли проявят рвение на кухне. А еще было в этой женщине нечто такое, что, вопреки всем подозрениям Роз, завораживало.

– Постойте! – окликнула Роз Лили. – Пожалуй… помощь нам пригодится.

– Ура-а-а! – обрадовалась Лили. – И я уже знаю, что мы сегодня приготовим на ужин!

«Что *мы* сегодня приготовим на ужин». Роз с невольным облегчением отметила это ее «мы».

* * *

Миссис Карлсон притащилась на задний двор позже обычного. Короткие светлые волосы она накрутила на бигуди, а сама нарядилась в расшитый пайетками топ и белые легинсы, явно ей тесноватые. В одной руке она держала переносной телевизор, в другой – упаковку овсяной крупы и прозрачный пластиковый контейнер с чем-то, что на вид напоминало желудок, а пахло и того хуже.

Алфи зажал нос и прогнусавил:

– Фу-у, что это?

– Собираюсь приготовить хаггис, – с густым шотландским акцентом ответствовала миссис Карлсон. – Хаггис – это овсяная каша, запеченная в бараньем желудке. Благодаря ему у тебя на груди вырастут волосы.

Алфи испуганно схватился за грудь.

– Вы очень любезны, миссис Карлсон, но в этом нет необходимости, – раздраженно произнесла Роз.

Миссис Карлсон взглянула на нее, по-птичьи склонив голову набок:

– Почему?

– Видите ли, – начала Роз, – к нам в гости приехала тетя, и она уже готовит ужин.

– Ваш отец не предупреждал ни о какой тете! – проворчала миссис Карлсон.

– Он… забыл, что она приезжает. – Роз нервно оглянулась по сторонам. – Но она уже здесь и будет готовить нам всю неделю.

Миссис Карлсон прошаркала к задней двери, где стоял металлический мусорный бак, и выбросила в него бараний желудок:

– Вот и славно. Мне и самой не очень-то и хотелось этого хаггиса.

* * *

Поскольку первый этаж в доме Чудсов целиком занимала пекарня, почти все время по вечерам семья проводила, собравшись за кухонным столом. Вообще-то, это был не стол, а целый уголок, как в кафе: две длинные темные деревянные скамьи с высокими спинками и красными кожаными сиденьями разделял полированный стол вишневого дерева, над которым висела кованая люстра, похожая на средневековый канделябр. За этим столом члены семьи завтракали, обедали и ужинали, а после ужина частенько возвращались к бесконечной игре в «Безумные восьмерки»[8], стараясь не толкаться локтями во время набора и сдачи карт.

В ожидании ужина мальчишки барабанили по краю стола ножами и вилками и скандировали:

– Ли-ли! Ли-ли!

Лик с ногами взгромоздилась на стол и уселась, как лягушка, так что голова оказалась зажата тощими коленками. Миссис Карлсон втиснулась между Тимом и Алфи, прижимая к груди кожаную сумочку.

– Что за дикая семейка! – воскликнула она.

Роз пожала плечами, чувствуя себя невидимкой по сравнению со своими чересчур шумными братьями и сестрой.

Тетя Лили уже час хлопотала в глубине кухни. Черный кожаный наряд мотоциклистки она сменила на воздушное белое платье из хлопка, в котором выглядела невероятно высокой, стройной и элегантной, пускай и трудилась в жаркой, набитой людьми кухне. Наконец новоявленная родственница водрузила на середину стола огромное ярко-оранжевое блюдо.

– Паэлья валенсиана! – провозгласила Лили. – Рис по испанскому рецепту. Я узнала, как его готовят, когда обучалась игре на классической гитаре под Барселоной.

Блюдо представляло собой гору душистого риса нежно-шафранного оттенка с кусочками цыпленка, острой копченой колбасы и морепродуктов.

– Выглядит просто *делисьосо*[9], *тиа*[10] Лили! – воскликнул Тим, который обычно не ел ничего, кроме лапши со сливочным

маслом и лакрицы. Сегодня он надел отглаженную рубашку с воротником на пуговицах, а волосы при помощи геля превратил в торчащие шипы. Роз подозревала, что его внешний вид как-то связан с роскошной женщиной, порхавшей по кухне.

– Обожаю морепродукты! – оживленно заметила Лили. – Отец постоянно приносил домой мидий, креветок и моллюсков. Он был рыбаком.

– Значит, с вашей стороны в семье пекарей нет? – спросила Роз, предположив, что родимое пятно на плече Лили может быть вовсе не половником, а рыболовным крючком.

– Мои родные пробовали заниматься выпечкой, но у них не имелось… – Лили сделала паузу, – нужных ингредиентов. Поэтому вся семья переехала в Новую Шотландию и занялась рыбной ловлей. Но я такой жизни не хотела, поэтому купила мотоцикл и удрала в Нью-Йорк, чтобы стать блистательной актрисой.

– Была я там разок, – с набитым ртом пробурчала миссис Карлсон. – У меня украли кошелек, а потом голубь оставил на голове «подарочек» – ну, вы понимаете, о чем я.

Дети расхохотались.

– Да, Нью-Йорк, он такой, – сказала Лили, обмахиваясь руками. – Когда я туда приехала, то рассекала по Бродвею на Трикси – это имя моего мотоцикла, – и чувствовала себя безумно, упоительно живой! Потом я поняла, что мне негде жить, а денег хватит всего на пару хот-догов. Ну, и купила себе два хот-дога, а затем съела их в Центральном парке.

– Я бы поступил точно так же, *тиа* Лили, – пробасил Тим. Роз впервые видела, чтобы старший брат проявлял такое дружелюбие. Надо же, называет эту странную женщину «тиа Лили», словно знает ее всю жизнь!

– О да! – горячо поддержала Лили. – Иногда человеку просто необходимо съесть хот-дог. Короче, я брела на запад по Семидесятой улице, а тем временем уже смеркалось. Оглядевшись, я увидела маленькую кондитерскую с белыми ставнями и прелестными желтыми занавесками. В окошке висело объявление: «Требуется помощник». Я направилась прямиком туда и сказала: «Готова работать без оплаты, если вы позволите мне спать на кухне». И мне позволили! Там я и научилась печь.

– Тетя, возьмешь меня с собой, когда поедешь обратно? – спросил Алфи.

Лик выпрямилась в полный рост и начала прыгать по столу с криками:

– Нью-Йорк! Нью-Йорк!

– Возможно, когда-нибудь, – промолвила Лили.

Положив ладонь на спину Лик, она стала ласково утихомиривать девчушку, тогда как миссис Карлсон просто глядела с недовольной гримасой на маленькую бестию. Лили продолжала:

– Но в Нью-Йорк я поеду еще не скоро. Дело в том, что я собираюсь запустить собственное телешоу под названием «Волшебство за полчаса», поэтому я езжу по стране и собираю рецепты – самые лучшие и удачные рецепты, которыми не стыдно поделиться с миром.

– Роз! – воскликнул Алфи. – Давай покажем ей Книгу!

– Какую книгу? – Роз напряглась. Если Лили рассчитывает вызнать волшебные рецепты, то явилась не по адресу. – А, ты про нашу *бухгалтерскую* книгу! Алфи имеет в виду, что вас может заинтересовать наша модель предприятия.

Лили с улыбкой пожала плечами:

– Да нет, не нужно, я ведь пекарь, а не математик!

Роз метнула на младшего брата испепеляющий взгляд, но Алфи в ответ лишь высунул язык.

* * *

На следующее утро, спустившись в торговый зал, Роз застала Тима за уборкой. В жилете, наглаженных черных брюках и такого же цвета рубашке старший брат походил на официанта.

– Ты не дрыхнешь? – изумилась сестра. – Да к тому же… Эй, чем ты вообще занят?

Тим беспокойно покрутил головой по сторонам:

– Ничем. Так, убираюсь.

– С каких это пор ты научился пользоваться шваброй?

– Просто помогаю новой хозяйке.

Роз спросила себя, не следовало ли и ей чуточку принарядиться с утра. В отличие от большинства девочек в школе, которые щеголяли в брендовых джинсах, модных пиджаках со стразами и дорогих топах ярких расцветок, Роз по большому счету было все равно, в чем ходить. Во-первых, любая одежда на ней рано или поздно грязнилась: всему виной было растительное или сливочное масло, мука и прочие разнообразные ингредиенты с кухни Чудсов. А во-вторых, никакая новая блузка не превратит ее в гламурную красотку и уж точно не заставит Девина Стетсона обратить на Роз внимание. Только выдаст, как сильно она старается выглядеть лучше.

Однако на фоне тети Лили в ее шикарных нарядах Роз чувствовала себя чумазым уличным мальчишкой и всерьез

подумывала совершить вылазку в магазин и тоже прикупить себе что-нибудь сногсшибательное.

Роз миновала распашные двери, отделявшие торговый зал от кухни, и увидела Чипа, который взбивал яичные белки в планетарном миксере.

– О, эти морпехи! – Лили, будто веером, помахала на себя кончиками пальцев. Она стояла у стола и месила тесто, вместо наряда из черной кожи на ней был ярко-красный сарафан в белый горошек. – Знаешь, а я ведь целый год отработала шеф-кондитером на круизном лайнере!

Чип оторвал взгляд от миксера и шагнул к Роз:

– Доброе утро, Рози!

– Чип, дорогуша. – Лили коснулась его плеча. – Нам с Рози надо посекретничать о своем, о женском. Сходи на перерыв, выпей чашечку кофе.

Чип с облегчением выдохнул и удалился с кухни.

Роз так и разинула рот. Каким образом эта женщина покорила грубоватого и нелюдимого Чипа? С чего вдруг Тим взялся за уборку? В тете Лили словно был какой-то скрытый электрический заряд, что-то, благодаря чему для нее тебе хотелось надеть свой лучший наряд и улыбаться всем и каждому. Но что же это? Роз тщетно ломала голову.

– Поможешь мне с меренгами? – Лили вытащила чашу со взбитыми белками из-под миксера и протянула Роз ложку.

Вооружившись ложками, они вдвоем стали выкладывать воздушные облачка белков на застеленный пергаментом противень. Лили работала проворно, с легкостью – точно балерина крутила пируэты, – лицо выражало спокойную сосредоточенность: губы плотно сжаты, брови слегка нахмурены.

– Итак, Роз, чем бы ты хотела заниматься, когда вырастешь? – поинтересовалась тетя.

Роз уставилась в потолок. Прежде никто ее об этом не спрашивал. Иногда ей хотелось только печь и печь, а иногда казалось, что она заорет во все горло, если увидит еще хоть один маффин. Порой она мечтала сбежать из Горести-Фолз, а порой думала, что стоит ей уехать, как сердце превратится в сморщенный темный орех, а потом и вовсе остановится.

– Пока не знаю, – наконец ответила девочка.

Лили поставила противень с меренгами в духовку.

– А я хочу объездить весь мир и со всеми перезнакомиться. Не понимаю, как можно изо дня в день делать одно и то же, посещать одни и те же места, общаться с одними и теми же людьми. Я бы просто умерла от скуки!

Роз поежилась. Тетя Лили только что описала ее собственную

жизнь.

– Вообще-то, размеренная повседневность успокаивает. – Роз посмотрела через распашные двери в торговый зал. Тим как раз перевернул табличку на двери, сменив «Закрыто» на «Открыто», и перед кассой уже выстроилась очередь. – Взгляните на этих людей. Я знаю каждого.

– Расскажи мне о них, – негромко попросила Лили.

– Хорошо. Видите у прилавка мужчину в свитшоте с лягушками? Первый в очереди.

Лили кивнула.

– Это мистер Бэсстол, столяр. – Мистер Бэсстол носил густую седую шевелюру и черные усы, а потому Роз он всегда казался двоюродным братом Альберта Эйнштейна. Спереди на его свитшоте красовалось изображение дюжины лягушек. – Каждое утро он покупает морковный маффин с отрубями.

Лили вытянула шею:

– А что скажешь о женщине, которая стоит сразу за ним? Вон та, со странной прической.

Женщина была такая низенькая, что Лили – Роз это знала – могла видеть только ее прическу – башню из седоватых волос, которая по бокам расходилась на два остроконечных пика, напоминавших волчьи уши.

– Это мисс Репей, моя учительница биологии. Она влюблена в мистера Бэсстола. А он – в нее. Но они еще ни разу нормально не поговорили друг с другом.

– Тайная любовь! – ахнула Лили. – А тебе откуда известно об отношениях между ними?

– Однажды мистер Бэсстол пришел к нам на урок биологии, чтобы показать слайд-шоу с лягушками. Мисс Репей все время смотрела на него с блаженной улыбкой, а он отводил глаза, хотя ясно было, что он просто пытается скрыть свои чувства. – Роз прекрасно знала эту технику – сама пользовалась ею всякий раз, как Девин Стетсон проходил мимо по школьному коридору.

Глаз Лили увлажнились.

– У меня есть тайна. – Она подалась вперед. – На самом деле я родом не из Новой Шотландии. Мой отец был военным, и мы каждый год переезжали. По большому счету у меня нет родного города, поэтому я и не понимаю, как можно провести всю жизнь, оставаясь на месте. – Покачав головой, Лили зажмурилась, а когда открыла глаза, на ее лице снова сияла улыбка. – Это же так скучно! Все в этом городишке будто застряли в одной точке и совсем не меняются.

Роз напряглась:

– Вы и мою маму имеете в виду?

Лили одной рукой обняла ее за плечи:

– Я не в плохом смысле. Понимаешь… твоя мама сделала свой выбор. С ее способностями она могла прославиться, а вместо этого осела здесь. – Лили широко улыбнулась. – У тебя тоже есть способности, Роз, я вижу. Вопрос лишь в том, как ты ими воспользуешься.

Роз вспыхнула. Никто и никогда не называл Роз способной, все звали ее по имени – Роз, и только.

Она понемногу начала осознавать, что за странные чары околдовали Тима и Чипа. Царственным великолепием эта женщина превосходила даже единорогов. Ну, либо же тетя Лили просто умела сказать нужные слова в нужное время.

– *Tua* Лили! – крикнул из торгового зала Тим. – Круассаны закончились!

Лили взяла в руки поваренную книгу Бетти Крокер с обыкновенным вишневым пирогом на обложке:

– Вы отсюда берете рецепты? Я полагала, у твоей мамы есть что-то… поинтереснее.

– Нет, мы печем по этой книжке, – нервно сказала Роз. – Рецепты обычные, просто мама готовит с любовью.

* * *

Рядом с тетей Лили дети замечательно проводили время. Сегодня Лик, как всегда, скакала по кухне, однако, в отличие от Парди, Лили не спотыкалась о нее и не роняла все ингредиенты на пол, а грациозно танцевала вокруг малышки и даже смогла ее угомонить:

– Лик, мне нужно, чтобы ты разложила изюм по формочкам для маффинов, в каждую – по десять изюминок. Справишься?

Лик энергично закивала, уселась на полу и принялась медленно и тщательно раскладывать изюм по формам, пока ее не сморило от усталости. Так на полу она и уснула – свернувшись клубочком подле холодильной камеры.

За кассой Тим улыбался покупательницам, охавшим и ахавшим, каким красавцем он выглядит в рубашке и жилете. Чип носился из зала на кухню и обратно, словно официант в пятизвездочном ресторане, вытянувшись во весь рост, заложив одну ладонь за спину, а другую, на которой держал подносы с печеньем и кексами, высоко подняв над головой. В пять часов, когда его смена закончилась, он так погрустнел, что Лили предложила ему остаться на ужин.

Миссис Карлсон пришла в ужас, увидев, что все члены семьи,

скрестив ноги по-турецки, уселись во дворе на одеяле для пикника, а Чип и Лили нарезают баранью ногу размером с кондиционер.

– Так. Очередной кулинарный изыск на подходе? – язвительно осведомилась миссис Карлсон. – Неужто карри?

– Нет, мэм, – проворковал Алфи. – Баранья нога с этим, как его… зизики.

– Дзадзики, – со смехом поправила его Лили. – Это греческий соус на основе йогурта.

Лик сидела на коленях у Чипа и долго обсасывала один и тот же кусок мяса. Алфи и Тим рукавами стирали с губ густой йогуртовый соус, а миссис Карлсон едва не жмурилась от удовольствия, уплетая нежнейшую баранину. Между тем Роз не верила своим глазам: не прошло и пары дней, как тетя Лили превратила хмурые мины всех Чудсов в дружелюбные улыбки.

Лик взяла в руки «поляроид», постоянно болтавшийся у нее на шее, и щелкнула тетю Лили.

Когда с бараниной было покончено, Лили выпорхнула на кухню и принесла песочный пирог с бледно-желтой кремовой начинкой и хрустящей корочкой.

– На десерт я приготовила вам кое-что вкусненькое! – объявила она.

У Роз вытянулось лицо. Она терпеть не могла лимонный пирог. Как и Алфи.

– Фу, лимон! – скривился он, по-рыбьи собрав губы трубочкой.

– Нет-нет! – воскликнула Лили. – Никаких лимонов. Я сама ненавижу лимонные пироги! Гарантирую, такого вы еще не пробовали! – уверила она, длинным ножом разрезая пирог на кусочки. – Это рецепт моего прапрапрадедушки Альбатроса.

Роз с подозрением оглядела порцию на своей тарелке. Желтым был только верхний слой крема, а под ним шли слои взрывного малинового, ярко-синего и даже перламутрового оттенков. Откусив кусочек, Роз ощутила во рту что-то густое, пастообразное, сразу и сладкое, и солоноватое и действительно ни на что не похожее.

Все четверо Чудсов молча жевали божественный пирог, стараясь откусывать понемножку и мечтая, чтобы он не заканчивался.

– Вот за такими особенными рецептами я и охочусь в своих путешествиях, – пояснила Лили. – Ищу по-настоящему уникальные.

На кухне зазвонил телефон, но все были так увлечены едой, что не обратили на это внимания. Не услышала звонка даже

миссис Карлсон, которая тоже вкушала десерт по чуть-чуть, с выражением полного блаженства.

И только Лик, потерявшая интерес к пирогу после первого укуса, побежала на кухню и взобралась на скамью с красными кожаными сиденьями, чтобы дотянуться до трубки древнего черного аппарата с дисковым набором.

– Мама звонит! – крикнула она из кухни. – Тим, иди поговори с мамой! – Бросив трубку болтаться на проводе, она выбежала обратно во двор и присоединилась к компании на расстеленном одеяле.

Недовольно бурча себе под нос, Тим встал. Лили схватила его за запястье:

– Доешь последний кусочек, Тим! Хочу, чтобы… ни крошечки не пропало зря.

При виде длинных изящных пальцев Лили на своем запястье Тим ухмыльнулся и, точно послушный пес, закинул остатки пирога в рот, разом проглотил, а потом, будто в трансе, побрел к задней двери. Взял болтавшуюся на проводе трубку и отрешенно приложил ее к уху. Роз слышала, как он отвечал – по своему обыкновению, механически, почти как робот: «Привет… Нормально… Нет, ничего нового».

А ведь дела обстояли совсем не так! К ним приехала тетя Лили, и это – самая громкая новость, пожалуй, за всю историю унылого Горести-Фолз.

Роз охватило желание вырвать у Тима трубку и рассказать родителям о тете Лили – лишь бы убедиться, что она поступила правильно, разрешив гостье влезть в семейный бизнес. Сейчас, прямо сейчас Роз это сделает, вот только съест еще немножко пирога. И еще немножко. А лучше уж все доесть. Она ела и не могла остановиться. Даже после того, как Тим повесил трубку и вернулся во двор со словами:

– Да обычные наставления: не разводите бардак в доме, ложитесь спать вовремя и все такое…

Тетя Лили оборвала Тима, поднеся к его губам очередной кусочек пирога на вилке. И тогда все вновь молча принялись за еду и ели, пока не вылизали тарелки дочиста и весь пирог, до последней крошки, не исчез с блюда, точно его не было вовсе.

* * *

Каждый вечер перед сном дети Чудсов собирались на втором этаже, в небольшой ванной с зелеными обоями в цветочек, на особый тайный ритуал, который называли «Чистые зубки». Все

четверо, переодетые в фланелевые пижамы, вставали вокруг белой фарфоровой раковины и вместе чистили зубы.

Тим в спортивных голубых шортах, будто пьяный, кружил по ванной и рассеянно водил щеткой по языку. Лик просто намазюкала рот зубной пастой, а после сплюнула. И только Роз почистила зубы как следует: сверху вниз, от десен к кончикам, круговыми движениями, с внешней и внутренней стороны.

Шалфей сидел подле ванны в миниатюрном кресле-качалке на изогнутых декоративных ножках. Скрестив на груди руки, он недовольно дулся.

– Теперь что не так, Алфи? – проворчала Роз, помогая Лик стирать зубную пасту с губ, носа и щек. Впрочем, причину она знала: брат, как и все они, думал об их «тете», которая в эту минуту обустраивалась в гостевой комнате на цокольном этаже.

– Почему нельзя показать Лили Книгу? Ей нужны рецепты для телешоу. С ними она прославится, и тогда мы приедем к ней на передачу и тоже станем знаменитыми!

Тим смачно сплюнул в раковину:

– Поддерживаю младшего. Лили необходима наша помощь. Думаю, она полюбит… нас, если мы дадим ей Книгу.

В ушах Роз звенели слова Лили: «У тебя тоже есть способности, Роз… Вопрос лишь в том, как ты ими воспользуешься». Девочка взглянула на ключик в форме венчика, который висел у нее на шее:

– Мы не можем этого сделать. Я дала слово.

– Хорошенькое дело! – возмутился Алфи. – Значит, трусишь перед родителями и во всем им подчиняешься ты, а страдать должна тетя Лили? Кто накормил нас паэльей, с утра до вечера помогал в пекарне и приготовил такой обалденный десерт, какой маме и папе с их дурацкой книжкой даже и не снился?

– Но мы же совсем не знаем эту Лили! – в отчаянии воскликнула Роз. Почему ее стремление вести себя ответственно и делать все как полагается всегда наталкивается на недовольство братьев?

Внезапно ей пришла в голову мысль: а что, если одним махом помочь и Лили, и себе? Вместо того чтобы показывать Книгу Лили, Роз могла бы скопировать несколько рецептов и опробовать их на деле прямо у той под носом! И если к концу недели младшие Чудсы убедятся, что тете Лили можно доверять, то покажут рецепты и ей. Таким образом Роз освоит хотя бы капельку магии и заодно докажет братьям, что не всегда следует правилам и делает как велено. Может быть, потом, много лет спустя, она расскажет об этом маме за чашкой чая, и Парди со смехом скажет: «Ах, Рози, какая же ты у меня ответственная! Пора

тебе взяться за управление пекарней наравне с родителями».

От этой мысли Роз просияла.

– Я тут прикинула, – начала она, – что достаточно будет просто переписать из Книги несколько рецептов и самим приготовить по ним выпечку, а в конце недели показать их тете Лили. Так она решит, что это повседневные рецепты с добавлением одного-двух необычных ингредиентов. Но говорить ей про Книгу нельзя!

Тим и Алфи с улыбками закивали.

– Лили будет в восторге! – обрадовался Тим.

– Так. – Роз поставила в стаканчик сперва свою зубную щетку, затем щетку Лик. – Завтра утром встречаемся в холодильной камере. Нужно успеть переписать рецепты, пока тетя спит.

Братья Чудс шлепнули друг друга по раскрытой ладони, а Роз одобрительно похлопали по плечу, и она впервые за долгое время почувствовала, что все они – одна семья.

– Имейте в виду: у меня нехорошее предчувствие насчет всей этой затеи, – предупредила Роз, однако братья, пустившиеся в победный пляс, ее уже не слушали.

Она подхватила Лик на руки, словно младенца, отнесла в комнату и уложила в постель. Укрыла сестренку до подбородка красной простыней из мягкого трикотажа, тщательно подоткнула по краям.

– Как думаешь, Лик, я совершаю ошибку? – шепотом спросила она.

Но малышка уже крепко спала.

Глава 5
Поваренная книга

Ранним утром Роз в ночной рубашке на цыпочках спустилась на кухню. Слабое дурное предчувствие никуда не делось, однако радость от того, что у нее появился шанс воспользоваться Книгой и поработать в одной команде с братьями, была куда сильнее и в итоге перевесила все переживания.

Небо за окном было бледно-серым, ручейки дождя сбегали по оконным стеклам, смазывая очертания заднего двора. Роз с трудом разглядела темный силуэт мотоцикла Лили на подъездной дорожке. Лик еще спала; спускаясь по лестнице, Роз слышала мощный храп миссис Карлсон. С цокольного этажа не доносилось ни звука, – кажется, Лили тоже пока не проснулась.

Тим уже сидел за столом. На нем были вчерашние спортивные голубые шорты и белая майка, на голове – лаймово-зеленые наушники с микрофоном, подаренные ему на день рождения два года назад.

– Приветствую, Розмарин. – Он жестом пригласил сестру садиться. – Ты точно по расписанию. – Он нажал кнопку на гарнитуре и проговорил в микрофон: – Кориандр, выходи. Повторяю: Кориандр, выходи.

В наушниках зазвучал голос Алфи:

– Кориандр – Лавровому Листу. Выхожу. Прием.

Роз закатила глаза.

– Ваши кодовые имена – всего-навсего названия других трав?

– Да! – возбужденно воскликнул Тим. – Лавровый Лист – Кориандру, Лавровый Лист – Кориандру. Розмарин на месте. Приказываю Кориандру явиться в центральный штаб.

– А почему мне не присвоили кодовое имя? – поинтересовалась Роз.

– Потому что твое имя – это и так название травы. Что такое, по-твоему, розмарин? – едко ответил Тим.

– Верно подмечено, *Тимьян*, – не осталась в долгу Роз.

Через распашные двери из торгового зала на выложенную терракотовой плиткой кухню скользнул Алфи – без обуви, в гетрах, фланелевых пижамных штанах, черном пиджаке от костюма и черных солнцезащитных очках. «Вырядились, как шпионы на пижамной вечеринке», – подумала Роз про братьев и хихикнула, когда Тим протянул ей зеленую гарнитуру. Алфи театрально огляделся по сторонам и на цыпочках прокрался к столу.

– План такой, – начал Тим, но, поймав в окне свое отражение, отвлекся, пригладил волосы и только потом продолжил: – Заходим, переписываем рецепты, выходим. Просто, чисто, без сопутствующего ущерба. Я буду читать вслух, а Роз записывать за мной, потому что у нее красивый почерк.

– А я? – вставил Алфи.

Роз и Тим переглянулись.

– Ты будешь смотреть в текст из-за моего плеча и следить, чтобы я не ошибся, – предложил Тим.

Алфи закивал, довольный такой важной ролью.

Роз открыла дверь холодильной камеры, и трое шпионов шмыгнули в темный проход. У Роз на глазах собственное дыхание на стылом воздухе превращалось в облачка пара. Неожиданно лампочка под потолком моргнула и погасла. Где яйца, где круги сыра, где одна стена, где другая, – было не понять.

– Жуть какая, – прошептал Алфи.

Нащупав в конце коридора край шершавого гобелена, Роз отогнула его, затем стала водить рукой по доскам и железным петлям дверцы, пока не нашарила замочную скважину. У нее слегка закружилась голова, когда изящные зубчики ключа-венчика провернулись в замке и дверь в библиотеку открылась.

Парди не позволяла Роз даже одним глазком взглянуть на рецепты в Поваренной книге Чудсов, однако теперь девочка была убеждена, что после работы нянькой и беготни по поручениям

имеет полное право прикоснуться к древним секретам, составлявшим семейное наследие.

– Нам надо выбрать самые интересные и действенные рецепты, – заявил Алфи, водя пальцем по кожаному переплету с затейливым тисненым узором, делавшим обложку Книги похожей на дверь старинного собора.

Тим отогнал младшего брата от Книги и открыл ее сам. Роз заглянула ему через плечо.

– Погоди-ка, – сказала она. – Тут должен быть рецепт маффинов с маком, мама пекла их позавчера утром. Возьмем его. Читай.

На одной странице разворота изображалась сумрачная, обшитая досками кухня. Старушка в чепце и фартуке вытаскивала из печи противень с пышными маффинами, а мужчина в широкополой шляпе и богатой меховой шубе кричал и колотил по земле кулаками. На другой странице был рецепт, но не обычный, с перечнем ингредиентов и пошаговой инструкцией, нет, этот рецепт, скорее, являл собой целую историю. Тим вслух зачитал вступление:

Булочки с семенем красного мака для восстановления утраченной памяти

И случилось так, что лета 1518-го на шотландском острове Пена леди Греснил Чудс, повязавши алый передник, помогла лорду Фалону О'Лекноду, коего подводила память. Не мог он припомнить местонахождение своей драгоценной накидки. И молвил лорд Фалон: «Моя накидка, расшитая рубинами и подбитая мехом горностая, пропала две седмицы[11] *тому назад! Ее похитили мои недруги, сомнений нет». Тогда леди Чудс испекла для него булочки с маком. Отведав оные булочки, лорд Фалон вспомнил, что две седмицы тому назад повесил накидку на спинку стула во время обеда в доме священника Пьеро да без нее сей дом и покинул.*

– Что это за белиберда? – недоуменно спросил Алфи.

Тим оглянулся на брата:

– Видимо, благодаря нашей пра-пра-пра-какой-то-там-бабке один богатей вспомнил, что забыл свой плащ в гостях. – Тим продолжил читать вслух, а Роз принялась лихорадочно за ним записывать:

И всыпала Греснил Чудс два кулака белой, точно снег, муки в середку деревянной чаши. Вбила в муку одно куриное яйцо, проткнула золотистый желток наименьшим пальцем своей левой руки и трижды промолвила: «Обливискато-Канселлято».

И смешала она один наперсток черного макового семени с одним кулаком коровьего молока, нашептывая: «Меморе-Репаре».

И вылила леди Чудс маковое молоко в муку и перемешала железной ложкой пятикратно по ходу часовой стрелки.

И добавила она в смесь каплю слоновьей слюны и оставила тесто подходить.

И налепила она булочек и в середку каждой положила по лепестку алого мака.

Далее продолжалось в том же духе:

И подул ветер с севера. И поставила леди Чудс булочки в печь, разогретую до СЕМИ ОГНЕЙ, на срок в ШЕСТЬ ПЕСЕН, а после подала их лорду Фалону О'Лекноду. И сверкнули очи его изумрудной зеленью, и вспомнил он, что оставил накидку в доме священника Пьеро.

– Я не знала, что рецепты из нашей семейной Книги… такие. – Роз пробежала глазами по своим записям. Два кулака муки? Печь, разогретая до семи огней? Срок в шесть песен? – Понятия не имею, в чем тут что измеряется. – Роз в безмолвном отчаянии посмотрела на братьев.

Тим бросил взгляд на часы:

– Семь утра. Скоро придет Чип. Нужно поторопиться. Просто пиши, потом разберемся.

* * *

Полчаса спустя Роз, Алфи и Тим вышли из секретного хранилища с точными, слово в слово, копиями пяти рецептов блюд, которые они собирались приготовить за неделю.

Покинув холодильную камеру, в окне над нишей троица сквозь струи дождя заметила, как по подъездной дорожке движется мерцающая фигура.

– Кто это? – прошептала Роз.

Дети приоткрыли заднюю дверь и осторожно выглянули

наружу. Тетя Лили в лиловых брюках, расшитых пайетками, и топе такого же цвета при помощи серебристого гаечного ключа подтягивала болт на колесе своего мотоцикла. Ее короткие черные волосы блестели от дождя.

– Чем она занята в такую рань?

Братья ничего не ответили Роз и выскочили во двор пожелать тете Лили доброго утра. Роз осталась в дверях, не желая мочить ночную рубашку. Почему же Тим с Алфи никогда не бежали сказать «доброе утро» ей?

Лили отбросила гаечный ключ в сторону, широко раскинула руки и обняла мальчиков:

– Парни! Чего не спится? И почему вы в наушниках?

Тим и Алфи переглянулись. Алфи заулыбался, а Тим стащил гарнитуру с головы.

– Я просто играл с Алфи, – сказал он. – Ерунда, детские забавы.

– А-а, – протянула Лили и в это мгновение заметила в дверном проеме Роз, которая внимательно прислушивалась к разговору. – Доброе утро, Роз!

– Тетя Лили, а вы почему не спите? – спросила Роз.

Лили улыбнулась так широко, что обнажились десны.

– Я всегда просыпаюсь не позже семи. Вот и решила, что утренняя поездка за продуктами будет приятнее, если я прокачу кого-нибудь из вас на малютке Трикси! – Она похлопала по блестящим рукояткам рулевой колонки, похожей на бычью голову. – Ну, кто со мной? Подъемы и спуски куда легче преодолевать на мотоцикле!

Алфи поднял руку и возбужденно запрыгал:

– Я, я, я, я, я!

Тим сохранял выдержку, хотя Роз видела, что ему до смерти хочется прокатиться.

Лили протянула Алфи черный защитный шлем. От восторга Алфи подскочил на добрых полметра, застегнул шлем под подбородком и плюхнулся на заднее сиденье мотоцикла.

– Ты следующий, – подмигнула Тиму Лили.

– Ага, договорились. Круто. – Он вразвалочку двинулся к задней двери. – Пропусти-ка меня, *ми эрмана*.

Роз не сдвинулась с места.

– В чем дело, сестренка?

Роз подалась вперед и заглянула прямо в прекрасные серые глаза старшего брата:

– Что-то темнит эта тетя Лили. Зачем возиться с мотоциклом в несусветную рань да еще под дождем? И как вышло, что она приехала улаживать двухсотлетнюю семейную вражду именно в

то время, когда наших родителей нет в городе?

Тим отпихнул Роз с дороги:

– Не выдумывай. Ты просто завидуешь, что у тебя нет мотоцикла и ты не роскошная красотка ростом метр восемьдесят.

Роз пока не доросла до того, чтобы называться «роскошной», однако слова брата ее все равно уязвили. Она знала, что даже в будущем вряд ли станет такой же роскошной, как тетя Лили, и уж точно не нуждалась в лишних напоминаниях об этом.

– Пойду переоденусь во что-нибудь поприличнее, – сказал Тим и, шаркая, направился к лестнице.

Роз вздохнула. «Скорее всего, я и вправду завидую, – подумала она. – Завидую чудесному смеху Лили, ее чудесным нарядам и чудесной жизни». Она поплелась к холодильной камере, прошла по темному коридору, отвернула гобелен и подергала ручку дверцы, ведущей в библиотеку, – просто удостовериться, что та заперта.

Уже на пороге кухни, закрывая камеру, она вдруг заметила на полу сверкающую точку и наклонилась, чтобы получше ее рассмотреть. Блестючка оказалась лиловой пайеткой, одной из тех, которыми были расшиты брюки тети Лили.

Вывод напрашивался сам собой: этим утром в холодильную камеру заходила тетя Лили.

Глава 6
Рецепт первый: «Любовные маффины»

Часом позже Роз рывком распахнула дверь комнаты братьев, отчего табличка «Приемные часы» слетела на пол. Тим как раз задергивал белую простынь, разделявшую комнату на две половины.

– Читать не умеешь? Разве сейчас три часа дня? – Тим порылся в огромной куче носков и футболок и извлек на свет мятые брюки защитного цвета.

– Не сейчас, Тим! – воскликнула Роз. – Смотри, что я нашла в холодильной камере! – Она сунула брату под нос палец, на кончике которого, словно божью коровку, держала лиловую пайетку.

– И что? – Он широко зевнул.

– А то, что этим утром тетя Лили нас подслушивала. Я же говорила, какая-то она подозрительная!

Тим только фыркнул.

– А тебе никогда не приходило в голову, *ми эрмана*, что ей просто понадобилось молоко для кофе? И надо же, какое совпадение, мы, как все нормальные люди, храним его в холодильнике. – Тим разложил брюки на постели и попытался разгладить мятые складки ладонью.

– Кофе? – тихо переспросила Роз. – Она пила кофе?

– Да. – Тим выпрямился. – Даже кружку оставила во дворе.

Роз выглянула в маленькое белое окошко у изголовья кровати. На гравийной подъездной дорожке одиноко стояла забытая кружка с коричневой жидкостью.

– Ну, может, и так, – сказала Роз и спрятала пайетку в задний карман штанов на случай, если ее подозрения в адрес Лили подтвердятся и нужно будет предъявить полиции доказательства.

– Ты пекарь, а не детектив, Роз, – усмехнулся Тим.

– Ладно, – надулась она. – Тогда идем печь.

Пока Тим прямо поверх шорт натягивал брюки, Роз раскрыла на полу свою записную книжку с красивым мраморным рисунком на обложке.

– Кажется, рецепт любовных маффинов неплох. Вот, гляди. – Она ткнула пальцем в заголовок:

Маффины из зеленоплодных кабачковдля устранения всевозможныхпрепятствий в любви

– Зеленоплодные кабачки? – Тим изобразил рвотный позыв.

– Иначе говоря, цукини, – пояснила Роз и зачитала вслух скопированный текст:

> И случилось так, что лета 1718-го в английском городе Гусь-Проснись сэр Джаспер Чудс сблизил две несчастнейшие души, вдовца Джеймса Коринфа и портниху Петру Биддльбум, первый из коих был слишком печален, а вторая – слишком робка, чтобы отдаться яркому любовному пламени. Сэр Джаспер доставил оные кабачковые маффины обоим на дом, а затем, удалившись на безопасное расстояние от швейной мастерской Петры Биддльбум, принялся ждать. Минуло два часа, и вдовец Джеймс Коринф постучал в дверь Петры Биддльбум, и она пригласила его на чай. Месяц спустя они обвенчались.

– О-о-о, – насмешливо протянул Тим. – Прямо-таки мистер Бэсстол и мисс Репей из Средневековья.

– Ага, – согласилась Роз. – Знаешь, что нам нужно сделать для проверки рецепта? Испечем два маффина, предложим их мистеру Бэсстолу и мисс Репей и посмотрим, влюбятся они друг в друга или нет!

Тим взглянул на сестру с таким выражением, будто только что съел лимон.

– А нельзя ли свести какую-нибудь парочку посимпатичнее?

Роз застонала от досады:

– Конечно, что же еще ты мог сказать! Послушай, этот тип

носит свитшот с лягушками. Ему уже ничего не поможет, кроме волшебства. У нас все ингредиенты есть?

Тим прочел вслух:

> И натер сэр Джаспер Чудс один крупный зеленоплодный кабачок, трижды произнеся имена двух одиноких сердец. И просеял сэр Джаспер через железное сито один кулак муки и один кулак сахара. И сбрызнул смесь двумя наперстками отборной ванильной эссенции с острова Таити. И вмешал он в тесто одно яйцо маскового неразлучника Agapornis personata, купленное у тайновидца, который добывал оные яйца в девственных лесах Мадагаскара.

Роз озадаченно посмотрела на Тима:

– И где мы возьмем яйцо маскового неразлучника? Полетим на Мадагаскар?

– Понятия не имею, – с досадой поморщился Тим. – У мамы с папой полно всяких диковинных штук в запасе. Может, даже яйца динозавров завалялись.

Брат и сестра спустились на кухню и вошли в холодильную камеру, решив поискать яйца там. Роз открыла картонную упаковку с надписью: «Птицеферма Горести-Фолз: счастливые куры – счастье на кухне!» В упаковке лежала дюжина обычных белых яиц, снесенных точно не масковыми неразлучниками, какими бы чудны́ми птицами те ни были.

– А это что?! – воскликнул Тим.

Чтобы увидеть, о чем он говорит, Роз пришлось встать на цыпочки. За штабелями контейнеров с яйцами скрывалась рукоятка в форме скалки.

– Ух ты! Обожаю скалки, – засмеялся старший брат.

Он крутанул находку, и холодильник, где и без того было не жарко, обдало порывом ветра. Внезапно Роз почувствовала в районе щиколоток тепло. Опустив глаза, она увидела, как несколько напольных плиток разъезжаются в стороны, открывая взору деревянную лестницу в подвал.

Секретный ход! Роз ошеломленно посмотрела на Тима. Брат так же ошеломленно таращился на нее.

– Это уже вторая тайная комната, которую мы обнаружили в холодильнике за неделю, – пробормотал он.

Роз сбегала на кухню за фонариком и вместе с Тимом спустилась по ступенькам – грубым прогнившим доскам, готовым подломиться в любой момент. В тусклом свете фонарика Роз видела не дальше чем на метр. Сердце глухо колотилось в груди, тогда как шаги Тима за спиной звучали четко и уверенно.

Лестница закончилась, подошвы зашаркали по холодному бетонному полу. Роз дрожащей рукой держала фонарик перед собой. Неожиданно она взвизгнула: изнутри банки из синего стекла на нее смотрело чье-то лицо! Вполне человеческое, только гораздо меньшего размера.

– А-а, что это?! – заорал Тим.

С перекошенным от страха лицом Роз приблизила фонарик – луч осветил банку целиком. Существо, сидевшее внутри, было не иначе как гномом: крохотный человечек, ростом сантиметров пятнадцать, в зеленом колпачке и с пышной белой бородой. Не мертвый и сморщенный, как можно было ожидать, а вполне живой: он дышал. Точнее, храпел. На его физиономии застыла блаженная улыбка, ноздри раздувались и сдувались в такт дыханию. Роз застыла как вкопанная. На ярлыке, наклеенном в нижней части банки, значилось: «Гном Вечного Сна».

На минуту Тим лишился дара речи.

– Чтоб меня… – прошептал он наконец, разглядывая через стекло дрыхнущего карлика.

Роз перевела луч фонарика вправо, на другую банку. Та оказалась пуста, за исключением единственного алого лепестка, который медленно кружился внутри, словно осенний лист в парке. Банка была подписана: «Первый осенний ветер».

Тим развернулся на сто восемьдесят градусов, и его взгляд упал на банку, наполненную мутноватым свечением.

– Что там? – полюбопытствовала Роз.

– Свет лунного затмения, – шепотом отозвался он. Свечение отбрасывало на его лицо голубоватый отблеск. Присмотревшись к банке полкой ниже, он ахнул: – Гляди, Роз!

Роз тоже повернулась и направила фонарик на небольшую банку. В отличие от прочих, из синего стекла, эту изготовили из зеленого и для надежности обмотали проволочной сеткой. Массивная железная защелка, местами проржавевшая, была закрыта. Роз с трудом разглядела содержимое банки: кажется, там болтался какой-то скользкий серый шар размером приблизительно с бейсбольный мяч. «Глаз чернокнижника», – гласила надпись.

Брат и сестра ошарашенно воззрились друг на друга. Они видели, как отец охотился за ветрами, ловил шепоты и экзотических птиц, но… он что, убил чернокнижника и забрал у того глаз? А чернокнижники вообще существуют? И если да, не вернется ли владелец за своим глазом? Роз поежилась. Раз в секретной комнате под кухней обитает Гном Вечного Сна, каких еще сюрпризов им ожидать?

Тим затряс сестру за плечо:

– Смотри, смотри, яйца маскового неразлучника!

В одной из банок синего стекла лежало примерно с дюжину крошечных яичек, красных в черную крапинку. Тим схватил банку с полки и сказал:

– Идем отсюда. Не хочу знать, что еще здесь хранится.

В кои-то веки Роз вынуждена была признать, что и ей этого не хочется.

* * *

Не успели Роз и Тим разложить на столе записную книжку с рецептом, как на кухню через заднюю дверь ввалились Чип, Алфи и Лили, нагруженные решетчатыми деревянными ящичками с голубикой, клубникой и малиной.

– Как же мы сможем готовить при них? – тихонько спросила Роз Тима.

На его губах промелькнула коварная усмешка.

– Пойду-ка поговорю с Лик. – Он скрылся наверху, затем спустился обратно. Позади него, широко распахнув глазенки, шагала младшая сестра. – Сейчас начнется, – одними губами проговорил Тим. – Эй, ребята! – обратился он к Лили и Чипу. – Не могли бы вы вдвоем сегодня присмотреть за Лик? Нам с сестрой-старушкой нужно сосредоточиться на маффинах.

Чип подошел к застекленной парадной двери. Снаружи на утреннем солнышке уже собралась шумная очередь; проголодавшиеся горожане с нетерпением ждали свежей выпечки: миссис Хэвгуд, портниха и фантазерка, длинный как жердь шериф Рейберн, тихая библиотекарша мисс Карнополис и с десяток других жителей Горести-Фолз.

Как только Чип открыл и подпер дверь, Лик выскочила из пекарни и с воплями «Прятки! Прятки!» понеслась по улице.

– Лик! – закричал Чип. – Немедленно вернись!

Тетя Лили схватила Алфи за руку и выбежала вслед за девочкой.

– Мы ее догоним! – пообещала она, уже преодолев полквартала.

– А я займусь покупателями! – отозвался Чип. Ему не оставалось ничего иного, как на время оставить Роз и Тима одних.

Роз разместила записную книжку на столе. Наконец-то выдалась возможность что-то испечь, да притом не простое, а особенное, по рецепту из Поваренной книги Чудсов! Так отчего же трясутся руки? Роз казалось, будто она готовится дать концерт

перед миллионной армией восторженно вопящих поклонников: девочку переполняли не только волнение и гордость, но и невероятный страх. Что, если она ошибется и ее освищут? Или того хуже: вдруг она кому-то навредит?

> И натер сэр Джаспер Чудс один крупный зеленоплодный кабачок, трижды произнеся имена двух одиноких сердец.

Тим вымыл один цукини и принялся натирать его на крупной терке для сыра, превращая влажные зеленые полоски в жидкую кашицу.

– Не забудь про имена! – напомнила Роз.

Тим застонал от досады.

– Мистер Бэсстол и мисс Репей.

– Громче!

– Мистер Бэсстол и мисс Репей! Мистер Бэсстол и мисс Репей!

Чип заглянул на кухню, просунув голову в распашные двери. Он запыхался, лицо вспотело и раскраснелось. Очередь покупателей выросла вдвое.

– Все в порядке? – спросил он.

– Д-да, – запинаясь и краснея, ответил Тим. – Мы просто… вспоминали слова… одной рэп-композиции.

– Прямо как ваша мать, – поморщился Чип. – Тоже бормочет всякую чепуху, когда месит тесто.

Он скрылся за дверями, и Роз с Тимом облегченно выдохнули.

> И просеял сэр Джаспер через железное сито один кулак муки и один кулак сахара.

– Один кулак. – Роз нахмурила брови. – Это сколько? – Она сжала кулак и поднесла его к маминым стальным мерным чашкам, аккуратно вставленным одна в другую, словно матрешки. Кулак был размером примерно с чашку.

Тогда Тим тоже поднял кулак – величиной с грейпфрут, а в другую руку взял мерную чашку, которая в сравнении с его кулаком казалась совсем малюсенькой.

– Что ж, *мухер*[12], в прежние времена люди были мельче. Давай возьмем по одной чашке того и другого. – Он зачерпнул из холщового мешка полную чашку муки, пальцем срезал горку, затем просеял муку через металлическое сито, похожее на неглубокий сачок для ловли бабочек.

> И вмешал он в тесто одно яйцо маскового

неразлучника Agapornis personata, купленное у тайновидца, который добывал оные яйца в девственных лесах Мадагаскара.

Убедившись, что Чип не видит, чем они заняты, Роз осторожно откупорила банку из синего стекла, достала и разбила одно яйцо. Желток цвета алой розы плюхнулся в белое тесто, задрожал и затрясся, а после погрузился в тесто. Секундой позже он выскочил на противоположной стороне миски, нырнул и вынырнул снова. Желток двигался все быстрее и быстрее, пока не начал кружить по миске, сбивая тесто в тугой комок.

Под самый конец желток взорвался; тесто начало потрескивать и шипеть, в воздух, словно миниатюрные фейерверки, полетели лиловые и голубые искры. На глазах у подростков тесто приобрело нежный бледно-розовый цвет. Треск и шипение прекратились, и все успокоилось, будто ничего и не произошло.

Роз поежилась. Это вам не кабачковые маффины из поваренной книги Бетти Крокер! Наконец-то Роз становится настоящей кухонной волшебницей. Даже Тим взирал на тесто с благоговением.

Брат и сестра разлили тесто в формочки для маффинов и поставили выпекаться, рассудив, что «шесть огней» – это примерно 160 °С, температура, при которой обычно пекла мама. «Срок в восемь песен» составил около получаса нестройного пения дуэтом всех известных рождественских гимнов.

Восемь песен спустя Роз и Тим вынули из духовки дюжину хорошо поднявшихся маффинов, золотисто-коричневых в зеленую крапинку, и поставили их остывать.

– А куда девать остальные? – вслух задумалась Роз.

– Я от них избавлюсь, – пообещал Тим и унес лишние маффины с кухни.

Роз выглянула в торговый зал через распашные двери: первым в длинной шумной очереди стоял мистер Бэсстол. Вот он прошаркал к прилавку. Его растрепанные седые волосы окружали голову ореолом, отчего та напоминала пушистый одуванчик. На рубашке красовалась надпись: «Я – принц-лягушка, поцелуй меня!»

Схватив еще горячие маффины, Роз метнулась в зал и практически отпихнула Чипа от прилавка.

– Доброе утро, мистер Бэсстол! – приветливо поздоровалась она. – Чего желаете?

Мистер Бэсстол уставился на нее в замешательстве.

– Д-доброе утро, – заикаясь, пролепетал он и обвел взглядом

витрину, делая вид, будто выбирает. – Пожалуй, я возьму… морковный маффин с отрубями. – Мистер Бэсстол обернулся и увидел, что следом за ним в очереди стоит мисс Репей в ярком спортивном костюме.

– Мисс Репей! – окликнула ее Роз. – Подходите!

Мисс Репей оглянулась, затем показала на себя:

– Я?

– Да-да, вы! Подходите к кассе. Сегодня утром мы обслуживаем покупателей по двое!

Мисс Репей нерешительно подошла к кассе и встала позади мистера Бэсстола. Они взглянули друг на друга и улыбнулись, но сразу отвели глаза, покраснев от смущения.

То же самое Роз видела на дискотеке в шестом классе. Мальчики и девочки, которые испытывали взаимную симпатию, стояли в противоположных концах зала, робко улыбались друг другу, а потом утыкались взглядом в пол. Удивительно, что взрослые вели себя точно так же.

Мисс Репей попыталась что-то сказать, но ей как будто сдавило горло.

– Я возьму морковный маффин с отрубями, – в конце концов пролепетала она.

– Забавно, что вы оба спросили морковные маффины, ведь они как раз закончились! – соврала Роз. У нее вспотели ладони, голос дрожал. – Зато мы испекли партию кабачковых маффинов, и они бомбически вкусные! С пылу с жару!

Она продемонстрировала два маффина, от которых, словно дым из печных труб, еще поднимался парок. Мистер Бэсстол и мисс Репей во все глаза уставились на маффины и одновременно кивнули.

– Вот и славно. – Роз упаковала каждый маффин в отдельный бумажный пакетик и вручила их мистеру Бэсстолу и мисс Репей со словами: – За счет заведения!

Оба вышли из пекарни, механически перебирая ногами, а на тротуаре бросились в разные стороны. Тем временем к дверям прошмыгнула Лик. Она ловко лавировала между ног покупателей, которые нетерпеливо притопывали и бурчали, недовольные тем, что мистеру Бэсстолу и мисс Репей маффины достались бесплатно.

Тетя Лили и Алфи ворвались в пекарню вслед за Лик, но та уже взлетела по ступенькам и скрылась на втором этаже. Роз не обращала внимания на кутерьму: у них со старшим братом были дела поинтереснее.

– Роз, иди сюда! – позвал Тим с кухни.

Прибежав из зала, она увидела в руках у Тима выцветшую от

времени и заляпанную жирными пятнами розовую карточку. Текст на ней был выведен аккуратным маминым почерком.

– Смотри, – сказал Тим, – это карта соответствия единиц измерения, я нашел ее в холодильной камере.

На карточке значилось:

Кулак = 1/2 чашки
Огонь = 27 °C
Песня = 4 минуты
Наперсток = 1 чайная ложка
Орех = 1 столовая ложка

Роз состроила гримасу:

– Значит, один кулак муки – это полчашки, а не целая!

– Ну, тесто все равно получилось отменное. В крайнем случае эти двое только крепче полюбят друг дружку. Бррр! – Тима передернуло.

– Есть только один способ это проверить! – подмигнула брату Роз.

* * *

Три часа спустя Роз и Тим, скрываясь в кустах перед лужайкой городской начальной школы, всматривались в окна классной комнаты, где мисс Репей вела урок «Чудеса науки» для ребят из дневного летнего лагеря.

– Куда, черт побери, запропастился мистер Бэсстол? – злился Тим. – Торчим тут битый час. Этой парочке пора бы уже переместиться к нему домой и танцевать медлячок в террариуме с лягушками.

Воображение Роз рисовало другую картину: мистер Бэсстол, красиво подстриженный, в элегантном черном костюме в полосочку, встанет под окном кабинета мисс Репей, постучит в него и произнесет: «Мисс Фелидия Репей, я полюбил вас с первого взгляда!» Мисс Репей засветится от счастья, в глазах засверкают непролитые слезы радости. Она вылезет в окно и удалится под ручку с мистером Бэсстолом, а первоклашки в кабинете так и будут сидеть, разинув рты от удивления.

Сцена весьма напоминала ту, которую Роз представляла в мечтах о себе и Девине Стетсоне, если, конечно, она когда-нибудь станет вести уроки в летнем лагере для учеников начальной школы.

Мистер Бэсстол, однако, не появлялся. Роз вздохнула:

– Наверное, это все из-за того, что мы напутали с

количеством ингредиентов. – Она не знала, чего ей хотелось больше: то ли вырвать на голове все волосы, то ли разреветься. Или то и другое одновременно. – Зато теперь мы знаем, сколько чего нужно класть, и в следующий раз сделаем все правильно, – прибавила она, надеясь, что «следующий раз» и правда будет.

– Уф-ф, не уверен, – пробормотал Тим. – По-моему, мы только зря тратим время. Я-то просто хотел показать тете Лили, что умею… что мы умеем творить чудеса. – Тим выпрямился во весь рост. – Но если ничего не выходит, то я займусь более важными делами. Поиграю в видеоигры, например. Или посплю. А ты возьми себе в помощники Алфи. – Он отряхнул рубашку от грязи и листьев и двинулся прочь.

Роз тяжело вздохнула, признавая поражение, и тоже побрела домой.

* * *

Тем вечером Роз сидела за обеденным столом, держа на коленях усталую и чумазую, но счастливую Лик. Тетя Лили присела рядом и погладила малышку по голове.

– Ну и перепугала же ты меня, – сказала она.

На ужин Лили приготовила пиццу – восхитительный круг тонкого, тающего во рту теста, политого вкуснейшим томатным соусом, с начинкой из свежайшей моцареллы и оливок. Чип, умаявшись за день работы в торговом зале, предпочел отправиться домой. Миссис Карлсон помахала пальцем перед носом у Лик:

– Уж я бы ее отыскала! – строго проговорила она. – В прошлом я была шпионкой.

Лили сказала, что ей нужно привести себя в порядок, и удалилась в гостевую комнату на цокольном этаже, оборудованную собственным туалетом, душем и небольшой раковиной.

Раздался телефонный звонок. Роз подбежала к аппарату и сняла трубку. Звонила мама.

– Здравствуй, солнышко, – проворковала Парди.

У Роз участился пульс. Ее одолевало желание признаться, что она была и в библиотеке, и в подвале, и переписала рецепты, и пробовала приготовить волшебную выпечку, и пыталась свести мистера Бэсстола и мисс Репей. А больше всего ей хотелось рассказать маме о приезде тети Лили, спросить, не лжет ли та, называя себя их родственницей, и стоит ли ей доверять. Однако Роз понимала: ей следует молчать, чтобы не навлечь на всех

неприятности. Да и, если на то пошло, тетя Лили им только помогает управляться с пекарней, пока родители Роз в отъезде. Что в этом дурного? Тем не менее Роз обязана сказать маме хоть *что-нибудь*, верно?

Она открыла рот, но, как только подумала о тете Лили, язык почему-то сделался ватным, а рот будто разучился произносить слова. В следующее мгновение мысль о Лили начисто вылетела из ее головы.

– Роз, милая! – забеспокоилась на другом конце провода Парди. – Солнышко, с тобой все в порядке?

– Я хотела что-то тебе сказать, но забыла, что именно. Наверное, просто устала. – На этом Роз завершила разговор и повесила трубку.

Алфи грыз корочку от пиццы, словно пес – мозговую косточку.

– Роз не нашлась, что сказать? Это что-то новенькое! – фыркнул он.

Возвратившаяся Лили присоединилась за столом к остальным и засмеялась, когда малышка Лик забралась к ней на колени. Роз наблюдала, как тетя Лили шутит с ее сестренкой и братьями, видела, как вспыхивают глаза всех троих, стоит той откинуть голову и сверкнуть улыбкой. Трудно было даже представить времена без тети Лили, без того, чтобы она хлопотала в пекарне, до блеска полировала свой мотоцикл и заставляла Чипа таять, словно кирпичик сливочного масла.

И все-таки где-то внутри у Роз свербело неприятное чувство, возникшее с той самой минуты, когда Лили появилась в их доме. С этой женщиной определенно было что-то нечисто. Ощущение пряталось так глубоко, что прежде Роз о нем и не подозревала, но вот оно заявило о себе и не давало ей покоя, словно тревожная сигнализация. Лили совершенно точно что-то скрывала. Какой-то секрет. Темный, а то и зловещий. И Роз непременно выяснит, что это за секрет.

Глава 7
Рецепт второй: «Печенье правды»

Когда свет во всем доме погас, Роз спустилась в гостевую комнату пожелать тете Лили доброй ночи – ну, или, во всяком случае, таков был предлог. На самом же деле Роз намеревалась немного порыться в тетиных чемоданах, чтобы подтвердить собственные подозрения в… подозрительности Лили.

Роз на цыпочках прокралась вниз по застланной ковром лестнице и заметила полоску тусклого желтоватого света, который пробивался из-под двери крохотной ванной. Весь цокольный этаж был окутан влажным паром и ароматом лавандового геля для душа. Неудивительно, что тетя Лили всегда благоухала, как цветник.

Ее раскрытый чемодан лежал на аккуратном желтом кресле в углу комнаты. Роз подошла поближе и заглянула в чемодан. Там лежал красный кожаный комбинезон, синее кружевное платье и высокая черная бутылка с надписью «Волшебное зелье».

Есть! Вот он, секрет неуловимого обаяния тети Лили: она – ведьма!

Роз не хотелось даже предполагать, из чего сделано это зелье; она допускала, что в его состав входит кое-что похуже глаза чернокнижника. Роз осторожно вытащила пробку и заранее

сморщилась, опасаясь, что из бутылки с воем вылетит что-то жуткое. Злой дух? Призрак? Говорящая летучая мышь?

Из бутылки, однако, никто не вылетел, а лишь слегка повеяло химией. Роз всмотрелась в горлышко. Внутри находилась какая-то густая белая субстанция. Девочка встряхнула бутылку и капнула немного себе на ладонь. Принюхалась снова: запах очень и очень знакомый, так всегда пахнет лицо Тима. Ошибки быть не могло – «волшебное зелье» в действительности оказалось не чем иным, как средством от прыщей. Вот тебе и ведьма…

Внезапно с первого этажа донесся глухой стук. Роз так и подскочила на месте, кинула бутылку обратно в чемодан и на цыпочках поднялась по лестнице, чтобы выяснить, кто или что стало причиной шума.

В серебристом лунном свете кухня выглядела застывшей и холодной, и Роз в ее голубой ночной рубашке и махровых белых носках вдруг сделалось очень неуютно. Всякий раз, очутившись одна в темноте, она замирала от страха, поэтому по ночам старалась не покидать второго этажа, где поблизости всегда находились братья и сестра. Лик спала с зажженным ночником в виде улыбающейся божьей коровки, закрепленной на стене и светившейся рассеянным оранжевым светом, и Роз втайне была рада делить комнату с младшей сестрой, хоть и не признавалась в этом родителям. Она поежилась, вспомнив о спящем гноме, который сидел в банке глубоко в подвале. «Просыпается ли он когда-нибудь?» – подумала Роз.

Глухой стук повторился, теперь три раза подряд. Роз выглянула поверх распашных дверей между кухней и торговым залом и увидела, что кто-то барабанит в окно пекарни.

В темную кухню притащился Тим.

– Кто там? – шепотом спросил он. – И куда ты ушла после того, как мы все почистили зубы?

– Я… мне… – залепетала Роз, – захотелось попить.

– Воды можно набрать из-под крана в раковине, – напомнил Тим.

– На кухне вода вкуснее, – возразила Роз, и это правда было так, однако на кухне она очутилась вовсе не поэтому.

Поделиться своими подозрениями с братьями Роз не могла: слишком уж они были очарованы удивительной тетей Лили.

– Ладно, не важно, – махнул рукой Тим. – Пойду посмотрю, кто к нам бьется.

Роз последовала за братом в торговый зал.

– О нет! – простонал Тим.

Роз щелкнула выключателем и поняла, что он имеет в виду. В окошко отчаянно стучала местная портниха, миссис Хэвгуд, чьи

брови взлетели так высоко, будто хотели перебраться на макушку. Она была одета в узкое красное платье с рисунком в мелкую курочку, а к груди прижимала клатч, уместиться в котором мог разве что наперсток.

– Что ей надо на этот раз? – пробурчал Тим, распахивая дверь.

Запыхавшаяся миссис Хэвгуд ввалилась в пекарню.

– Какое счастье, что вы мне открыли! Я чуть с ума не сошла! – Она разговаривала с явным британским акцентом – фальшивым, как прекрасно было известно и Тиму, и Роз. Миссис Хэвгуд родилась и выросла в Горести-Фолз, но ее акцент менялся в зависимости от того, в каком городе, по ее словам, она прожила дольше всего. Иногда на протяжении нескольких недель она придерживалась версии, что это Париж, иногда называла Берлин, а однажды упомянула Токио, и получилось очень неловко. Прошлое миссис Хэвгуд напоминало калейдоскоп: переливалось разными цветами, постоянно менялось и являло собой сплошной обман.

– Понимаю, ночь на дворе, но у меня чрезвычайная ситуация! – воскликнула она. – Я совсем недавно узнала, что завтра утром мне предстоит принять очень важного гостя!

– И кого же? Президента? – с нескрываемым сарказмом поинтересовался Тим, прекрасно понимая, что миссис Хэвгуд в любом случае солжет.

– Да! Президента Камбоджи! Откуда ты узнал?

Тим обескураженно уставился на гостью:

– Президент Камбоджи приедет к вам на завтрак? В Камбодже вообще *есть* президент?

– Разумеется! – ответствовала миссис Хэвгуд. – Президент в сопровождении других высокопоставленных лиц прибудет ко мне сразу после завтрака. На чай. С печеньем. Мне нужны сникердудли! Много сникердудлей! И непременно к утру!

– И зачем же он к вам приедет? – не унимался Тим.

– Перестань! – прошипела Роз, повернувшись к нему, но было поздно.

Миссис Хэвгуд пригладила разлохмаченные волосы.

– Я так рада, что ты спросил, – начала она. – Видишь ли, мой отец работал каскадером и, среди прочего, снимался в одной телепрограмме, где по сценарию должен был путешествовать по миру и общаться с опасными животными. Я ездила вместе с ним. Однажды мы попали в Камбоджу, где попытались приручить очень редкую и смертельно опасную чернобородую рысь – это хищная кошка, обитающая в джунглях. Папе это удалось: положив голову ему на колени, рысь мурлыкала, как котенок. Президент

Камбоджи был невероятно впечатлен, они с моим отцом подружились и часто вместе охотились. Каждые семь лет президент приезжал к нам в гости. А теперь он отправляется в очередной тур по Соединенным Штатам и, конечно же, не преминет заглянуть ко мне поболтать за чашечкой чая с печеньем. Вот.

Тим прищурился и вплотную подошел к миссис Хэвгуд. И хотя та бессовестно завиралась, он не стал бы насмехаться ей в лицо, – Роз это знала. Их родители тоже спускали миссис Хэвгуд ее бесконечные выдумки, и теперь, когда Парди и Альберт уехали из города, радушно принять ее в пекарне Чудсов надлежало Роз и Тиму.

– Это, конечно, замечательно, – вмешалась Роз, вставая между миссис Хэвгуд и братом, – но все уже спят. Мы сможем приготовить печенье самое ранее к завтрашнему вечеру.

– О нет! – задрожала миссис Хэвгуд. – Десять дюжин сникердудлей должны быть готовы к утру! Плачу́ двойную цену!

Чтобы испечь такое количество сникердудлей, пришлось бы не ложиться спать вовсе.

– Ты согласен? – спросила Роз брата.

Тим лишь небрежно пожал плечами. Ему было не привыкать, ведь он постоянно засиживался за видеоиграми до пяти часов утра.

– Хорошо, миссис Хэвгуд, – кивнула Роз. – Приходите завтра утром за вашими сникердудлями. Для нас большая честь приготовить печенье для президента Камбоджи.

– Может быть, он даже наградит вас медалями! Он любит раздавать медали, – сказала миссис Хэвгуд, кланяясь и открывая дверь. – Вернусь ровно в девять!

С этими словами она растворилась в ночной темноте.

* * *

Чтобы топот не разбудил тетю Лили, Роз и Тиму пришлось разуться и ходить по кухне в одних носках и вдобавок готовить при свечах, опасаясь потревожить сон миссис Карлсон, которая была весьма чувствительна к свету и обязательно заметила бы, что дети не в постели в положенное время.

– Это просто смешно, – сказал Тим. Он сидел на столе, скрестив на груди крепкие загорелые руки.

Роз водила пальцем по алфавитному указателю поваренной книги Бетти Крокер в поисках рецепта сникердудлей:

– Сахарный горошек… Слойки с джемом… Сочники…

– Погоди, – перебил ее Тим. В его глазах вспыхнул лукавый огонек, и это был не просто отблеск свечного пламени. – Возьмика рецепты, переписанные из Книги. Кажется, есть там один, с помощью которого мы сможем проучить миссис Хэвгуд за ее гнусные враки. Президент Камбоджи? Я вас умоляю!

– Тим, мы не должны использовать рецепты ради шуток над миссис Хэвгуд. Они не для того предназначены, – сказала Роз.

– Ты права, – согласился Тим, затем состроил разочарованную мину. – Просто… вчера мы так славно начали, вот мне и не терпится снова оседлать эту лошадку – вернуться к выпечке. Я… оказывается, люблю печь.

Роз смерила его недоверчивым взглядом. Он серьезно? Скрепя сердце она кивнула:

– Ладно, схожу за рецептами.

С громко бьющимся сердцем она пошла наверх. Скорее всего, Тим ею манипулирует – притворяется, будто его интересует выпечка, а в действительности хочет лишь наказать миссис Хэвгуд. Ну и что с того? Не важно, какие у него истинные мотивы. Конечно, шутить злые шутки над бедной невротичкой плохо, но ведь и лгать – тоже плохо, а всем известно, что миссис Хэвгуд – самая отъявленная лгунья во всем городе. Вот Тим ее и проучит.

Лик спала как убитая. Роз принялась рыться в ящике для белья, куда припрятала рецепты, и в эту минуту на пороге комнаты сестер выросла фигура Алфи. Его курчавые рыжие волосы топорщились на голове, словно праздничные фейерверки.

– Что происходит? – прохныкал он. – Где Тим? Почему вы оба не спите?

Роз спрятала переписанные рецепты за спину.

– Ничего не происходит, – сказала она. – Мы с Тимом моем посуду на кухне. Иди спать, мы через минуту закончим.

Алфи испустил радостный вопль:

– Я вам помогу!

– С каких это пор ты полюбил мыть посуду? – осведомилась Роз. Впрочем, ответ она знала: с тех самых, как это занятие полюбил Тим, а точнее, с появления в их доме тети Лили. Своим приездом она все перевернула с ног на голову. – Обойдемся без твоей помощи, – сказала Роз, пожалуй, чуточку резковато. – Ложись в постель. – Если пустить Алфи на кухню, он, чего доброго, начнет с криками скакать вокруг стола и разбудит миссис Карлсон или тетю Лили.

Алфи насупился.

– Ладно, – обиженно буркнул он и, громко топая, удалился к себе в комнату. Роз грызла совесть за то, что она нагрубила младшему братишке, но позволить Алфи испортить большую

ночную работу, которая предстояла ей с Тимом, она не могла.

* * *

Пролистав записную книжку, Роз и Тим нашли тот самый рецепт:

Koekjes van Waarheid (Печенье правды)

И случилось так, что лета 1618-го в нидерландском поселке углекопов Зандвоорте леди Биргитта Чудс благодаря печенью правды разоблачила похитителя драгоценностей по имени Герхард Баашмак. И отрицал он свою виновность, когда семь жертв похитителя – все бедные фермеры, коим драгоценности достались по наследству, – со слезами на глазах свидетельствовали о краже. Вот только стоило Герхарду съесть одно из Koekjes van Waarheid, испеченных леди Биргиттой, как признался он во всех преступлениях, хоть и бил себя нещадно по голове и рукам, дабы уста его умолкли.

– Самое то для миссис Хэвгуд! – воскликнул Тим. – Может, слопав сто двадцать печенек, она перестанет среди ночи ломиться к нам в дом со своими нелепыми выдумками.

И смешала леди Биргитта Чудс два кулака муки с двумя кулаками бурого сахара, тремя яйцами и легким дыханием спящего, чьи уста ни единого раза не изрекали лжи. И послужило оное средство приятным лекарством для самых отъявленных лгунов…

И так далее.

– А что там было вместо «и так далее»? – вслух задумалась Роз.

Когда она переписывала рецепт, Тим пробормотал: «И так далее…» – пояснив, что в остальных пунктах инструкции по приготовлению все как обычно, типа «остудите печенье перед подачей», поэтому Роз тем и ограничилась. Теперь ее беспокоило, не упустила ли она чего-нибудь существенного.

– Да какая разница? – проворчал Тим. – Вопрос в другом: где найти того, кто никогда не врал?

Роз прикинула, подойдет ли ее собственное дыхание. Еще

несколько дней назад подошло бы, ведь она с рождения не переносила лжи, однако события последней недели сделали его непригодным. За короткое время, прошедшее с приезда тети Лили, Роз наврала больше, чем за всю жизнь. Осознав это, она почувствовала себя… испорченной.

– Не знаю…

Тим вдруг вскинул голову:

– Лик! Наша Лик и разговаривать-то едва-едва научилась, не то что врать!

* * *

Вооружившись банкой из синего стекла, одной из тех, в которых родители хранили магические ингредиенты, Роз и Тим поднялись на второй этаж и подошли к кровати младшей сестры.

Лик спала, свернувшись калачиком; укутанная со всех сторон одеялом, она напоминала блинчик с сыром. В последние дни ее нос был сильно заложен из-за аллергии – только за сегодня Роз вытирала ей сопли одиннадцать раз. Дышала малышка с таким трудом, что при каждом вдохе ее нос издавал рокот, похожий на тот, с каким заводится мотор газонокосилки. Вряд ли это можно было назвать «легким дыханием спящего», но приходилось использовать, что есть.

Тим открыл банку и шепотом спросил:

– И что я должен делать?

Роз с досадой всплеснула руками:

– Не знаю, может, сунуть банку ей под нос?

Тим бросил взгляд на густые сопли в ноздрях Лик, трепетавшие в такт вдохам-выдохам, и всучил банку Роз:

– Нет, не могу.

– Ладно, – вздохнула Роз, – я сама. – Она подставила открытую банку под рычащую и хлюпающую «выхлопную трубу» – носик Лик – и немного подождала.

От рокочущего детского храпа сотрясалась даже металлическая защелка на крышке. Вскоре банка затуманилась от дыхания, и Роз аккуратно ее закрыла.

– Есть, – шепнула она и вдвоем с Тимом потихоньку выскользнула из комнаты.

Разобравшись с единицами измерения при помощи карточки, брат и сестра умножили все цифры в рецепте на десять, чтобы приготовить десять дюжин печенек. В итоге им потребовалось десять мерных чашек муки, десять чашек коричневого сахара и тридцать яиц. Все ингредиенты они смешали в самом большом

металлическом чане, какой только нашелся на кухне. Тем временем банка с дыханием Лик стояла на столе, подрагивая от доносившегося изнутри храпа. В то самое мгновение, когда Тим набрал из мешка последнюю чашку сахара, банку тряхнуло так сильно, что она опрокинулась набок и покатилась по столешнице. Роз метнулась под стол, точно футбольный голкипер в нижний угол ворот, и банка с приглушенным стуком приземлилась ей на колени.

Тим изумленно уставился на сестру.

– Отличная скорость, *ми эрмана*! – похвалил он и вскинул руку, как бы говоря: «Дай пять».

Она хлопнула ладонью о его ладонь, зардевшись от гордости. Роз уже и не помнила, когда брат в последний раз обменивался с ней этим жестом.

Как только Тим вбил в смесь последнее яйцо, наступил черед волшебства. Роз наклонила открытую банку над тестом. Несколько секунд ничего не происходило, но чуть погодя туман с внутренних стенок банки сгустился в небольшие сероватые шарики, а после мини-бомбочки честного дыхания высыпались в тесто. Сначала они погрузились на дно чаши, потом всплыли наверх, отчего тесто забулькало, словно болотная трясина. Оно шипело, клокотало и плевалось пузырьками газа. Неожиданно запахло горчицей и копченой грудинкой.

– Жесть, – пробормотал Тим. – И это было в дыхании нашей малютки-сестры?

– Двенадцать раз перемешать костяной ложкой, – процитировала рецепт Роз. Решив, что сойдет и пластиковая лопатка, она принялась перемешивать густеющую на глазах массу. При этом тесто и само начало похрапывать, расширяясь и сжимаясь так, будто обладало легкими. Субстанция то набухала, грозя перевалиться через край чана, то вновь опадала и превращалась в безобидный влажный ком. Казалось, тесто живое.

– Гадость какая, – промолвила Роз.

– А по-моему, круто, – в ответ прошептал Тим.

После трех перемешиваний мерзкий запах копченостей исчез, а после семи – тесто приобрело вид густого коричневого супа. С каждым следующим проворотом лопатки цвет его менялся: от темного шоколада до молочного, от молочного до оттенка сливочного масла и далее почти до белого. Спустя двенадцать кругов оно стало выглядеть как обычное тесто и пахнуть просто сладостью.

Роз и Тим ложками выложили порционные комочки на противни – на весь объем понадобилось десять противней – и поставили их в большую духовку. Часы показывали четыре часа

утра, Роз утомилась до полусмерти, и даже Тим то и дело зевал. Когда таймер подал сигнал, брат с сестрой вытащили печенье из духовки, оставили его остывать на столе и, обессиленные, поплелись наверх.

– Заведи будильник на семь сорок пять, – попросила Роз Тима.

– Будет сделано, сестренка, – вяло пообещал он.

– Мы должны отдать печенье миссис Хэвгуд из рук в руки! – напомнила Роз, но Тим уже скрылся за дверью своей комнаты.

Совсем скоро Роз легла в постель, укрылась одеялом и провалилась в сон.

* * *

Проснулась она от того, что ее как будто швыряла туда-сюда огромная океанская волна. Роз испуганно открыла глаза и увидела Лик и Алфи, которые весело прыгали на кровати по обе стороны от нее.

– Роз! Роз! – завопил Алфи. – Просыпайся! Чип говорит, ты должна поиграть с нами, потому что мы мешаем ему на кухне!

Лик случайно заехала сестре ногой по ребрам, Роз громко ойкнула. Обернувшись, она взглянула на светящиеся электронные часы на прикроватной тумбочке. «Четверть двенадцатого!» – ахнула Роз.

– Выметайтесь! – прикрикнула она на младших, откинула одеяло и бросилась в комнату Тима.

Он еще спал.

С колотящимся сердцем Роз галопом понеслась вниз. На кухне суетился Чип.

– Явилась не запылилась, – сердито проворчал он.

В этот момент из холодильной камеры вышла Лили. Она была в полосатых штанах и фартуке, а в руках держала несколько упаковок яиц. Ее гладкие черные волосы сияли здоровым блеском.

– Роз, милая! – воскликнула она. – Мы решили тебя не будить, ведь ты так славно потрудилась!

Только теперь Роз заметила, что все десять противней с печеньем правды исчезли.

– Миссис Хэвгуд приходила за своим заказом? – спросила она, про себя молясь, что все прошло по плану.

– А как же, – фыркнул Чип. – Несла какую-то чепуху: мол, должна угостить премьер-министра Фиджи. – (Миссис Хэвгуд нередко забывала, о чем именно были ее собственные байки, и

окончательно завиралась. Роз облегченно выдохнула.) – Но, – продолжал Чип, – она не пожелала забрать печенье. Так и сказала: «Мне нужны сникердудли, а это определенно *не* сникердудли!» – Чип произнес это тоненьким визгливым голосом, передразнивая миссис Хэвгуд.

Лили рассмеялась низким гортанным смехом:

– Ну ты даешь, Чип!

Роз разочарованно вздохнула. Если бы она не проспала, то сумела бы убедить миссис Хэвгуд, что печенье правды – это отдельный вид сникердудлей, который особенно ценится в Юго-Восточной Азии. А теперь, выходит, миссис Хэвгуд отказалась их забирать. Все труды насмарку. Тим жутко расстроится.

– Так вы выбросили всю партию? – уточнила Роз.

– О нет, – улыбнулся Чип. – Зачем выбрасывать хороший продукт? Я все раздал.

– Ты… *что*? – вытаращила глаза Роз.

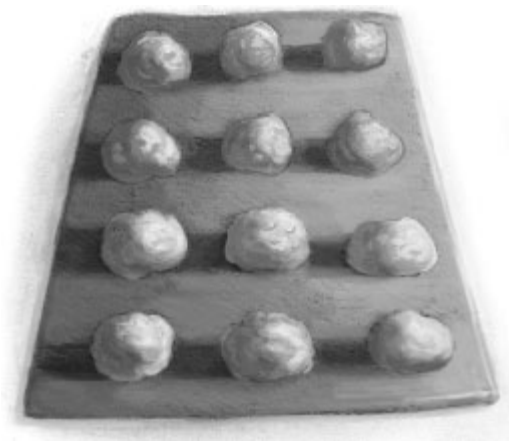
– Ну да. Каждому покупателю к заказу бесплатно добавил по одному печенью.

– Оно разлетелось моментально! – радостно вставила Лили. – Ю-хуу!

Роз сглотнула. Только не это. Она проснулась каких-то десять минут назад, но уже успела отравить весь город своим печеньем правды.

Ничем хорошим подобное не закончится.

Глава 8
Правда и ее последствия



Роз так и села на пол. Она не собиралась, но колени подломились сами собой, а когда у вас подламываются колени, вы резко садитесь, буквально где стояли.

– Что стряслось, милая? – тут же спросила Лили. На ее идеально красивом личике отразилась тревога. На мгновение Роз охватила зависть: ну почему тетя Лили всегда выглядит безупречно? А ей, Роз, даже в зеркало смотреться не надо, она и так знает, что щеки у нее пылают, лоб вспотел, а глаза все еще опухшие ото сна. Жизнь порой ужасно несправедлива.

– Дать тебе стул? – предложил Чип.

Он раздал всем подряд сто двадцать волшебных печенек, предназначенных только для миссис Хэвгуд. Так ли все плохо на самом деле? В рецепте сказано, что *Koekjes van Waarheid* служат «приятным лекарством для самых отъявленных лгунов», а миссис Хэвгуд – единственная отъявленная лгунья, известная Роз.

Хотя… В последнее время Роз и сама сделалась страшной лгуньей: врала тете Лили, Чипу, мистеру Бэсстолу и мисс Репей и, что хуже всего, обманывала родителей. Да, она засыплется, если съест хоть одну печенюшку правды, но остальным жителям Горести-Фолз ничего серьезного не грозит. Так ведь?

– Роз! – позвал Алфи. – Поиграй с нами!

Он и Лик прыгали на батуте на заднем дворе. Неподалеку от них расположилась в шезлонге миссис Карлсон. Потягивая чай со льдом, она смотрела мыльную оперу на своем портативном телевизоре, стареньком ящичке с V-образной антенной, который она повсюду таскала с собой, наверное, с середины

восьмидесятых.

– Дети все утро спрашивают о тебе, – обратилась к Роз тетя Лили.

При нормальных обстоятельствах Роз испытала бы определенную гордость, услыхав эти слова, однако сейчас почувствовала лишь досаду.

– Попозже! – крикнула она в раскрытую дверь, затем повернулась к Чипу и вежливо спросила: – Можешь сказать, кому именно ты давал печенье?

Чип скрестил на груди мускулистые руки и прищурился:

– Что за шквал вопросов? Печенье отравлено? Почему ты так всполошилась?

– Будет тебе, Чиппер. – Тетя Лили ласково коснулась его крепкого плеча, и он расслабился.

– Ну… я добавила в него… тертый пекан, – на ходу принялась сочинять Роз, – и просто хотела узнать, не досталось ли оно кому-нибудь с аллергией на орехи.

– Понимаю, – улыбнулся Чип. – Я угостил печеньем того типа в лягушачьем свитере, мистера Бэсстола, и мисс Репей, учительницу… точнее, всех учителей; парней из гольф-клуба, работников банка, доктора и парикмахершу. Оно всем пришлось по вкусу. Но не переживай, я оставил немного и для семьи. – Чип показал на блюдо с коричневыми печенюшками, стоявшее на столе.

– Ты точно никого не забыл?

Чип набрал полную грудь воздуха и почесал лысую голову.

– Дай подумать. Кого еще не назвал… – На его лбу, точно ручеек, запульсировала крупная голубая вена. – Вспомнил! – воскликнул он. – К нам заходила целая толпа библиотекарш. Приехали на школьном автобусе.

– А, ДЛБ, – сказала Роз и поймала на себе озадаченные взгляды Чипа и Лили. – «Дамская лига библиотекарей», – пояснила она. – По пятницам у них выездные мероприятия. Колесят по всему городу: то в музей зайдут, то в парке гуляют, иногда катаются на лошадях, а иногда к нам заглядывают. Мама их обожает.

– Симпатичные девицы, – заметил Чип. – Очень воспитанные.

Роз уже собиралась по новой спросить его, *всех* ли он перечислил, но в это время с улицы донесся скрежет тормозов. Роз выглянула в большое фасадное окно: желтый школьный автобус с выведенными на боку васильковыми буквами «ДЛБ» резко встал прямо перед пекарней, едва не врезавшись в припаркованные автомобили.

Из автобуса вышла библиотекарь старшей школы, миссис

Кентербери, – челка взмокла от пота, щеки раскраснелись. Миссис Кентербери распахнула дверь пекарни и деловитым шагом направилась к прилавку. Роз выскочила через распашные двери в торговый зал, чтобы ее принять.

– Добрый день, юная Роз, – взволнованным шепотом начала миссис Кентербери. – Дамы желают добавки того печенья, которое раздавали здесь утром. Сама-то я сладкое не ем и печенья не пробовала, уж извини, но им до того понравилось, что они пригрозили поколотить меня, если я тотчас не принесу еще три дюжины этих замечательных печенек.

– Разве дамы из ДЛБ так выражаются? – осторожно спросила Роз.

– Видишь ли, они сегодня немножко… на взводе. – Миссис Кентербери с опаской оглянулась на автобус.

Библиотекарши, одетые в блейзеры и свитеры с треугольным вырезом, прижав носы к стеклам, словно маньячки, жадно вглядывались в раскрытую дверь пекарни.

Роз в жизни не видела ничего подобного. А вдруг всему виной *Koekjes van Waarheid*? Но разве такое возможно? Печенье должно подействовать только на «самых отъявленных лгунов», а члены «Дамской лиги библиотекарей» никак не могут быть лгуньями. Или могут?

– Будь добра, побыстрее, – поторопила миссис Кентербери. – Я волнуюсь. Дамы сегодня сами не свои.

Вторая библиотекарша выскочила из автобуса и ворвалась в пекарню. Это была мисс Карнополис, которая во время библиотечного часа читала вслух ученикам младших классов. Ее волосы, обычно собранные в пучок на затылке, сегодня были распущены и окружали лицо спутанной гривой.

– Доброе утро! – заверещала мисс Карнополис. – Хотя доброе ли? У меня зудит лицо, я уже три дня как следует не мылась! Так что утро, полагаю, паршивое. В лучшем случае – неважнецкое. Да еще эта дурацкая отделка! Полоски, серьезно? У вас тут пекарня или цирк шапито?

– Августина, прошу, успокойся! – зашикала на нее миссис Кентербери.

– Сама успокойся! – огрызнулась мисс Карнополис. – Давно пора кому-нибудь сказать правду об этом заведении. Того, кто выбирал эти обои, нужно отшлепать!

В торговый зал вышел Чип. Голубая жилка у него на лбу пульсировала, словно горло квакающей лягушки.

– Эти обои выбирал *я*, – прорычал он.

Вслед за ним в зал прибежала Лили.

– Чудесные обои, Чиппи, – заворковала она. – Лучше не

найдешь! – Затем повернулась к мисс Карнополис и прибавила: – Но лично я предпочитаю обоям покраску.

Мисс Карнополис, однако, даже не посмотрела в ее сторону. При виде бугрящихся мышц Чипа библиотекарша изумленно застыла.

– О боже, – забормотала она. – Боже, боже, боже. О господи. О. Мой. Бог.

Чип сглотнул и попятился к распашным дверям.

– Ладно, не важно, – бросил он. Двери махнули створками перед его носом.

Тетя Лили подавила смешок, затем вновь переключила внимание на разворачивающуюся в зале драму, умудряясь при этом сохранять невозмутимость.

– Августина! Да что с тобой сегодня такое? – пыталась утихомирить подругу миссис Кентербери.

Мисс Карнополис перегнулась через прилавок и притянула Роз к себе:

– Роз, у тебя чудесные волосы. Ты должна ими гордиться, пока в старости они не выпадут. А вот личико само по себе не такое миленькое, как у твоего старшего брата. Я имею в виду, будь Тим девушкой, он был бы красивее тебя, а будь ты парнем, то была бы менее привлекательна, нежели он.

Роз получила удар в самое сердце. Именно этот страх порой терзал ее перед сном, когда она оставалась наедине с собственными мыслями, однако она не подозревала, что так же могут думать и другие люди, а тем более любимая библиотекарша из начальной школы.

– Гм, спасибо, – промямлила она, кашлянув.

Тетя Лили ободряюще положила руку ей на плечо.

– Не переживай, котик, – сказала она. – В тебе есть кое-что такое, чего нет у Тима.

Спросить, что же это такое, Роз не успела: десять разгневанных библиотекарш вломились в пекарню под оглушительный трезвон колокольчиков, подвешенных к дверной ручке. Разбившись на кучки по двое-трое, библиотекарши принялись ожесточенно спорить обо всем сразу.

Миссис Хакетт из отдела художественной литературы для взрослых и миссис Крисп из справочного отдела устроили громкую перепалку возле кассы.

– Да вам и нормального архива статей не собрать! – кричала миссис Крисп.

– Чушь собачья! – отбивалась миссис Хакетт.

Так продолжалось какое-то время, и шум в торговом зале сделался невыносимым. Чип с тревогой следил за происходящим,

глядя поверх распашных дверей.

– Уверена, у них просто выдался тяжелый день, – сказала ему Роз, хотя знала, что причина кроется совсем в другом.

Миссис Хакетт и миссис Крисп переместились к правому краю прилавка, где были выставлены фирменные семислойные торты Чудсов: кокосовый, ананасовый, шоколадный, банановый, морковный, слоеный с клубникой и, наконец, щедро пропитанная сиропом и приправленная дробленым пеканом башенка, которую Парди назвала просто «Наслаждение». Торты стояли на белых фарфоровых подставках, каждая – под стеклянным колпаком с круглой красной пимпочкой наверху.

– Признайте, Крисп, – напирала миссис Хакетт, – вы не воспринимаете меня всерьез! А все потому, что я, в отличие от вас, не помешана на справочных материалах!

Миссис Крисп гордо вздернула нос:

– Лучше уж помешаться на справочных материалах, чем быть экспертом по *любовным романам*!

Все остальные члены «Дамской лиги библиотекарей» ахнули и прекратили споры. В ужасе глядя на миссис Хакетт и миссис Крисп, они безмолвно ожидали развязки.

– Что ты сказала? – глухо прорычала миссис Хакетт.

– Что слышала! – огрызнулась миссис Крисп. Нижняя губа у нее задрожала.

Миссис Хакетт протянула руку к витрине, сняла стеклянный колпак с кокосового торта, взяла его и залепила в лицо миссис Крисп. Всеми семью слоями.

Миссис Крисп онемела. Волосы, глаза и все лицо покрывал толстый слой белого крема с вкраплениями кокосовой стружки. Облизав вымазанные кремом губы, она произнесла:

– Терпеть не могу кокосы.

А потом будто началось извержение вулкана: библиотекарши с пронзительными воплями и визгом набросились друг на друга. Миссис Кентербери забилась под кованый кофейный столик, опасаясь, как бы ей не выцарапали глаза, а мисс Карнополис ринулась за прилавок и принялась обстреливать коллегу черничными маффинами. Миссис Хакетт и миссис Крисп сражались на полу, барахтаясь в остатках раздавленного торта, в то время как остальные дамы окружили их толпой и активно подбадривали.

С заднего двора прибежали Алфи и Лик, вслед за ними посмотреть на зрелище притрусила миссис Карлсон.

– Ну и животные! – возмутилась она.

Шум потасовки разбудил Тима. Заспанный, протирая глаза, он приплелся в торговый зал.

– Чип накормил нашим печеньем библиотекарш из ДЛБ, – прошипела ему на ухо Роз. – Вижу, сработало.

Уголки губ Тима поползли вверх.

– Круто, – сказал он.

«Нет, не круто, – подумала Роз. – Не круто, а опасно».

– Я позабочусь о детях! – крикнула миссис Карлсон, вытолкала Алфи и Лик из кухни и увела наверх.

В следующее мгновение на помощь подоспел Чип. Он влетел в торговый зал, вооруженный, словно воин перед битвой, портативным миксером и горелкой для приготовления крем-брюле.

– А ну, хватит! – рявкнул он, жужжа миксером, а затем включил горелку. В воздух взметнулась струя голубого пламени.

Библиотекарши тотчас прекратили драку и стали пробираться к выходу, негромко переговариваясь между собой: дескать, Чип, конечно, дьявольски красив, но душой компании его не назовешь. Когда последняя из скандалисток вернулась в автобус, Чип нервно запер входную дверь.

– Думаю, пекарню на сегодня лучше закрыть, – сказал он. В его голосе сквозило глубокое потрясение. Каких бы ужасов он ни навидался во время службы морским пехотинцем, они не могли сравниться с необходимостью применять горелку для крем-брюле, чтобы подавить тортометательную атаку, которая только что произошла в пекарне.

– Давай-ка все здесь уберем, Чиппи, – сказала Лили.

– Хорошая идея, – поддержала Роз. – Через минутку я к вам присоединюсь, только возьму кое-что в холодильнике.

Она поспешила к холодильной камере, таща за собой Тима.

* * *

Лихорадочно перелистав Поваренную книгу Чудсов, брат и сестра нашли рецепт печенья правды. Гравюра на полях изображала сцену, во многом повторявшую ту, которую они только что наблюдали в пекарне: мужчины и женщины в деревянных башмаках и двурогих шляпах с криками швыряли друг в друга буханки хлеба.

Роз отыскала нужный абзац:

> *И смешала леди Биргитта Чудс два кулака муки с двумя кулаками бурого сахара, тремя яйцами и легким дыханием спящего, чьи уста ни единого раза не изрекали лжи. И послужило оное средство приятным лекарством*

для самых отъявленных лгунов.*

Никакого «и так далее» в тексте не было, зато после него стояла звездочка – пометка о примечании. Само примечание скрывалось среди затейливой вязи иллюстраций в самом конце страницы. Разобрать написанное было очень трудно, особенно при свете маленького фонарика, который Роз припрятала в кармане. Тем не менее суть она поняла.

> ** При употреблении вместе со стаканом молока. Средство, употребленное без молока, будь то коровье, овечье, козье или кошачье, не только исцелит от лжи, но вытолкнет наружу все дурные и ядовитые слова, каковые сколь-нибудь воспитанные люди премудро сдерживают в себе. И воцарится хаос.*

– Тим! Ты же сказал, что остальное не важно, а это очень-очень важно!

– Жесть, Розита, просто жесть, – вздохнул Тим. – Я пошел спать. – Прежде чем закрыть за собой дверь, он оглянулся на сестру: – Такое ощущение, что я все делаю неправильно. А ты отчитываешь меня, точь-в-точь как наша мама.

От его слов Роз поежилась. Она прекрасно понимала, что сейчас чувствует старший брат. Девочка захлопнула Книгу и торопливо покинула библиотеку, едва не забыв запереть дверь, а когда выскочила из холодильной камеры, то налетела на высокую женщину в полосатых брюках и фартуке. Тяжело дыша, Роз выпрямилась.

Тетя Лили. Тетя Лили ждала ее, прислонившись к холодильнику. На лице – безупречный макияж и загадочное выражение.

– Может, объяснишь, что ты там делала? – спросила она.

Глава 9
Любовь небесная

Лили повторила вопрос:

– Зачем ты туда ходила, Роз? Почему ты такая бледная?

Роз повернулась и посмотрела на свое отражение в гладкой стальной поверхности холодильной камеры. Ее лицо и вправду сделалось белее зубной нити.

– Мне просто… захотелось апельсинового сока, – солгала она.

Лили присела на корточки, коснулась щеки Роз и сказала:

– Роз, тебя не было десять минут, стакана с соком я не вижу, и, ко всему прочему, ты замерзла! – Она обвила руками плечи Роз. – Давай-ка, садись ко мне на колени.

Роз села на обтянутое полосатой тканью колено своей лжетети, чувствуя себя неловко, словно ребенок на коленях у Санта-Клауса в торговом центре.

– А теперь говори правду, – мягко промолвила Лили. – Что вы там прячете за гобеленом?

Роз с трудом сдержала удивление. Откуда Лили известно, что за гобеленом что-то есть? Она точно подслушивала, когда Роз, Тим и Алфи спорили в библиотеке, переписывая рецепты. Не зря же Роз вчера утром нашла под дверью холодильника лиловую пайетку от ее брюк!

Она очень хотела рассказать тете о Книге, о том, что любовные маффины не сработали, а печенье правды, к несчастью,

наоборот, *сработало*. Вот только родители велели ей сохранить тайну Поваренной книги Чудсов, а она обязана слушаться родителей. Поэтому вместо того, чтобы выложить все начистоту, Роз задала не менее важный вопрос:

– А вы зачем подслушивали наши разговоры вчера утром?

Тетя Лили посмотрела на нее в упор, и Роз выдержала этот взгляд, мысленно восхищаясь мерцанием в глубине темно-карих глаз Лили, выразительным изгибом ресниц, длинных, как те, которыми кокетливо хлопают героини мультиков.

– Я за вас беспокоилась. Вы втроем с раннего утра что-то делали в холодильнике, а потом всю ночь пекли печенье…

– Но мы вели себя очень тихо! – прошептала Роз.

– Ах, Роз! – рассмеялась Лили. – Я – сова. – Она погладила Роз по голове, словно той было пять лет, а не все двенадцать, и девочке это ужасно не понравилось. – Знаешь, я ценю твой энтузиазм и любовь к выпечке, правда. Ты прирожденный пекарь. Но если вы действуете тайком из-за того, что у вас какие-то неприятности или вы что-то скрываете… – (У Роз испуганно забилось сердце, горло дернулось, как бывает, когда чувствуешь, что наружу вот-вот извергнется либо правда, либо съеденный обед. Тетя Лили совсем не дура, от нее ничего не скроешь.) – … Возможно, чужой секрет, который вас попросил сохранить друг или, например… родители. – (Роз вздрогнула.) – Взрослый не вправе требовать от ребенка молчания, – веско сказала Лили. – Это нечестно. – Она сочувственно стиснула плечо Роз.

Роз поняла, что сейчас выложит Лили все как на духу. Тетя права: маме и папе не следовало просить Роз держать в тайне такое важное знание – не только о Поваренной книге Чудсов, но и об их семейной магии. Эти секреты она хранит практически всю жизнь. Единственные, кому Роз может рассказать о молниях, облаках, глазе чернокнижника и соловьиных трелях, заключенных в банки, – ее братья, но им это неинтересно. По воле родителей Роз не должна быть откровенной *ни с кем*.

– Я… я… я… – начала она.

На лице Лили промелькнуло нетерпение: она чуть прищурила глаза и нахмурила брови. Эмоция моментально исчезла, точно унесенное ветром облачко, но Роз хватило и этого, чтобы прикусить язык.

Что же все-таки ее настораживает в тете Лили? Пока Роз это не поймет, семейную тайну она не выдаст.

– За гобеленом находится другой холодильник, в котором мама и папа прячут от нас самый вкусный шоколад, – сказала она. – Вчера утром мы стащили и съели несколько плиток. Мы поступили плохо, поэтому я заперла тот холодильник и держу

ключ при себе, чтобы Тим и Алфи снова не добрались до шоколада. – Роз выдохнула так резко, что закашлялась, и слезла с коленей своей фальшивой тетушки.

Лили тоже выпрямилась.

– Спасибо за честный ответ, – сухо произнесла она.

На миг повисла неловкая тишина, но затем с заднего двора прибежали Лик и Алфи: дети принялись носиться по кухне, топоча так, что задребезжали все кастрюли.

– Миссис Карлсон заснула перед своим малюсеньким телевизором! – сообщил Алфи, но из-за шума прыжков его никто не услышал.

– Прекратите прыгать! – сказала Роз младшим брату и сестре.

– Не могу! – воскликнул Алфи. – Я уже так давно прыгаю, что не могу остановиться! Мне нужно что-нибудь съесть, чтобы потяжелеть и опуститься на землю!

– Чего бы вам хотелось? – спросила Лили у детей.

Алфи собрался ответить, но его перебила Лик:

– Улиток!

– Фу-у! – Алфи плюхнулся на пол и стал корчиться, изображая позывы на рвоту.

Роз знала, что его страх и отвращение к улиткам и слизням всамделишные, а не поддельные и что от одного упоминания о них его может вывернуть.

Тетя Лили брезгливо поморщилась.

– Лик имеет в виду садовых улиток? – уточнила она у Роз.

– Нет, – ответила та. – Улиток-эскарго. Их подают во французском бистро Пьера Гийома. – Роз привыкла к этим еженедельным посещениям. Странно, конечно, что трехлетняя девочка обожала столь экзотическое блюдо, но факт оставался фактом: стоило Лик один раз попробовать резиноподобных моллюсков, политых топленым маслом и сдобренных чесноком, как она горячо полюбила этот деликатес. Теперь, если раз в неделю ее не кормили улитками, она начинала дуться и капризничать.

Лили просияла.

– Французское бистро? – повторила она, произнеся звук «р» на французский манер, то есть почти рыча. – Ни слова больше! – Она перевела взгляд на извивающегося Алфи. – А как же Алфи?

– Алфи, – ответила Роз, приглаживая его кудрявую рыжую шевелюру, – будет сидеть на другом конце стола и смотреть в другую сторону.

* * *

Поднявшись к себе, Роз надела любимое платье – синее, простого фасона, с высокой, чуть не от груди, линией талии. Красивой она себя не считала – слишком темные брови, нос картошкой, – но в этом платье казалась себе немножко симпатичнее. Капельку *привлекательнее*.

Она помогла сестренке скинуть замызганную полосатую рубашку, которую Лик носила не снимая, и надеть такую же, в красно-белую полоску, но только чистую – родители держали ее в запасе для тех случаев, когда ребенку полагалось выглядеть прилично. И разумеется Лик взяла с собой любимый «поляроид».

Лили тем временем спустилась на цокольный этаж, чтобы достать очередной наряд из своего, кажется, бездонного чемодана, и возвратилась на кухню настоящей парижанкой: для сегодняшнего образа она выбрала тенниску в бело-синюю полоску и черный берет, кокетливо сдвинутый набок. Чип остался, в чем пришел. Алфи, в свою очередь, решил, что сойдет и растянутая синяя футболка, в которой он потел все утро. В общем и целом компания смотрелась если и не сногсшибательно, то, по крайней мере, бодро. Разумеется, не считая тетю Лили – та выглядела бы сногсшибательно, даже если бы нарядилась в мешок из-под картошки.

Надев модные солнцезащитные очки, тетя Лили широко взмахнула руками:

– Ну, отчаливаем! В пекарне объявляется выходной, а мы устроим себе небольшой праздник. – Казалось, она что угодно умеет превратить в праздник.

По дороге к центральной городской площади Роз и Лили держали малышку Лик за руки, раскачивая ее на ходу, словно детеныша орангутанга, а Чип с Алфи шли следом. Роз бросила взгляд на тетю, которая шагала, подставив лицо солнцу, и наслаждалась его лучами, точно ванильным пудингом.

– Знаешь, какое у меня сейчас настроение? – с улыбкой обратилась Лили к Роз.

Роз покачала головой.

– *А-а-су-у-у-сьё*. – Лили растянула иностранное слово, будто сливочную ириску. – По-французски «суси» означает «волнение, забота», и, получается, «асусьё» значит «беззаботный». У меня нет совершенно никаких забот! Разве не восхитительно?

– Тогда я тоже а… сусьё, – сзади подал голос Чип.

Роз наконец расслабила плечи, с самого утра вздернутые чуть ли не к ушам. Летящее платье из мягкого хлопка на ветру льнуло к ногам, точно котенок, выпрашивающий лакомство, и на миг Роз показалось, что все утрясется. Парочка не в меру откровенных библиотекарш – не самое страшное в мире. Рано или поздно

действие печенья закончится, и все вернутся в нормальное состояние, в том числе Роз – она снова станет девочкой, которая молча следует правилам.

* * *

Вскоре компания вышла на главную площадь – открытое пространство, вымощенное рыжевато-коричневой брусчаткой, на жарком солнце раскалившейся почти докрасна. В центре площади высилась мраморная статуя основателя города, Реджинальда Горести, который доил корову. Летом статуя служила фонтаном: из коровьих сосков била вода. Роз считала, что это безвкусица и что городскому совету следовало бы установить другую статую… без вымени.

Приблизившись к статуе, Лили с минуту ее изучала и в итоге коротко заметила:

– Оригинально.

Роз еще издалека увидела, что перед рестораном Пьера Гийома выстроилась очередь примерно из полусотни человек.

– Что за новости? – удивилась девочка. – С каких это пор у Гийома нужно резервировать столик заранее?

Подойдя поближе, она поняла: перед ней не очередь, а скорее возбужденная толпа, и все собравшиеся смотрят вверх, на крышу заведения, где Пьер Гийом несколько месяцев назад установил стальной макет Эйфелевой башни высотой в четыре этажа. А потом до Роз дошло, на что именно устремлены все взгляды. По Эйфелевой мини-башне карабкался мистер Бэсстол.

Каким-то образом ему удалось забраться на крышу ресторана – очевидно, с помощью лестницы, прислоненной к стене здания, – и теперь, ступенька за ступенькой, он лез вверх.

– Мистер Бэсстол, не надо! Спускайтесь! – кричали ему горожане, однако он не обращал внимания на призывы.

На улицу выскочил Пьер Гийом в белом шеф-поварском колпаке и кителе.

– О-ля-ля! – воскликнул он своим тоненьким голоском. – Как много гостей! Кому-то придется подождать, но не волнуйтесь! Я обслужу всех… – Он растерянно умолк, сообразив, что толпа перед рестораном – вовсе не его клиентура. Пьер Гийом поднял глаза и тихо повторил: – О-ля-ля…

Сердце Роз учащенно забилось. Связана ли дерзкая выходка мистера Бэсстола с печеньем, которым его угостил Чип? Или еще не закончилось действие вчерашнего маффина? А может, это совокупный эффект двух волшебных средств, смешавшихся в

организме застенчивого любителя лягушек?

Пьер Гийом едва не плакал:

– Мсье! Мсье! *Экскюзе муа!*[13] Вам нельзя туда забираться! Мой макет Эйфелевой башни не выдержит вашего веса! Мсье! Вы разобьетесь!

Мистер Бэсстол продолжал карабкаться вверх, пропустив увещевания мимо ушей. Тогда Пьер Гийом в панике бросился в пожарную часть, расположенную в двух кварталах от ресторана.

– Помогите! Помогите! Лягушечник залез на мою башню! – вопил он.

Наконец мистер Бэсстол добрался до самого верха. Обхватив тонкие стальные решетки руками и ногами, он прижался к ним всем телом. Сильный порыв ветра растрепал пышную седую шевелюру, волосы облепили его лицо. В полном ужасе он глянул вниз, на толпу, затем посмотрел на небо. Роз отчаянно надеялась, что мистер Бэсстол просто спятил и ни печенье правды, ни любовный маффин, ни мисс Репей тут ни при чем. Однако в ту же минуту мистер Бэсстол закричал:

– Я, Бернард Бэсстол, люблю мисс Фелидию Репей!

Роз втянула голову в плечи. Все еще хуже, чем она опасалась. Волшебные эффекты печенья и маффина слились воедино, и возникла новая мощная магическая смесь.

– Я хочу покусывать ее изящные пальчики! – с восторженной улыбкой поведал миру мистер Бэсстол. – Я хочу целовать ее в носик и испечь ей пирог! Я хочу положить кусочек пирога ей на носик и слизать все до последней крошки! – (Толпа загудела от отвращения, многие смущенно отвели глаза.) – Фелидия Репей – самое потрясающее создание в этом городе! Да чего уж там, на всем свете! Я хочу смотреть, как ее босые ножки топчут виноград! Я сделаю ее своей королевой! – При этих словах мистер Бэсстол широко раскинул руки, и башня, покачнувшись, немного наклонилась вправо. На лице верхолаза промелькнула гримаса ужаса, и он вновь крепко схватился за стальные перегородки.

На него, однако, уже никто не смотрел. Все взгляды были обращены на мраморную статую Реджинальда Горести и подле нее – мисс Репей, которая взирала на крышу французского бистро с таким изумлением, будто туда рухнул автобус.

Мистер Бэсстол увидел стоявшую у фонтана мисс Репей и закричал:

– Фелидия! Любимая! Мой сладкий пирожок! Слоечка моя драгоценная! Единственная моя! Скажи, что ты тоже меня любишь!

Мисс Репей собралась что-то произнести, но торопливо зажала рот ладонями, чтобы слов, сорвавшихся с губ, никто не

услышал. Цепляясь за башню одними ногами, мистер Бэсстол стащил с себя свитер с лягушками, под которым обнаружилась куцая белая майка. Спереди на майке красовались большие красные буквы: «ВЫХОДИ ЗА МЕНЯ!»

– Фелидия! Позволь мне стать твоим принцем-лягушкой! – прокричал влюбленный.

– Я… я… – начала было мисс Репей, но вновь заглушила себя, на этот раз спрятав нижнюю часть лица за высоким воротником серого свитера.

И тогда мистер Бэсстол сделал нечто совсем уж неприличное: крепко держась одной рукой за перегородку башни, другой он расстегнул брюки, и они небрежной кучей упали на крышу бистро. Оставшись в семейных трусах, красных в белый горошек, мистер Бэсстол повернулся задом к толпе. На трусах краской было выведено: «НИ ШАГУ НА ЗАД!»

– Отвратительно, – пробурчал Чип.

Лик залилась счастливым смехом. Алфи выглядел так, будто его сейчас стошнит. Тетя Лили повернулась к Роз.

– Следует отдать должное его пылу, – высказалась она.

Однако Роз смотрела совсем в другую сторону, на мисс Репей, которая так яростно трясла головой, что очки свалились с ее носа в фонтан.

– Бернард Бэсстол! – наконец прокричала она. – Я тоже тебя люблю! Будь моим принцем-лягушкой! Никогда в жизни не встречался мне мужчина с такой великолепной лягушачьей харизмой! Ты просто сокровище! Целуй же меня!

Закончив монолог, мисс Репей скосила глаза и в ужасе зажала рот ладонями, словно тот выдал ее против воли владелицы. Пунцовая от стыда, она развернулась и побежала к школе.

– Вернись, прекрасная Фелидия! – крикнул ей вслед мистер Бэсстол.

Под вой сирены на площадь вылетел автомобиль городской противопожарной службы.

– Вон он! – завопил Пьер Гийом, пальцем показывая на крышу. – Этот человек вот-вот сломает мою Эйфелеву башню!

Толпа расступилась, пропуская автомобиль, который остановился у входа в ресторан. Брандмейстер[14] Конклин с прищуром посмотрел на мистера Бэсстола, поднес ко рту рупор и прокричал:

– Бернард Бэсстол! Спускайтесь немедленно, иначе нам придется снимать вас силой!

– Нет! – замотал головой мистер Бэсстол. – Я не слезу, пока моя возлюбленная не согласится стать моей законной супругой!

Двое пожарных развернули длинную железную лестницу и приставили ее к башне.

– Интересно, под чем этот тип? – обратился к напарнику первый пожарный.

Роз нервно сглотнула. Она-то знала, *под действием чего* находится мистер Бэсстол. И все по ее вине. Как бы поступили в этой ситуации мама и папа? Уж конечно, они нашли бы способ все исправить. Хотя, если на то пошло, они бы попросту не оказались в подобной ситуации.

Уже после того, как мистера Бэсстола благополучно спустили на землю, стальной макет башни начал скрипеть и угрожающе качаться на ветру.

– О нет, – простонала Роз.

– О да, – пробормотал Алфи, и его зрачки расширились от возбуждения. – Башня падает! Побереги-и-и-ись!

Лик навела камеру на крышу и сделала фото.

Снова подул ветер. С оглушительным «крак!» башня качнулась и, словно в замедленной съемке, начала падать – прямо туда, где стояла толпа.

– Всем отойти! – рявкнул Чип. Схватив под одну мышку Лик, а под другую – Алфи, он побежал направо. Горожане кинулись врассыпную. Башня с металлическим скрежетом рухнула на площадь и сложилась пополам прямо перед входом в ресторан.

– Не-е-е-е-ет! – истошно закричал Пьер Гийом. Обхватив голову руками, он разрыдался.

Кто-то пихнул Роз в плечо. Она обернулась и увидела старшего брата: Тим взъерошил пятерней волосы, придав собственной шевелюре вид художественного беспорядка.

– Что тут творится? – вполголоса спросил он, нисколько не впечатленный суматохой. – Я просыпаюсь днем, а все куда-то делись. – На Тиме были джинсы, самую малость мятые, и темно-синяя рубашка с длинным рукавом.

– Мне надо с тобой поговорить, – зашептала Роз, увлекая брата за собой к фонтану. – Мистер Бэсстол и мисс Репей съехали с катушек. Мистер Бэсстол залез на макет Эйфелевой башни и на всю площадь признался в любви мисс Репей, а она не сдержалась и в ответ тоже проорала, что его любит. Сочетание любовных маффинов и печенья правды смертельно опасно! Мы должны придумать, как все исправить, причем быстро, пока тетя Лили не пронюхала и пока до мамы с папой не дошла весть, что целый город сошел с ума!

У Тима дернулся кадык.

– Эммм…

– Ну что еще? – недовольно закатила глаза Роз.

– Возможно, все еще хуже, – медленно, с неохотой проговорил Тим. Выглядел он немного сконфуженным. – Тут такое дело… Я взял лишние любовные маффины и несколько печенек правды, может штук десять, и раздал их… – он сделал паузу и опять сглотнул, дернув кадыком, – девчонкам из моего класса.

Глава 10
Так хотим, что кричим

Для публики все самое интересное закончилось. Толпа, собравшаяся поглазеть на мистера Бэсстола, разошлась. Несколько пожилых дам присели на бортик фонтана Реджинальда Горести и принялись мечтать о смельчаке, который забрался бы на башню и с высоты признался в любви одной из них. Пара мужчин, потягивая кофе, с сожалением вспоминали, что в прежние времена возводили башни понадежнее. Лили и Чип у стойки метрдотеля перед входом в ресторан изучали меню. Сам же хозяин заведения со слезами на глазах наблюдал, как желтый гусеничный кран, громко фырча, захватывал обломки башни, высоко поднимал и забрасывал в ржавый, некогда красный мусорный контейнер. Роз и Тим стояли в теньке, под навесом адвокатской конторы Карен Публиксон, и напряженно соображали, как быть.

В окне конторы Роз видела мисс Публиксон. Адвокат спокойно сидела за столом и выглядела очень элегантно: темно-синий деловой костюм, черные волосы убраны в аккуратный пучок на затылке. «Может, мне лучше стать адвокатом, а не волшебным пекарем, – подумала Роз. – Вряд ли из-за ошибки адвоката какой-нибудь старик полез бы на верхотуру и стал бы показывать людям свое нижнее белье».

От злости Роз так сильно поджала губы, что едва могла говорить.

– Тим, – процедила она, – зачем ты раздал девочкам любовные маффины и печенье правды?

Брат только пожал плечами. Он был вполне доволен собой, и это просто бесило. Роз хотелось треснуть его по башке, несмотря

на тот факт, что, представься ей шанс угостить Девина Стетсона любовным маффином и печеньем правды, она бы запихала и то и другое ему в рот быстрее, чем он успел бы сказать «спасибо».

Тим собрался ответить, но в это мгновение мирный гул голосов на залитой солнцем площади прорезал душераздирающий вопль. Судя по звукам, кто-то совершил нападение на девушку, однако за всю историю Горести-Фолз никто и никогда не нападал на людей, тем более средь бела дня на главной городской площади.

Кричала Линдси Борзини. Она бежала к адвокатской конторе Карен Публиксон, а точнее, к Тиму.

– Вон он! – визжала она. – Это… это… ТИМ!

Линдси Борзини, старшая дочка похожего на земляной орех хозяина «Ореховой лавки Борзини», славилась худшим во всем городе загаром. Когда она с воплями неслась по брусчатой мостовой к Тиму, казалось, будто по площади бежит жареная морковка с ручками и ножками.

На бегу она размахивала тоненькой книжкой в глянцевой обложке, а в другой руке сжимала гелевую ручку. Роз прищурилась: что это, последний номер девчачьего журнала? Может, Тим заделался модным поп-певцом и выпустил новый сингл?

Присмотревшись, Роз разглядела в руке у Линдси школьный ежегодник. Тим окончил среднюю школу в июне, и среди фотографий восьмиклассников было и его фото, для которого он с особым старанием намазал свои рыжие волосы гелем и соорудил прическу «шипы».

Роз стало совершенно ясно, что:

1) Линдси Борзини хочет заполучить автограф Тима;

и

2) Линдси Борзини находится под действием волшебной выпечки.

Линдси уже почти добежала до Тима, но тут откуда ни возьмись появился мистер Борзини. Словно футбольный защитник, он всем своим массивным телом бросился наперерез дочери и сбил ее с ног. Отец и дочь вместе барахтались на брусчатке: Линдси визжала как резаная и изо всех сил тянулась к Тиму, а мистер Борзини прижимал ее плечи к земле, стараясь не попадать под удары молотивших по воздуху кулачков.

– Линдси, пироженка моя миндальная, что на тебя нашло? – причитал он.

– Тим! Ти-и-и-и-и-им! – только и верещала в ответ Линдси.

Мистер Борзини поднял глаза на Тима, и Линдси, воспользовавшись моментом, влепила отцу оплеуху.

– И так с самого утра, – пожаловался Тиму торговец орехами. – Ума не приложу, какая муха ее укусила. Может, ей полегчает, если ты хотя бы поздороваешься?

Тим приблизился к Линдси и опустился на корточки. Линдси тут же вцепилась ногтями в его обтянутое джинсами колено.

– Гм… привет, – еле слышно прошептал Тим.

Зрачки Линдси расширились, по лицу разлилась безмятежность, затем она закрыла глаза и, обмякнув, привалилась головой к отцовскому плечу.

– Снова обморок, – сказал мистер Борзини. – Уже пятый за сегодня, и каждый раз после того, как услышит твое имя или увидит фото.

Заметив самодовольную ухмылку Тима, Роз отвесила ему легкий подзатыльник.

– Не понимаю… Нет, ты, конечно, симпатичный парень и все такое, – продолжал мистер Борзини, – но не *настолько* же! – Он подхватил дочь на руки и унес прочь.

И Роз, и Тим явственно расслышали в голосе мистера Борзини тревогу и растерянность. Увиденного Тиму вполне хватило.

– Знаю, знаю, – со вздохом сказал он сестре. – Мы найдем рецепт и откатим все назад.

К ним подошли Чип и Лили вместе с Алфи и Лик.

– Что это вообще было? – спросил Алфи.

– Кажется, кое у кого появилась страстная поклонница! – Тетя Лили с улыбкой похлопала Тима по плечу. – Ничего удивительного, котик. У тебя модельная внешность, только ты еще совсем юный и роста немного не хватает. Модель в миниатюре!

На щеках Тима вспыхнул густой румянец.

– Послушай-ка, Тим, – снова встрял Алфи, – а это как-нибудь связано с теми штуками, которые вы с Роз пекли вчера, когда хитростью заставили меня и Лили полдня гоняться за Лик? Или с тем печеньем, которые вы готовили ночью после того, как меня отправили спать? – Он упер руки в боки, словно строгая мать.

Роз посмотрела на веснушчатую физиономию Алфи и подумала: хватит уже врать младшему брату, который оказался куда более проницательным, чем она полагала.

– Вы хитростью заставили меня гоняться за Лик? – Удивленно раскрытый рот Лили напоминал большую букву «О».

– Разумеется, нет! – изобразил негодование Тим. – С чего бы нам так поступать с любимой тетей?

Внезапно Роз осенило, как убрать Чипа и Лили из дома, чтобы заняться выпечкой, отменяющей действие магии.

– Есть идея! – сообщила она. – Как мы все знаем, сейчас в пекарне все вверх дном, а пол выпачкан раздавленными тортами. Оставлять такой беспорядок не годится.

– Можно подумать, там тортовая бомба взорвалась, – пошутил Тим.

– Так почему бы вам, тетя Лили, и Чипу не провести приятный вечер во французском бистро, попробовать разные блюда из меню – чем больше, тем лучше, – пока мы с Тимом не сделаем уборку? – предложила Роз, стараясь не выглядеть как кошка, слопавшая канарейку.

– Ура! Тим и Роз наведут порядок в пекарне! – обрадовался Алфи.

– Алфи, ты тоже пойдешь с нами, – сказала ему Роз, твердо решив включить его в команду. – Для разнообразия дадим взрослым отдохнуть и приберемся сами.

Лили и Чип вопросительно переглянулись, затем тетя пожала плечами:

– Ну хорошо. Очень мило с вашей стороны. Лик, идем есть улитки эскарго!

– Не-а, – замотала головой Лик. – Не хочу.

Поджав губы, тетя Лили сказала:

– Как хочешь. А мы все равно пойдем пообедаем. Мне как раз нужно переговорить с Чипом наедине, – хищно улыбнулась она.

Чип сглотнул, а она взяла его под руку, и парочка вошла в ресторан.

– Почему я тоже должен убираться в пекарне? – недовольно захныкал Алфи.

Роз обняла обоих братьев так, что образовался тесный кружок. Лик втиснулась между Роз и Алфи, уселась на землю в центре кружка и разулась.

– Алфи, это засекреченная информация, – сказала Роз. – Сумеешь сохранить ее в тайне?

Алфи сразу перестал дуться и энергично закивал:

– Я – могила!

Роз его энтузиазм не убедил, однако она продолжила:

– У нас возникли проблемы с… *сам-знаешь-чем*. Мы использовали рецепт, но что-то не получилось…

– Вообще-то, наоборот, получилось даже слишком хорошо, – перебил Тим. – Но мы должны вернуться домой и найти рецепт, чтобы все отменить.

– Вот именно, – подхватила Роз. – А значит, твоя миссия – если, конечно, ты с нами…

– Можете на меня рассчитывать! – с жаром подтвердил Алфи.

– …Присматривать за Лик, пока мы с Тимом займемся

рецептом. – Роз улыбнулась, довольная собственной сообразительностью: теперь Алфи почувствует, что он в деле.

– Да ну вас! – обиженно бросил тот. – Нянчиться с малышней – это не шпионская работа. Я хочу на передовую. Хочу действовать!

– И я! – подскочила Лик. – Действовать!

– Ох, – проворчал Тим, – ладно.

– Времени у нас мало, пора начинать, – сказала Роз. – И давайте постараемся на этот раз не наделать ошибок.

* * *

С широкой зеленой лужайки перед зданием начальной школы, мимо которой проходили братья и сестры Чудс, доносились возбужденные детские крики, словно вся школа разом веселилась в парке аттракционов. На всем пространстве лужайки примерно две сотни детей были заняты чем-то, весьма похожим на военные действия. Половина из них раскрасила лица желтой краской и патрулировала северную сторону лужайки, тогда как у школьников на южной стороне боевая раскраска была синей. Синелицые прятались за баррикадой из пяти-шести учительских столов, которые им удалось притащить из школы. Там же, за столами, находился склад боеприпасов – несколько сотен синих водяных бомбочек.

– Сегодня ведь среда, – прошептала Роз. – Почему они не в летнем лагере?

Алфи нервно сглотнул.

– Мистеру Фаннеру это очень не понравится, – мрачно произнес он.

Роз и Тим тоже в свое время испытывали ужас перед директором начальной школы мистером Фаннером, который каждое утро смерчем проносился по коридорам учебного заведения и за малейшую провинность, хотя бы даже за развязавшийся шнурок, направо и налево раздавал розовые бланки для объяснительных записок.

Далее, однако, произошло нечто странное: не обращая внимания на водяную войну, все учителя из летнего школьного лагеря (за исключением мисс Репей) двинулись через лужайку, и остановить их никто не пытался. Впереди шествовал мистер Фаннер. В твидовом пиджаке и очках он смахивал на старомодного университетского профессора. Роз впервые видела, чтобы директор улыбался. До этого она вообще сомневалась, есть ли у него зубы. Группа учителей благополучно добралась до

тротуара, не попав под обстрел, и повернула в сторону Чудсов.

Стоило мистеру Фаннеру заметить Роз с братьями, как его улыбка исчезла.

– Почему вы не в пекарне? – раздраженно спросил он, наставив на них указательный палец.

Роз набрала полную грудь воздуха и сказала:

– С утра у нас были технические неполадки. Пекарня закрыта до завтра.

Учителя за спиной мистера Фаннера хором испустили стон разочарования.

– И что же нам теперь делать? – горестно воскликнула мисс Шпац, дама с выпирающими передними зубами, которая учила Роз в третьем классе.

Мистер Фаннер нацелил палец точно на переносицу Роз.

– Сегодня я закрыл летний лагерь раньше положенного времени, потому что мне надоело работать, – сообщил он. – Я захотел пирога. Очень сильно захотел. Мои коллеги тоже хотят вкусненького. А ты намекаешь, что мы ничего не получим?

Роз вдруг вспомнила, как Чип перечислял всех, кого угостил печеньем правды: «…Мисс Репей, учительницу… точнее, всех учителей». Вот, значит, какова правда об учителях: им, как и Роз, порой страшно хотелось сбежать с уроков и съесть кусочек пирога. Только они жаждали этого в десять раз сильнее.

– Отлично, – буркнул мистер Фаннер, – мы отправимся в другое место. Поедем в Скромнтон, там есть «Старбакс». – Смерив Чудсов надменным взглядом, он гордо удалился, и вся учительская свита последовала за ним.

Со смесью изумления и ужаса на лице Алфи повернулся к Роз и Тиму:

– Вы что наделали?

* * *

Роз с братьями и младшей сестренкой вошли на кухню, где их уже поджидала миссис Карлсон.

– Дети, где вас носило? – Она гневно потрясла в воздухе кулаком.

– Миссис Карлсон, вы уснули, и мы решили сходить пообедать, – выкрутился Алфи.

Женщина подозрительно прищурилась, но все же проворчала:

– Ладно уж. Но больше я с вас глаз не спущу! Звонили ваши родители, пришлось соврать, что вы принимаете душ!

– Одновременно? – удивился Тим.

– Тут-то я и прокололась, понимаете? Все, будете у меня под надзором! – Миссис Карлсон так яростно потрясла кулаками, что с головы посыпались бигуди.

– Хорошо, – сказала Роз. – Тогда, пожалуйста, присмотрите за Лик во дворе, пока мы будем делать уборку.

Миссис Карлсон кивнула, увела Лик во двор и принялась качать ее на качелях.

– Дитя, не смей меня фотографировать! – донесся до Роз возмущенный возглас пожилой дамы.

Роз облегченно выдохнула. Пока миссис Карлсон не могла их видеть, трое Чудсов гуськом вошли в холодильную камеру. Первым шагал Тим с зажженным фонариком.

– Слава богу, – пробормотала Роз, закрывая за собой камеру.

Алфи завозился у стены, возле которой в картонных упаковках хранились яйца. Он вытащил два контейнера, сложенные в считаных сантиметрах от фигурной ручки-скалки, открывающей дверь в секретный подвал.

– Положи, где взял! – прикрикнула Роз на брата, затем подскочила к нему, отобрала контейнеры с яйцами и сама вернула их на место.

– А что такого? – обиженно воскликнул он. – Подумаешь, яйца!

– Делай, как велит Роз, – вмешался Тим.

– Ладно, извини, – с улыбкой сказал сестре Алфи. Он был готов выполнить любой приказ Тима – даже проявить уважение к Роз.

Подмигнув Тиму, Роз открыла дверь в библиотеку, где все трое склонились над книгой на высоком деревянном постаменте. Алфи перелистывал страницы, а Роз и Тим высматривали, не попадется ли им что-то вроде лекарства от безумия или магического ластика, стирающего предыдущие чары.

– Вот, – сказал Тим. – Нашел!

Роз вслух прочитала рецепт:

Булочки «Рот на замок»

И приготовила мадам Ханна Чудс особые булочки в год 1895-й в Нижнем Ист-Сайде на Манхэттене, где работала школьной учительницей. Как-то раз ее ученики особенно сильно шумели и не внимали увещеваниям, и тогда накормила она их булочками, и умолкли они на целый год, словно бы уста их накрепко склеились.

Примечание: позже мадам Ханна Чудс раскаялась в своем поступке, однако же понесла наказание за то, что вызвала немоту у целого класса.

Тим радостно закивал:

– Это заставит всех заткнуться, верно?

– Нет, Тим, – покачала головой Роз. – Мы же не хотим затыкать людям рты, а хотим отменить то, что уже сделали. Вернуть все, как было.

С этими словами Роз заглянула в самый конец Книги и обнаружила несколько меньших по размеру страниц, аккуратно сложенных в выемке на задней обложке. На первой странице она прочла заглавие: «Апокрифы[15] Альбатроса». Бумага тоже отличалась от той кремово-белой, на которой была напечатана основная часть Книги. Эти страницы выглядели более тонкими и серыми, а на ощупь оказались шершавыми, точно кошачий язычок. Ни один рецепт не имел даты и не предварялся историей происхождения. Заголовок с именем Альбатроса показался Роз странным, ведь Лили обмолвилась, что так звали ее прапрапрадедушку. Не тот ли это самый Альбатрос?

На глаза ей попался рецепт:

Пирог «Шиворот-навыворот-задом-наперед-всё-наоборот»

– Вот что нам нужно, – решительно промолвила Роз. – Средство, которое все вернет в исходное состояние.

– Ну, не знаю… – покачал головой Алфи. – Что-то у меня не вызывают доверия эти страницы.

– Лучше уж взять нормальный рецепт из более позднего приложения к Книге, чем напечь булочек, от которых у всех склеятся рты, – возразила Роз.

В итоге братья с ней согласились, и она достала записную книжку, чтобы переписать рецепт.

* * *

Когда вся троица, раздобыв рецепт, вышла из холодильной камеры, миссис Карлсон и Лик уже были на кухне.

– С этим ребенком что-то не так, – заявила миссис Карлсон с самой кислой миной.

Очень скоро Роз поняла, что она имеет в виду.

– У нас дома есть волшебная книга рецептов! – крикнула Лик, сидя на полу. – Ее прячут в холодильнике! А ключ у Роз! У нас дома есть волшебная книга рецептов! Ее прячут в холодильнике! А ключ у Роз!

Роз метнула взгляд на блюдо с остатками печенья правды: на нем лежало лишь несколько сиротливых крошек.

– Лик ела это печенье? – осведомилась Роз.

– Полагаю, да, – ответила миссис Карлсон. – Я привела ее на кухню, а сама отлучилась в уборную, и, пока меня не было, она успела затолкать в себя все, что лежало на блюде. Это дитя даже на пять минут нельзя оставить без присмотра – тут же что-нибудь натворит!

– У нас дома есть волшебная книга рецептов! – снова выкрикнула Лик.

– Лик, прекрати! Закрой рот! – накинулся на нее Тим.

Но Лик не могла остановиться и как заведенная повторяла одно и то же.

– С чего вдруг она несет чепуху о какой-то волшебной книге рецептов? – недоуменно спросила миссис Карлсон.

– Понятия не имею. Она всегда отличалась богатым воображением, – пожала плечами Роз.

На самом деле Роз была в панике от поведения младшей сестренки. Если тетя Лили сейчас вернется домой, то все услышит! Пока Роз соображала, как угомонить Лик, с улицы послышался оглушительный визг. Нарастая, словно цунами, он приближался к пекарне.

– Что это за безумные вопли? – нахмурилась миссис Карлсон.

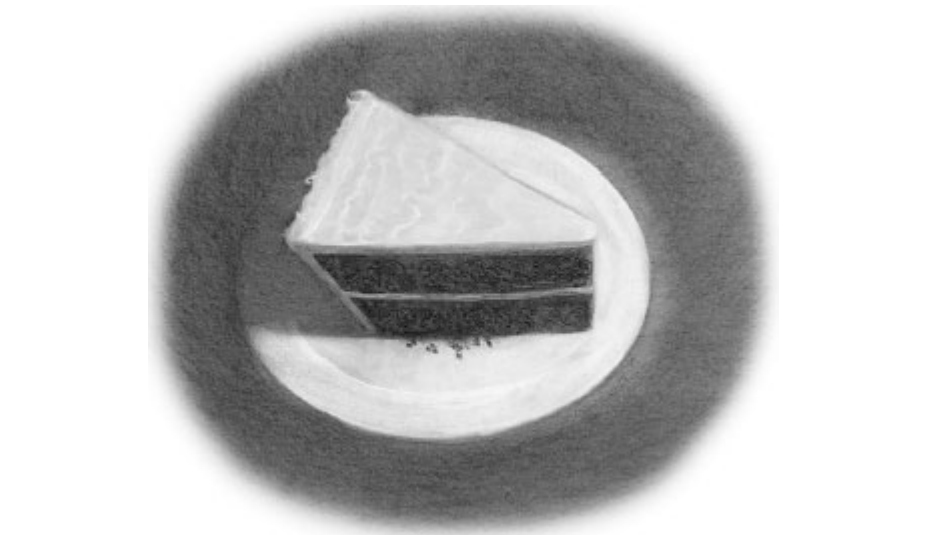
Роз подняла глаза и увидела примерно два десятка девочек. Они царапались в дверь, стучали в окна, прижимались губами к стеклу и энергично махали Роз и ее братьям. За ними толпились и другие. Практически каждая в одной руке держала школьный выпускной фотоальбом, а в другой сжимала ручку.

– Тим, ты же говорил, что девочек, которым ты дал печенье, было всего несколько, – произнесла Роз.

Тим смущенно посмотрел на сестру:

– Несколько… десятков?!

Глава 11
Рецепт третий: пирог «Шиворот-навыворот-задом-наперед-всё-наоборот»



Бешеный стук в дверь заставил Роз в страхе оглянуться. Шесть обезумевших школьниц прижимали раскрасневшиеся лица к застекленной части задней двери. Еще с полдюжины скакали на батуте, пытаясь заглянуть в кухню поверх голов остальных. Незваные гостьи стояли на качелях – и на больших, и на детских, – а одна, самая отважная, забралась на ржавую решетку для гриля, не обращая внимания на горелые кусочки гамбургера, прилипшие к прутьям. Выпученные глаза девочек напоминали шарики для пинг-понга. Зрелище было жуткое.

Тим откинул с лица прядь намазанных гелем волос, и стая поклонниц дружно взвыла.

– Что там за крики? – повторила вопрос миссис Карлсон.

Роз, вошедшая в торговый зал через распашные двери из темного дуба, уже знала ответ. При виде ее десятки девочек, толпившихся перед пекарней, испустили оглушительный вопль досады, от которого задрожало витринное стекло.

– У-у-у-у-у-у-у! – выли они.

– Убирайтесь прочь! Тиму вы не нравитесь! – крикнула Роз, но сама едва услышала себя в поднявшемся гвалте.

Затем из гущи толпы раздался отдельный голос:

– Если он сейчас же не выйдет, я кое-кому лицо порву!

Одна девочка, выше и сильнее прочих, протискивалась вперед, на ходу грубо расшвыривая более слабых соперниц. Это была Эшли Шнобс.

Ее длинные светлые волосы, завитые в красивые локоны, сияли так, что, глядя на них, приходилось щуриться. Блеск на губах светился, точно циферблат дорогих часов. Из висевшей на плече сумки выглядывал испуганный чихуа-хуа, явно мечтавший очутиться где-нибудь в другом месте. Вокруг Эшли само собой образовалось свободное пространство. Даже под воздействием волшебных чар девочки помнили, что на дороге у Эшли Шнобс лучше не стоять.

Эшли с визгом замолотила кулаками по стеклу:

– Я сейчас начну поджигать мебель в папином магазине и бросать ее в окно!

Другие девочки последовали ее примеру и тоже принялись барабанить в окно. Испугавшись, что стекло не выдержит, Роз предпочла удовлетворить их требование:

– Ладно, ладно, отдаю его вам, только оставьте окно в покое!

Эшли Шнобс выбросила вверх руку – стук и вой тотчас прекратились.

Тима Роз нашла на кухне: он прятался за разделочным столом, втянув голову в поднятый воротник рубашки.

– Им нужен ты, – сообщила Роз.

– Какая нелепость! – возмутилась миссис Карлсон. – Этим девушкам должно быть стыдно за свое поведение.

На глазах у Роз миссис Карлсон прошла через торговый зал, открыла входную дверь, следя, чтобы обезумевшие подростки не прорвались внутрь, и встала за порогом.

– Вы ведете себя как последние дурочки! – громко произнесла она. – Немедленно отправляйтесь по домам, к родителям!

Эшли Шнобс вцепилась миссис Карлсон в бигуди, а другие девицы подхватили старушку на руки, подняли над головами и перенесли в самый центр толпы. Бедная миссис Карлсон отчаянно пыталась пробиться обратно к двери, но толпа оказалась сильнее и поглотила ее.

Роз потянула старшего брата за торчащие вихры.

– Давай выходи на улицу! – скомандовала она. – У них в плену миссис Карлсон. Бог знает что они с ней сделают!

Тим пригнулся еще сильнее, так, чтобы его не было видно в окно.

– И не подумаю. Никогда ее не любил.

– Ты должен выйти и унять их. – Роз пихнула Тима в плечо.

– Каким образом?

«Хороший вопрос», – подумала Роз, но, вспомнив Девина Стетсона, мгновенно нашла ответ:

– Тебе надо поцеловать их заводилу – Эшли Шнобс.

– Эту надменную и заносчивую стерву? Да я лучше миссис Карлсон поцелую!

– Могу устроить.

Тим упал на колени и взмолился:

– Роз, пожалуйста, не заставляй меня. Если я хотя бы приближусь к этим надутым, сверкающим, покрытым вонючим блеском рыбьим губищам, то в школе мне конец. Эшли не выпустит меня из своих когтей, как не выпускает ту несчастную собачонку, что сидит у нее в сумке! Ты хочешь, чтобы я стал ее собачонкой? Ты этого хочешь, Роз?

Сестра досадливо закатила глаза:

– Тебе не обязательно целовать ее по-настоящему. Просто сделай так, чтобы она лишилась чувств и перестала колотить в окно. Ничего сложного.

* * *

Роз привела младших брата и сестру в торговый зал, и все трое, встав за прилавком, принялись наблюдать за Тимом. Как только он вышел из распашных дверей, девицы взвыли, словно им явился Элвис Пресли или Джастин Бибер.

– Это даже лучше вертолета, который папочка подарил мне на шестнадцатилетие! – провизжала Эшли Шнобс. – А вертолеты я обожа-а-а-а-а-а-ю!

– Ну, будь что будет, – бросил Тим через плечо. Вооружившись игрушечным рупором, который Альберт держал в кухонном шкафу, он прижал раструб к узкой прорези для писем в оконном стекле сбоку от входной двери. – Эшли Шнобс… – робко начал Тим.

– Я вся внимание, мой сладкий! – отозвалась Эшли.

– Э-э… поцелуй меня. Типа через стекло, – с запинкой выговорил он, стоя на коленях.

– О-о-о, я сейчас умру от счастья! – простонала она, с блаженной миной сложила сверкающие розовые губки бантиком и прижала их к окошку.

Тим со своей стороны стекла опасливо приложился губами к тому месту, где в нетерпеливом ожидании подрагивал рот Эшли.

Алфи сделал вид, что его сейчас вырвет. Лик захихикала.

– У нас дома есть волшебная книга рецептов! – пропищала

она и сняла на фото беснующуюся толпу.

– Сработало! – крикнула Роз Тиму. – Гляди!

Как только он прижал губы к стеклу, Эшли в экстазе лишилась чувств и мягко повалилась на землю.

– Делай то же самое с остальными!

– Мне с каждой так притворяться? – Вдохновения Тим не испытывал.

– Да нет, просто говори им что-нибудь приятное, и они попадают в обморок от восторга. – Роз старательно скрывала тот факт, что слегка наслаждалась зрелищем. Она впервые видела, чтобы у старшего брата, всегда такого уверенного в себе, тряслись поджилки. Обычно ему было некогда помогать в пекарне. Или обращать внимание на Роз. А теперь он спрашивал ее совета.

– Приятное? – прохныкал Тим. – Да ты только посмотри на них. По-твоему, хоть одна заслуживает комплиментов?

– Нет времени раздумывать, Тим! – прикрикнула Роз. – Давай уже, восхищайся!

– Калли! – позвал Тим. К окну подошла девочка с каштановыми косичками. – У тебя кудрявые волосы.

Калли закатила глаза от счастья и безвольно обмякла.

– Дженна! – У окна встала девочка в круглых очках и с брекетами. – У тебя очки и брекеты, – констатировал Тим.

Застыв столбом, Дженна рухнула на землю.

– Лиза! – К окошку приблизилась девочка, одетая, по мнению Роз, в какую-то хламиду. – Лиза, ты такая… бодрая.

Лиза успела сделать радостный пируэт, после чего ноги у нее подкосились, и она упала без сознания.

Роз наблюдала за происходящим, приложив руки ко рту, как если бы смотрела фильм ужасов.

– Лик, обещай мне, что ты никогда и ни с кем так не поступишь, – обратилась она к сестренке и сжала ее пухлые щечки.

Тим по очереди вызывал девочек и отвешивал им самые нелепые комплименты, но всякий раз это производило нужный эффект. В конце концов на ногах осталось не более десятка девочек.

– Не останавливайся! – велела брату Роз.

– Я даже не знаю, как их зовут, – простонал Тим.

– Тогда попробуй спеть, – предложила Роз, украдкой подмигнув Алфи.

– Я не пою!

– Тим, мы на финишной прямой! Нельзя допустить, чтобы эти девицы мешали нам печь.

– Я не знаю ни одной песни!

– Пой, что придет в голову.

Тим что-то пробурчал себе под нос и снова приложил рупор к прорези для писем.

– Бубенцы-огурцы… – робко начал Тим. Последние десять девочек прилипли к окну, а затем одна за другой начали падать в обморок. – Бэтмен снес яйцо…

Тим отложил рупор и принялся кружиться в танце. Последняя из его поклонниц давно рухнула в обморок, а он еще долго выделывал па, напевая себе под нос. В конце концов, сообразив, что петь и плясать больше не нужно, он остановился, смущенно кашлянул и одернул рубашку. Тротуар перед пекарней был завален бесчувственными телами.

– Отличная работа, Тим, – спрятав усмешку, похвалила Роз. – На какое-то время они угомонились.

– Да уж, пришлось потрудиться. – Тим оглянулся на Алфи, который в уголке повторял танцевальные движения брата.

С трудом пробравшись через штабеля тел, миссис Карлсон распахнула входную дверь.

– С ума сойти можно, – только и выдохнула она, обхватив себя руками за плечи. Ее всю трясло.

– Миссис Карлсон, не могли бы вы остаться здесь и поохранять Лик? – попросила Роз. – Мы с Тимом и Алфи хотим испечь пирог, чтобы задобрить девочек.

– Ты в самом деле думаешь, что хоть одну из этих полоумных девиц с их разбушевавшимися гормонами можно успокоить кусочком обыкновенного пирога? – заверещала миссис Карлсон.

– Это будет особенный пирог, – пояснила Роз.

– У нас дома есть волшебная книга рецептов! – встрепенулась Лик.

Миссис Карлсон состроила недовольную гримасу и усадила малышку к себе на колени:

– Тогда пеките живее.

* * *

Роз, Тим и Алфи склонились над разделочным столом и стали изучать рецепт пирога «Шиворот-навыворот-задом-наперед-всё-наоборот». Роз бросила взгляд на часы:

– Лили и Чип еще пару часиков проведут в ресторане.

– У Пьера Гийома? – ухмыльнулся Тим, закатывая рукава. – Пару часиков – это в лучшем случае и только если будут есть не жуя. В этом бистро самое медленное обслуживание на свете.

Список ингредиентов был вполне стандартным: молоко,

мука, яйца, сахар, масло, разрыхлитель, соль, свежая клубника. Исключение составлял лишь последний, отмеченный звездочкой, – слезы чернокнижника.

С прошлого раза запомнив, как важны примечания, Роз тщательно скопировала текст под звездочкой:

> * Глаз чернокнижника не проливает слез печали, ибо чернокнижники не способны испытывать сердечные чувства. Посему плач чернокнижника есть явление чрезвычайное, противоположное нормальному, что и обеспечивает обратный ход событий. Рецепт начинает действовать с первых минут, однако же эффект его достигает пика по истечении двенадцати часов.

Роз посмотрела на старшего брата:

– Сходишь за глазом чернокнижника?

Тим яростно замотал головой:

– Сама иди. Я сегодня уже достаточно слез пролил. Видала, как Эшли Шнобс лизала оконное стекло? Этот кошмар будет преследовать меня до самой смерти.

– Ладно, схожу. А вы с Алфи пока опустите жалюзи. Не надо нам тут зрителей.

* * *

Роз с облегчением убедилась, что все банки стоят на своих местах. За синим стеклом по-прежнему кружилось первое дуновение осеннего ветра, по-прежнему дрых Гном Вечного Сна, а глаз чернокнижника по-прежнему… плавал в желтоватой жидкости. Роз потянулась за банкой и вдруг заметила кое-что странное: в подвале откуда-то тянуло свежим воздухом.

Легкий сквознячок то поднимался, то стихал, и поначалу Роз решила, что это ей мерещится, но затем увидела: влажный серый туман над полом слабо колыхался. Может, в секретной кладовой есть вентиляционное отверстие?

В тусклых отблесках синего стекла Роз ощущала себя будто под водой. Она на цыпочках обошла стеллажи, пытаясь обнаружить источник тумана. Отдушин в стенах не было, лишь без конца тянулись полки с банками. Значит, туман исходил откуда-то с пола. Роз опустилась на четвереньки и ползком двинулась вперед.

В самом углу она заметила ржавую железную решетку – в доме через такие решетки поступало тепло. Эта, однако, на ощупь оказалась холодной, и из нее клубился туман.

Роз вытянула шею и прижалась к решетке ухом. Что-то огромное и мокрое словно втягивало воздух в себя, а затем выпускало. Она узнала звуки дыхания! Что-то или кто-то находился под домом.

Руки и ноги Роз покрылись мурашками, она, все так же на четвереньках, медленно попятилась. Цепочка с миниатюрным ключом в форме венчика высунулась из горловины рубашки и негромко звякнула о металл. Дыхание замерло. А затем голос, который Роз не столько услышала, сколько почувствовала нутром, произнес:

– КТО ЗДЕСЬ? – (У Роз перехватило дух.) – Я тебя СЛЫШУ, – продолжал голос. – Я тебя ЧУЮ.

Роз закрыла глаза, стараясь как можно тише дышать через рот. Другая девочка, более хорошенькая или, скажем, более умная и сообразительная, не очутилась бы в подобной ситуации, мелькнуло у нее в голове. Другая девочка не стояла бы сейчас на четвереньках в магической комнате и не разбудила бы жуткое существо, способное сотворить с ней бог знает что.

– И я тебя ЗНАЮ, – прогудел голос. – Помоги мне – и я исполню твое заветное желание. Мечтаешь о богатстве и славе? О красоте? Тогда возьми ингредиент под названием «Настойка Венеры», вмешай в нужный рецепт – и ты затмишь собой Елену Троянскую. Да что там Елену, ты превзойдешь красотой саму тетю Лили! Попробуй, добавь в чай всего одну чайную ложку.

Пятясь, Роз добралась до основания лестницы, и железные прутья решетки были уже неразличимы в темноте. Что бы там ни сидело внизу, оно откуда-то знало о тете Лили и самых сокровенных желаниях Роз. Девочка молча выпрямилась и взяла в руки банку с глазом чернокнижника.

Позади этой банки Роз мельком заметила другую, на дне которой лежала небольшая емкость в форме закрытой морской раковины, светившаяся по краям. На ярлычке изящными золотыми буквами было написано: «Настойка Венеры».

Чего бы только Роз не дала, чтобы стать такой же, как тетя Лили, – быть красивой и значимой, обладать невидимой властью, благодаря которой все вокруг спешат исполнить твои желания. Девочки сходили с ума по Тиму из-за его привлекательной внешности. Что, если и Роз станет красоткой? Вскружит ли она голову всем мальчишкам в школе? Наверняка.

Роз на мгновение замечталась, представив, как идет по школьному коридору и все головы поворачиваются в ее сторону. Все будут бегать за ней, наперебой стараться завоевать ее дружбу, а не придумывать ей обидные прозвища вроде «Лепешка с картошкой».

Все ученики – и учителя тоже! – будут ловить каждое ее слово и всерьез воспринимать сказанное ею. Может, и братья сделаются к ней добрее, а родители станут больше доверять, разрешат ей готовить по рецептам из Поваренной книги Чудсов и обучат всем тонкостям ремесла. Но вероятно, с такой красотой она и вовсе не захочет работать в пекарне. Уедет из Горести-Фолз в большой мир и покорит его…

– Роз! Давай быстрее! – крикнул из кухни Тим.

Братья. Им без нее не обойтись.

Роз оглянулась на банку с настойкой Венеры.

– Нет, спасибо, – прошептала она туману, из которого к ней обращался голос, и, держа в руке банку с глазом чернокнижника, двинулась вверх по лестнице. – Сейчас не время.

* * *

Она вышла из холодильной камеры как раз в тот момент, когда Тим и Алфи закончили сыпать в огромный стальной чан планетарного миксера муку и несколько ложек разрыхлителя.

– Тут на сорок четыре пирога, – сообщил Алфи. – Мы прикинули, что нужно раздать по кусочку всем жителям города, это примерно две тысячи двести человек. Если разрежем каждый пирог на пятьдесят тонких-претонких ломтиков, то сорока четырех будет как раз достаточно. – Он продемонстрировал сестре листок бумаги с нарисованной круговой диаграммой.

– Молодчина, Алфи, – похвалила его Роз. Она поставила обмотанную проволочной сеткой банку на стол, и глаз в желтом консервационном растворе заметался туда-сюда. У него была лиловая радужка и узловатый голубой хвост – Роз знала, что это зрительный нерв, пучок нитей, соединяющих глаз с мозгом. Выглядело все это одновременно и красиво, и отталкивающе.

При виде консервированного глаза Алфи скривился:

– Фу-у! Это еще что такое? – Он взял банку в руки и поежился. Глаз подплыл к стеклу и в тусклом свете, просачивавшемся сквозь опущенные жалюзи, уставился прямо на Алфи. – Где ты это взяла?

– Дай сюда. – Роз отобрала банку у младшего брата, опасаясь, как бы тот ее не выронил. Ей хотелось рассказать Тиму про таинственный голос, но только не при Алфи.

– У мамы с папой много чего… необычного, – уклончиво произнес Тим. – В секретной кладовке. Покажем тебе позже.

– Так, – сказала Роз. – Главный вопрос: как заставить это страшилище плакать?

Подперев локоть одной руки другой, Тим поскреб подбородок:

– Хм. Думаю, для начала нужно вытащить глаз из банки и держать его над тестом, чтобы слезы не капали мимо.

– Отличная мысль! – Роз всучила ему банку.

– Нет-нет, я эту штуку трогать не буду, – в ужасе отшатнулся Тим.

– Алфи, ты же всегда хотел активнее участвовать в деле! Это твой шанс. – Роз протянула банку младшему брату.

Алфи лишь взвизгнул и заслонил руками пухлую веснушчатую физиономию.

– Ладно. – Поморщившись, Роз размотала проволочную сетку и расстегнула металлическую защелку на крышке.

Как только она открыла банку, в нос ударил жуткий гнилостный запах – так воняла протухшая вода в цветочной вазе. Или уксус, которым обтирали больную жабу. Или трехсотлетний йогурт. Или пот мертвеца, если, конечно, мертвецы потеют.

– Кто напукал? – возмутился Алфи.

Зажав нос, Роз попробовала ухватить глаз за зрительный нерв. Он заметался по банке, словно аквариумная рыбка в зоомагазине, удирающая от сачка продавца. В конце концов Роз удалось намотать пучок нервных волокон на палец и за хвост вытащить глаз из банки.

Оба ее брата зажимали нос и давились, сдерживая рвотные позывы.

– Как заставить его плакать? – простонал Тим.

– Без понятия, – отозвалась Роз. – После каких слов люди обычно плачут?

Алфи склонился над болтающимся глазом.

– Твой пес умер! – крикнул он.

Глаз повернулся и уставился на Алфи, будто говоря: «Ну-ну, неплохая попытка».

– В жизни не видел ничего уродливее, чем ты! – проворчал Тим.

Глаз ехидно прищурился, словно в усмешке.

– Блин, ты ему только польстил, – вздохнул Алфи.

Роз нахмурила лоб. Как вызвать у кого-то – или у части кого-то, лишенной каких бы то ни было чувств, – слезы? Роз перевела взгляд на закрытые окна, за которыми понемногу начали подавать признаки жизни влюбленные девицы. И вдруг ее осенило.

– Тим, подержи! – Она быстро сунула глазной хвост ничего не подозревающему брату.

Тим тоненько, как ребенок, вскрикнул, едва его пальцы

сомкнулись на склизком отростке.

Роз бросилась в кладовку и вооружилась мясницким ножом и луковицей – самой крупной желтой луковицей, какую смогла отыскать. Вернувшись на кухню, она разрубила луковицу пополам возле чана с тестом, прямо перед глазом. Каждую половину она тоже разрезала надвое, а затем принялась кромсать четверти на мелкие кусочки, пока не покрошила всю луковицу.

От густого, едкого запаха лука так сильно щипало глаза, что Роз с трудом дышала. И естественно, она – что? Правильно, заплакала. Роз плакала из-за невидимого голоса в подвале, из-за того, что он сказал правду: больше всего на свете она мечтала стать значимой для окружающих. Стать известной и важной персоной. Красавицей.

Всхлипывая, она поднесла разделочную доску с нарезанным луком к глазу чернокнижника.

Алфи и Тим уткнулись переносицами в локти, поэтому только Роз видела, как глаз сердито заморгал и уронил вязкую маслянисто-черную слезу в чан с тестом. За ней капнула вторая, третья, и вот уже из уголков отделенного от тела глаза потек целый ручей слез.

– Ребята, смотрите, – прошептала Роз.

Глаз постепенно засветился холодным лиловым сиянием, черные слезы, капавшие в тесто, шипели и будто вскипали. Внезапно огромный стальной чан, дребезжа, начал вращаться вокруг своей оси – сперва медленно, затем все быстрее и быстрее, точно карусель, после катания на которой Роз всегда тошнило.

Троица попятилась от стола.

– У меня нехорошее предчувствие, – поделился Алфи.

– Тсс, – шикнул на него Тим.

Тесто взбухло, поднялось под самые края чана и выползло наружу, однако на стол не вылилось. Чан продолжал вращаться, а тесто поднималось вверх, покуда не воспарило почти под самый потолок, превратившись в большой рыхлый шар. Затем клейкая шарообразная масса приобрела форму человеческого лица с огромными нахмуренными бровями и пустыми глазницами, обращенными к Роз. В нижней части лица возник рот, который энергично шевелился в беззвучной брани, также адресованной Роз.

– Оставь меня в покое! – крикнула она.

Наконец глаз перестал светиться, его веки резко, чуть не с хлопком, сомкнулись. Контуры лица расплылись, и тесто – плюх! – шлепнулось обратно в чан. Все закончилось.

Тим закинул глаз чернокнижника в банку, Роз надежно закрыла крышку и унесла банку обратно в подвал. При этом она

была готова поклясться, что, очутившись на своей полке, банка недовольно заворчала. Или… не банка?

* * *

Алфи, Роз и Тим разложили волшебную массу нездорового серовато-розового оттенка по всем формам, какие только нашлись в доме, и распихали их по духовкам, заранее разогретым на полную мощность. Работали все четыре стенные духовки и чугунная печь в углу, похожая на улей. На кухне было жарко, как в кочегарке парохода.

Через сорок минут маленький красный таймер Парди издал жизнерадостное «пинг!». Роз, Алфи и Тим вновь приступили к делу: братья вытащили пироги из духовки, а Роз взялась делить их на порции, раскладывать по бумажным тарелкам и втыкать в каждый кусок пластмассовую вилочку.

Все трое молча, лихорадочно работали. Никто не проронил ни слова, пока кусочки не были нарезаны и разложены. Тарелки с волшебным десертом занимали все горизонтальные поверхности. К этому времени большинство девочек на улице пришли в себя и вновь принялись стучать в окно, хотя пока что без прежнего пыла.

Роз загрузила две дюжины тарелок на массивный поднос размером с карточный столик и вдвоем с Алфи перенесла его в торговый зал. Оставив поднос подле входной двери, брат и сестра стукнули в окно, привлекая внимание девочек.

– Вы уж там поскорее, – поторопила их миссис Карлсон, развлекавшая Лик, пока старшие дети возились с волшебным тестом. – Эти бешеные уже пришли в себя!

– Потише там! – крикнула Роз, встав у окна. Тетя Лили и Чип могли вернуться в любую минуту, и действовать нужно было быстро.

Поклонницы Тима, однако, не подчинились, а лишь сильнее завизжали и забарабанили в стекло, точно Роз была невидимкой. В этот момент из кухни вышел Тим.

– А ну, тихо! – рявкнул он в рупор. При звуках его голоса все девочки мгновенно умолкли и вытянулись в струнку. – Я так нежно всех вас люблю, что испек вам кое-что вкусненькое! – объявил Тим и продемонстрировал тарелку с кусочком пирога. Толпу облетел умиленный вздох. – Кто хочет попробовать, вставайте в очередь у двери. Друг за дружкой! Все в одну очередь!

– Здравствуй, патриархат, – пробормотала миссис Карлсон.

Девочки бросились к двери, отталкивая друг друга. Каждая стремилась оказаться в очереди первой. Дрожащими руками Роз

отперла дверь. В воображении мелькали жуткие картинки: толпа взбесившихся девиц сбивает ее с ног и затаптывает насмерть.

– Тех, кто съест *всю* порцию, – медленно, с нажимом произнес Тим, точно обращался к младшей группе детсада, – я… обниму. А еще поставлю автограф под моим фото в школьном альбоме.

– Только автограф?! – пронзительно выкрикнула одна из девочек.

– Ну ладно, добавлю смайлик, – пожал плечами Тим.

– Боже! Боже! Боже! – завопила девица, и остальные тут же подхватили вслед за ней.

Роз приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы просовывать тарелки. Порция за порцией отправлялись к страждущим. Каждая девочка машинально брала тарелку, влюбленно глядя на Тима поверх головы Роз.

Последней была Эшли Шнобс. Ее светлые шелковистые локоны превратились в грязную спутанную гриву. Роз протянула ей вилку, но Эшли рукой сгребла пирог с тарелки и разом слопала целый кусок. Глаза у нее расширились. Она молча развернулась и медленно, механически зашагала прочь. За ней, побросав бумажные тарелки на землю, потянулись и остальные девочки.

– Что это за странный пирог? – полюбопытствовала миссис Карлсон. – Кажется, он не слишком пришелся им по вкусу. Лично я эту серую массу и пробовать бы не стала.

Роз вздохнула. Миссис Карлсон была права. Девочки хоть и съели пирог, но без удовольствия.

– По-твоему, все идет как надо? – шепотом спросил Тим, скрестив загорелые руки на груди, обтянутой парадной белой рубашкой.

Роз не знала, что и думать. Так странно – все девочки просто сгорбились, повернулись и побрели прочь, словно роботы. С другой стороны, не этого ли добивались Чудсы? Они ведь хотели избавиться от незваных гостей. Кроме того, максимальное действие волшебной выпечки проявится только через двенадцать часов, то есть завтра утром.

Лик сидела на грязном полу, просительно вытянув ручки, как будто хотела, чтобы ее обняли. Или дали пирога.

– У нас дома есть волшебная книга рецептов! – прочирикала она. – Ее прячут в холодильнике! А ключ у Роз!

Роз дала сестренке кусочек пышного серовато-розового пирога, и Лик расправилась с ним в два больших жадных укуса. И сразу же замолчала. Даже перестала смотреть на Роз. Теперь Лик таращилась сквозь нее.

– Лик, у тебя все хорошо? – забеспокоилась Роз.

Малышка кивнула, продолжая глядеть в пустоту, затем медленно поползла на кухню, а оттуда – вверх по лестнице, к себе в комнату.

– Куда это она? – спросил Алфи.

Роз последовала за младшей сестрой. Лик улеглась в постель, зажгла прикроватный ночник в виде божьей коровки, натянула одеяло до самого подбородка и закрыла глаза.

– Лик, ты в порядке? – снова спросила Роз. – Лик!

Но Лик уже мирно сопела. Совсем на нее не похоже – вот так забраться в кровать и уснуть среди бела дня, даже не поужинав. С другой стороны, она только что умяла целый кусок пирога.

В коридоре Роз наткнулась на миссис Карлсон.

– Ну раз малютка спит, я тоже пойду вздремну, – заявила соседка. – Сегодня выдался сумасшедший день, у меня даже давление подскочило. Тем более что качок и супермодель скоро вернутся. Вот они пускай и занимаются уборкой. – Помолчав, она прибавила: – Странная у вас семейка. Да ты и сама знаешь, верно?

Роз кивнула, и миссис Карлсон, тяжело ступая, удалилась.

На заднем дворе Тим и Алфи загружали тарелки с кусочками пирога в небольшую красную тележку, которую Альберт держал в гараже. Роз помнила, как папа возил ее с Тимом на этой тележке в город за покупками. А теперь Тим складывал в тележку волшебный пирог, и родителям вся эта затея точно бы не понравилась.

– Что-то мне не по себе, – сказала Роз. – Лик ведет себя странно. Ни с того ни с сего завалилась спать.

– Вот и хорошо, – ответил Тим. – Не будет нас доставать.

– Но разве на нее это похоже?

В груди поселилась тупая саднящая боль – обычно подобное означало, что лучше бы Роз остановиться и хорошенечко все обдумать. Съев пирога, девочки ушли, передвигаясь, как роботы, а маленькая Лик завалилась спать. Не повредит ли он здоровью? Этот рецепт отличался от всех прочих в Книге, и в его состав входили темные маслянистые слезы чернокнижника. Правильно ли Роз поступила? Ах, если бы можно было позвонить родителям и спросить у них совета! Но разумеется, сделать этого она не могла.

– Не зря мы столько сил потратили, – самодовольно ухмыльнулся Тим. – Я лично позабочусь о том, чтобы каждый житель города съел кусочек нашего пирога. – Он скрестил руки на груди. – Роз, мы должны привести город в норму до приезда мамы и папы.

– А, да… ты прав, – бодро отозвалась она, не желая, чтобы

старший брат посчитал ее слабачкой. – Пирог непременно сработает.

Тим вытащил из кармана карту Горести-Фолз и двинулся прочь, свободной рукой катя за собой тележку.

– Это займет… ого, семнадцать часов, – проворчал он, миновал подъездную дорожку и покатил тележку по улице, оставив Роз и Алфи глядеть ему вслед.

Немного постояв, брат и сестра вернулись на кухню и устало выдохнули. Ну и кавардак! Мало того что они не отмыли торговый зал после драки библиотекарш, так еще и безнадежно загваздали кухню. В мойке шаткими горами высились сорок четыре грязные формы для пирога; засохшие комки серовато-розового теста прилипли и к чану, и к кухонным стенам, и к дверцам буфета; на полу там и сям виднелись прозрачные лужицы, однако Роз понятия не имела, что это за жидкая субстанция: вода, яичный белок, пот или консервант, в котором плавал глаз чернокнижника. Добавьте сюда беспорядок, который брат и сестра увидели, выглянув наружу: на тротуаре перед пекарней валялись десятки грязных бумажных тарелок и пластмассовых вилок. Орда беснующихся девиц потоптала все цветы и ободрала кусты вокруг дома, а в центре любимого батута Чудсов зияла огромная дыра – она появилась после того, как одна девочка подпрыгнула слишком высоко и пробила полотно насквозь.

Когда Роз и Алфи собрались обратно на кухню, из бистро Пьера Гийома вернулись Чип и тетя Лили. Со стороны они и впрямь смотрелись как качок и супермодель.

– Вы же говорили, что займетесь *уборкой*! – воскликнул Чип. Гневно топая, он бросился наверх за тряпками и швабрами. – В самом-то деле, Роз! О чем ты только думала?

Лили приперла Роз и Алфи к стене у холодильной камеры. Она яростно хлопала ресницами, вызывая одновременно восхищение и ужас.

– Кто-нибудь из вас соизволит мне объяснить, что здесь происходит?

Прежде чем Роз успела состряпать мало-мальски подходящую ложь, Алфи брякнул:

– Это все из-за Поваренной книги!

Глава 12
Обмануть тетю Лили

– Пова-а-а-аренной кни-и-и-иги? – переспросила Лили, втрое растягивая слоги.

– Да, э-э-э… из-за поваренной книги Бетти Крокер! – Роз едва дышала: воздух, поступающий через нос и наполняющий легкие, будто превратился в вязкий кленовый сироп. – В общем, мы испекли очень вкусный пирог, и люди повалили к нам толпами, чтобы попробовать хоть кусочек, поэтому во дворе помяты клумбы и замусорена лужайка.

Лили опустилась на колени, сняла берет и встряхнула волосами, хотя они и были совсем короткими. Лили всегда опускается пониже, когда хочет поговорить о чем-то важном, чтобы не возвышаться над Роз на полметра, а смотреть прямо в глаза. Девочка давно это заметила.

– Какой именно пирог вы испекли? – Тетя Лили прищурилась, давая понять, что раскусила обман.

– Клубничный, – без колебаний ответила Роз.

– Расскажи ей, что мы испекли на самом деле! – потребовал Алфи.

И тогда Роз совершила то, за что потом ей стало стыдно: открыла холодильную камеру и затолкала в нее Алфи. И, не обращая внимания на его жалобные крики, подперла дверь спиной, чтобы он не вырвался на свободу. Теннисные туфли на

резиновой подошве, которые Роз надела этим утром, оказались весьма кстати: она могла удерживать дверь, просто согнув колени и упираясь ступнями в пол.

Алфи продолжал вопить, но глухо и неразборчиво. Роз знала, что младший братец выкладывает всю правду о Книге, но с таким же успехом он мог вопить о своей мечте получить новую игровую приставку.

– Старый добрый клубничный пирог? – Лили вздернула безупречные брови. – И Алфи вам помогал?

– Угу, – кивнула Роз. Дверь холодильной камеры дернулась – Алфи начал таранить ее своей тушкой.

– Роз, – строго произнесла Лили, – ты определенно что-то скрываешь. Ты буквально заперла брата в холодильнике. Может, расскажешь уже, в чем дело? Вряд ли вы натворили что-то по-настоящему плохое. К тому же в юности я и сама уйму раз поступала скверно. Однажды, например, приклеила к полу папины ботинки! – Лили хихикнула. – Представляешь? Ботинки! Приклеила! Умудрилась же, да?

В это мгновение Роз шлепнулась на колени, потому что Алфи таки вырвался из холодильной камеры.

– Взял с разбега! – торжествующе объявил он. – Я силач!

– С этим не поспоришь, – согласилась тетя Лили.

Алфи вдруг вспомнил, почему вообще оказался в холодильнике.

– Роз врет! – крикнул он, обеими руками обнимая тетю за тонкую шею. – Мы испекли пирог по рецепту из *настоящей* Поваренной книги!

– Это из какой? – Лили сузила глаза.

– У нас дома есть волшебная Поваренная книга, – поведал Алфи. – Родители запретили нам к ней прикасаться, но мы уговорили Роз ее взять.

Роз отряхнула колени и выпрямилась. Больше всего ей сейчас хотелось побежать к телефону, позвонить маме и признаться: «Мама, мы без спроса взяли Поваренную книгу и едва не поставили на уши весь город, и вдобавок Алфи раскрыл нашу семейную тайну ослепительно-красивой лжетете!» – однако язык во рту сразу сделался тяжелым и вялым, как мокрый носок, лишив ее возможности не только что-то произнести, но даже пошевелить им.

Это показалось Роз чуточку странным, и она провела мини-эксперимент: на время выбросила из головы мысли о тете Лили и попыталась посчитать от одного до десяти на латыни.

– Унус. Дуо. Трес, – забормотала она. – Кваттуор. Чинкве… Квинкве? – «„Ч“ или „к“? А, нет, чинкве – это по-итальянски», –

вспомнила она. Язык работал как положено.

«Я хочу рассказать маме про тетю Лили», – подумала Роз и попыталась что-нибудь сказать вслух. Язык опять стал ватным. Выходит, ей не мерещилось: язык отказывался служить, как только Роз собиралась сообщить маме о подозрительной гостье. И это не случайность! Сейчас, однако, Роз было некогда размышлять на эту тему, потому что из Алфи, которого тетя Лили держала в объятиях, продолжали сыпаться секреты – точно фасоль из дырявого мешка, свешивающегося с телеги.

– Понятно, – сказала Лили. – И где же находится эта волшебная книга рецептов?

– За гобеленом, в самой глубине холодильника! – Алфи гордо похлопал себя по животу.

– Интере-е-е-е-есно, – промурлыкала Лили. В этот раз она растянула слово на длину целого предложения.

Она пальцем поманила Роз к себе. На ее лице читалась такая любовь, такое сочувствие, что Роз безотчетно потянуло к милой тетушке. Лили подала ей свою прекрасную, нежную руку с длинными отполированными ногтями, и Роз вложила в нее перепачканную ладонь.

– Роз, – сказала Лили, – я понимаю, ты лжешь, чтобы защитить родителей. Но если из-за этой книги вы попали в неприятности, важно рассказать обо всем взрослому. Взрослому члену вашей семьи – тому, у кого есть родимое пятно в форме половника.

Роз решила не поддаваться. Она справилась с толпой визжащих девиц и с тетей Лили тоже справится.

– Мы сами все уладили, – сказала девочка.

– Каким образом?

– Благодаря пирогу. – Вот так вот! Роз не нуждалась в помощи этой загадочной незнакомки.

Лили широко улыбнулась:

– Ну хорошо, милая. – В следующий миг улыбка исчезла. – И все же я считаю, тебе стоит отдать ключ от кладовой мне. На случай, если другие дети или подростки вздумают воспользоваться Книгой и навлекут на всех *еще больше* неприятностей.

При мысли о том, что Лили завладеет ключом, тупая боль под ложечкой у Роз превратилась в острые спазмы.

– Я не могу отдать ключ, – возразила Роз. – Мама и папа оставили его мне. Но я обещаю, что до конца недели больше никто не прикоснется к Книге.

– Ах, Роз. – Лили вновь продемонстрировала свои великолепные зубы в ободряющей улыбке, только Роз эта улыбка

отчего-то не ободрила. – Разве не то же самое ты обещала и маме с папой? А потом взяла Книгу, так?

Эти слова задели Роз до глубины души. Все верно. Может, она попросту не годится в волшебные пекари. И даже в примерные дочери. И девушка из нее так себе. К подбородку скатилась одинокая соленая слезинка.

Алфи поднял руку с вытянутым указательным пальцем и провозгласил:

– Ключ будет храниться у меня!

– Что-о? – простонала Роз, сжимая в пальцах синюю ткань платья. – Нет, Алфи, ни в коем случае. Ты в нашей семье – самый безответственный.

Теперь пришел черед Алфи сокрушаться.

– Мне никогда ничего не дают делать! – заныл он.

Лили убрала с глаз Роз челку и прошептала:

– Роз, мне кажется, тебе следует передать ключ на хранение Алфи. Он хочет, чтобы к нему относились как к равному. Если сейчас ты не проявишь доверия, он решит, что его не воспринимают всерьез, и уже никогда не возьмет на себя ответственность.

Роз посмотрела на брата, который лучше всех ее знакомых декламировал шекспировские монологи, умел рассмешить любого одним взглядом и без памяти любил Тима. И Роз он тоже любил, пускай и меньше. А потом она вспомнила, как расстраивалась из-за того, что родители не поручали ей в пекарне ничего важного, вспомнила, какой незначительной себя чувствовала. Роз не хотела причинять Алфи такую же боль. Он ее брат и заслуживает шанс.

Роз подошла к Алфи – тот прыгал и вопил как сумасшедший – и попыталась схватить его за плечо, но он лишь отскочил в сторону.

– Ладно, ладно, – крикнула ему Роз. – Можешь взять ключ!

Алфи мгновенно перестал скакать и повернулся к сестре, отдуваясь и слегка вывалив язык.

– С чего это вдруг? – с подозрением спросил он.

– Просто… я хочу, чтобы в будущем ты стал актером, – ответила Роз.

Алфи наморщил нос, точно унюхал дохлую крысу:

– Ты хочешь, чтобы я стал актером?

– Да. Или политиком. Или выбрал другую профессию, где надо много говорить. Поэтому я поручаю тебе ответственную задачу: несколько дней подержать ключ у себя. Но отдавать его нельзя. Никому, – с нажимом повторила Роз и кивком указала на тетю Лили, которая стояла у распашных дверей, подперев лицо

ладонями, и выглядела чрезвычайно довольной.

Роз аккуратно сняла с шеи цепочку, занесла ее над пышной рыжей шевелюрой Алфи и надела на него, как будто посвящала в рыцари.

Впервые за долгое время Алфи крепко обнял сестру. Он так сильно стиснул Роз в объятиях, что ей пришлось немного отодвинуть его, чтобы не задохнуться, но, несмотря на это, она улыбнулась.

* * *

Остаток дня Роз провела за отмыванием форм для пирогов. Лили и Чип тем временем навели чистоту в торговом зале, а Алфи на пару с полусонной миссис Карлсон собрали все бумажные тарелки и пластмассовые вилки, которые усеивали землю вокруг дома в радиусе почти ста метров.

Тим вернулся домой около десяти вечера. Его парадно-выходная рубашка насквозь промокла от пота, лицо было перепачкано грязью и пылью, а на ладонях вздулись мозоли от рукоятки тележки. Роз налила ему стакан воды.

– Управился? – спросила она.

Тим с закрытыми глазами выпил всю воду. Сил хватило только кивнуть.

– *Все до единого* съели по кусочку? – не отставала Роз.

Тим снова кивнул.

– Так много людей… – с трудом пролепетал он.

– Послушай, – продолжала Роз, – я должна рассказать тебе, что произошло. Алфи проболтался тете Лили насчет Книги, и она потребовала ключ от библиотеки, только я передала его не ей, а Алфи, потому что отдать ключ чужому человеку было бы неправильно.

Тим на заплетающихся ногах побрел к лестнице, Роз двинулась за ним.

– Ты меня слушаешь?

Но Тим, кое-как поднявшись по ступенькам, лишь молча шагнул в сумрак второго этажа.

Когда дверь в комнату мальчиков со скрипом отворилась, брат и сестра увидели высокую темную фигуру, сидящую на кровати Алфи. Это была тетя Лили. Алфи спал, а Лили сидела на краешке постели и гладила его по волосам.

– Что вы тут делаете? – шепотом спросила Роз.

Лили от неожиданности вскочила и резко обернулась, потом шумно выдохнула.

– Вы меня напугали! – воскликнула она, тоже шепотом. – Я просто зашла… пожелать доброй ночи Алфи, – переведя дух, сказала она, а затем проскользнула между Роз и Тимом и легкой походкой направилась вниз.

Роз испустила вздох облегчения, разглядев маленький серебряный ключик в форме венчика: поблескивая в лунном свете, он был там, где и полагалось, – на шее Алфи.

Тим рухнул в постель. Роз шагнула к двери, но брат удержал ее за руку.

– Эй, Розита, – окликнул он сестру, – веселый сегодня выдался денек. – (Роз широко улыбнулась.) – Если не считать моего пения и времени, потраченного на развоз пирогов по городу в разгар июля. – Тим зевнул во весь рот. – И все равно мы неплохо справились.

Роз столько всего хотелось ему сказать, и если бы Тим не засыпал, она бы так и сделала. Выдала бы что-то вроде: «Я ужасна благодарна тебе за эти слова. Для меня очень важно, что сегодня мы так славно потрудились вместе, ведь иногда может показаться, будто тебе до меня совсем нет дела – ты, самый красивый и популярный парень в городе, вечно занят собой, а я всего-навсего твоя младшая сестра-замарашка, которая постоянно тебе докучает. Но знай, я люблю тебя всем сердцем и счастлива, что ты меня похвалил». Но вслух она произнесла только три слова:

– Спокойной ночи, Тим.

А потом зазвонил телефон, и Роз взяла переносную трубку, закрывшись в ванной. Звонила мама.

– Прости, что так поздно, солнышко, но мы с папой только-только вернулись в отель, – сказала Парди. – Я не могла не проверить, как там мои детки! Как прошел ваш день? Хорошо?

Роз ответила твердым «да», потому что в некотором смысле день действительно прошел хорошо. Правда, город был объят хаосом, но она с помощью старшего брата все исправила. Роз мучилась совестью из-за утаивания правды, однако надеялась, что однажды за чашечкой чая поделится с мамой всеми подробностями, а Парди прижмет дочь к груди и воскликнет: «Ах, ты моя маленькая мастерица!»

– И знаешь, – добавила Роз, – может, я слегка забегаю вперед, но, кажется, мы с Тимом и Алфи теперь друзья.

– Милая, это замечательно! – радостно засмеялась Парди. – И что же этому помогло?

Роз на минуту задумалась. Возможно, Тим и Алфи захотели освоить волшебную выпечку, только чтобы сблизиться с тетей Лили? Или все-таки потеплели душой к сестре? Не важно, решила

Роз.

– Думаю, общее дело – работа в пекарне, – сказала она.

– В этом-то и заключается главное волшебство, Роз, – мягко произнесла Парди.

«Ага, и еще в тех банках, которые вы держите в секретной кладовой», – мысленно фыркнула Роз.

– Доброй ночи, солнышко.

– Доброй ночи, мама.

Небо за окном потемнело, в нем зажглась первая звезда. Она казалась крупнее и ярче обычных звезд и светилась красноватым светом. «Может быть, это планета, – подумала Роз. – Может быть, это Марс». Марс был ее любимой планетой. Свое название он получил в честь римского бога войны, а сегодня Роз чувствовала себя воином. Она потянулась рукой за спину, похлопала себя по плечу и провалилась в сон.

Глава 13
Торобоан

Утро принесло Роз неприятные ощущения: она вспотела, кожа чесалась, в голове как будто была каша. С обычным человеком за целую жизнь не случается столько невероятных и пугающих событий, сколько произошло с Роз вчера. «Вот бы спуститься на кухню и провести скучный, ничем не примечательный день», – подумала она.

До возвращения родителей у нее есть только одна обязанность: следить, чтобы в пекарне все шло гладко и чтобы никто не прикасался к Поваренной книге Чудсов. Когда мама и папа приедут домой, то увидят, что полы на кухне чистые, Лик умыта и причесана, у Тима и Алфи руки-ноги на месте, а ей, Роз, можно доверять семейные секреты.

Она надела свою любимую футболку в оранжевую и розовую полоску, плеснула водой в лицо. На нем высыпали мелкие красные прыщики. Так часто бывало летом – в жару, когда Роз постоянно потела, усердно работая в пекарне.

В дверь ванной постучали.

– Одну минуточку! – крикнула Роз. Наклонившись поближе к зеркалу, она внимательно изучила прыщи. Ей срочно требовалось волшебное зелье Лили. Стоило Роз ее вспомнить, как из-за двери донеслось:

– Это я, тетя Лили! Можно войти?

Прежде чем Роз успела сказать «нет», Лили распахнула дверь и плавной походкой вошла в ванную.

– Доброе утро, – произнесла она и шмякнула на бортик раковины большую черную косметичку. – Ну, за работу!

– Знаю, – кивнула Роз, рассматривая тетин наряд – лиловую блузку с коротким рукавом и облегающие джинсы.

Несмотря на повседневную одежду, выглядела Лили элегантно. Роз опустила глаза на собственную футболку и засомневалась: кажется, полоска – все-таки не самый удачный выбор.

– Пора приниматься за выпечку, – сказала девочка.

– Я не эту работу имела в виду. – Лили расстегнула молнию на косметичке, и Роз увидела, что она набита принадлежностями для макияжа. Парди запрещала Роз краситься, утверждая, что любая косметика «делает девушку такой же непривлекательной, как стетсоновские пончики». Однако Роз тайком не раз думала о том, что, возможно, капелька макияжа, самая малость, просто чтобы придать лицу больше выразительности, – именно то, чего ей не хватает.

– Выглядеть на все сто, конечно, нелегко, – призналась тетя Лили. – Раньше я вообще не пользовалась макияжем, предпочитала естественный вид – как говорится, *о натюрель*. Но потом кто-то сказал, что мои губы похожи на куриную гузку, и с тех пор я не выхожу из дома без слоя помады. – Роз завороженно наблюдала, как тетя Лили обводит контур губ красным карандашом. – В крайнем случае сгодится даже гигиеничка. Главное, добавить немного блеска.

В памяти Роз невольно всплыл голос в подвале, тот самый, что сказал, будто ей не стать красивой, важной и значимой для других, – голос, который откуда-то знал самый главный и потаенный страх Роз – навсегда остаться недостаточно хорошей.

Лили по-прежнему вызывала у Роз немало подозрений, однако в то же время стала первым человеком в ее жизни, понимавшим, что значит быть яркой, модно одетой и красивой женщиной.

– Тетя Лили, – робко начала она.

– Да, дорогая?

– Как по-вашему, может быть… то есть, не могли бы вы помочь мне, ну, с…

Щеточка для туши в руке Лили замерла на полпути к ресницам.

– Хочешь, чтобы я помогла тебе стать красивой?

Роз кивнула.

– Милая, – ласково промурлыкала Лили, – я уж думала, не дождусь.

* * *

Роз танцующей походкой вошла на кухню, чувствуя себя на миллион долларов. Правда, она не вполне понимала, как это – на миллион долларов, но настроение у нее было великолепное. Она выглядела шикарно.

Чип уже вовсю трудился: щедро посыпал заново испеченный семислойный торт легкой кокосовой стружкой.

– Доброе утро, – поздоровалась Роз.

– Между прочим, я вчера целых пять часов драил торговый зал, – пожаловался Чип. – Кто-то из библиотекарей потерял вставную челюсть, и мне пришлось ее подбирать, а это в мои обязанности, знаешь ли, не входит.

– Сочувствую тебе, Чип, – вздохнула Роз. – Не знаю, какой бес вселился в этих тетенек. Причем во всех: и старых, и молодых.

Чип только теперь оторвался от своего занятия и поднял глаза:

– Рози, ты выглядишь… по-другому.

Роз оглянулась на улыбающуюся тетю Лили.

– По-моему, она выглядит самой собой, – заметила та. – Только чуточку… ярче.

Роз очень понравилось это определение. Чуточку ярче.

– Пойду открывать пекарню. На улице уже, наверное, очередь выстроилась. – Роз выплыла через распашные двери. Готовясь встретить толпу дружелюбных покупателей, нетерпеливо переминающихся у входа, она изобразила такую же дружелюбную улыбку. Толпы, однако, не обнаружилось. Как и небольшой очереди. Перед дверями не было вообще никого. Ни мистера Бэсстола, ни мисс Репей или миссис Хэвгуд; ни учителей, ни библиотекарей, ни учеников летней школы. Ни единой души.

– Какое у нас на сегодня меню, Роз? – спросила появившаяся в торговом зале Лили. – Вот те на… Покупателей-то и нет.

Услыхав ее, Чип, загорелый и мускулистый, высунулся в распашные двери, сжимая в каждой руке по горсти кокосовой стружки.

– Хм, странно, – пробормотал он. – Обычно во вторник с утра мы загружены дальше некуда.

– Да уж, чудно́! – согласилась Лили. – Как будто в городе что-то стряслось.

– Надо еще подождать. – Роз нервно передернула плечами. – Покупатели придут. Непременно придут. – Она собрала маффины с нескольких почти пустых подносов и переложила их на один, поправила красивые фарфоровые подставки с семислойными тортами, подмела черно-белый кафельный пол под крутящимися

кованными табуретами, хотя Чип только вчера его тщательно вымыл. Роз даже вытряхнула старенький коричневый придверный коврик. А потом встала за прилавок и принялась ждать.

* * *

Минуло три часа, однако в пекарне так никто и не появился, если не считать миссис Карлсон, которая спустилась со второго этажа, дабы сообщить, что «сонную тетерю» Лик не добудиться и что она, бедная женщина, вынуждена пропустить сеанс загара, поскольку нужно торчать в доме и приглядывать за девчонкой, пока та не соизволит вылезти из постели. Сделав это заявление, миссис Карлсон окинула взглядом Роз в ее новом образе, хмыкнула и удалилась обратно наверх.

Никто не проходил даже *мимо* пекарни, не проезжал на машине. Роз, как и обещала себе, позвонила своей подружке Александре, чтобы позвать ее погулять, но та не ответила на звонок. Казалось, будто планета перестала вращаться, а Чудсам об этом просто забыли сообщить.

Чип закончил с выпечкой и сидел на кухне над японским кроссвордом. Тетя Лили в третий раз за утро протерла стеклянную витрину, а Роз занялась нехитрыми мысленными подсчетами. Тим развез последние порции пирога и вернулся домой около десяти вечера. Сейчас полдень. Если верить рецепту, максимальное действие пирога проявляется через двенадцать часов. Неужели вчера все так наелись, что даже не собираются зайти в пекарню за свежими маффинами? Разве можно быть таким сытым, чтобы отказываться от маффина?

В это время сверху спустились Тим и Алфи. Одеты они были в одинаковые голубые рубашки, волосы одинаково зачесали в высокий «ирокез», закрепленный при помощи геля. Алфи представлял собой уменьшенную копию Тима, только с пухлыми щеками.

– Какие же вы оба красавчики! – расцвела Лили.

Едва взглянув на Роз, братья в один голос воскликнули:

– Что случилось?

– Первый кричит, второй молчит! – быстро прибавил Алфи.

– В эту игру только детсадовцы играют, – поморщилась Роз.

– Ты выглядишь как-то не так. – Тим скрестил на груди руки и обошел сестру кругом. – Что изменилось?

Роз не сдержала улыбки:

– Угадай.

– Я, я знаю! – влез Алфи. – Ты забыла надеть трусы!

– Неверно, – покачала головой Роз. – Даю вторую попытку.

– Новая футболка? – Тим состроил гримасу. – Нет, этот кошмар в полосочку ты давно носишь.

– Снова мимо! – Неужели братья не видят, что в ней изменилось? – У меня на лице макияж!

– И все? – разочарованно произнес Тим. – Так пекарня не работает из-за твоего макияжа?

– Нет, конечно. Какое отношение к пекарне имеет мой макияж?

– Откуда мне знать? – Тим взял с подноса маффин и понюхал его. – Просто странно, что никого нет.

– Вот именно. Никто не пришел в пекарню за все утро, – начала Роз, стараясь не выдавать своего волнения при тете Лили. – Ни один посетитель. И это подозрительно. Может, в городе что-то, – она подмигнула Тиму, – *не так*? – Подбородок у нее задрожал. Со вчерашнего вечера Роз пребывала в счастливой уверенности, что все наконец-то устроилось наилучшим образом, и теперь признаться себе, что что-то могло пойти не по плану, было очень страшно.

– Может, полицейские перекрыли улицу, потому что у нас снимают новую серию «Закона и порядка»?[16] – Алфи потряс кулаком в воздухе.

Тим подошел к окну и выглянул за угол: все замерло, и лишь июльский ветерок лениво перебирал листву соседской живой изгороди. Отвернувшись от окна, Тим почесал затылок – этот редкий жест означал крайнюю растерянность.

– Ты права, – сказал он сестре. – Что-то тут нечисто. Может, сгоняем на площадь, убедимся, все ли чики-пики? Просто для собственного успокоения.

– Тетя Лили, – произнесла Роз спокойным, профессиональным тоном, каким школьная консультантка помогала ей составить план занятий, – вы не могли бы постоять за кассой, пока мы быстренько сбегаем на площадь?

– Разумеется, – тем же тоном ответила Лили. – Вперед, и удачи!

* * *

Роз находилась в центре площади, однако никакого успокоения не чувствовала. По пути они миновали школу, из которой не доносилось ни звука, пустующую парковку перед церковью, вымершую пожарную часть и суд, где никого не судили. На подъездных дорожках стояли брошенные автомобили.

На дверях и витринах магазинов и лавок, сливаясь в длинную красно-белую ленту, пестрели таблички с семью одинаковыми унылыми буквами: «ЗАКРЫТО».

Вымощенная брусчаткой городская площадь была раскаленной и безлюдной, точно пустыня. Над статуей Реджинальда Горести, крышей французского бистро и серебристым навесом киоска мороженщика поднималось жаркое марево, но никто не бросал монетки в фонтан, не ожидал заказанную курицу в вине, не продавал шарики кофейного пломбира.

Услыхав какое-то постукивание, Роз обернулась в надежде увидеть человека, но это оказался всего лишь толстый сизый голубь, который тюкал клювом по брусчатке, тщетно пытаясь отыскать крошки от сэндвичей или картофельных чипсов. Увы, никто не угощался сэндвичами и чипсами в этот жаркий, окутанный зловещим покоем день.

– Ничего не понимаю, – сказал Алфи. – Разве все не должны были уже вернуться в норму?

Тим одной рукой нервно почесал затылок, другой – свой красиво очерченный подбородок.

– Может, народ просто еще дрыхнет? Черт побери, мы же с Алфи проспали! И все остальные тоже к обеду продерут глаза.

Тем не менее к семи часам вечера никто так и не пошевелился, включая Лик, которая уже вторые сутки мирно сопела в обе ноздри. В четыре миссис Карлсон позвонила доктору узнать, в чем может быть причина, но доктор трубку не снял. В пять Чип отправился домой, сокрушенно бросив:

– Эх, сколько времени зря потерял! Лучше бы я сегодня занялся стиркой.

Когда небо начало темнеть, Лили подошла к Роз на кухне и сказала:

– В городе творится что-то неладное. Похоже, все либо приняли снотворное, либо околдованы чарами злой ведьмы.

Предположив, что в Горести-Фолз действительно есть злая ведьма, которая могла наложить на всех жителей сонное заклятие, Роз приободрилась, но сердце у нее вновь сжалось, едва она сообразила, что злая ведьма – не кто иная, как Роз Чудс.

– Это ведь не может быть связано с пирогом, который вы вчера раздавали горожанам, верно? – допытывалась Лили. – С тем, который должен был «все исправить»? – В ее голосе звенела пугающая смесь тревоги и гнева.

При мысли о том, что она нарушила все возможные правила, установленные мамой и папой, Роз окончательно понурилась. За эту неделю она собиралась доказать родителям, что достойна их

уважения и права пользоваться волшебной Поваренной книгой, что она – настоящий пекарь-кондитер, а вместо этого сотворила хаос, пучину, глубокую и темную, как дно трясины. Словно услышав ее, Лили произнесла:

– Роз, я знаю, каково это, когда кажется, будто все вокруг лучше тебя, когда приходится почти кричать, чтобы привлечь внимание. Я сама была совершенно заурядной личностью, пока не открыла для себя пекарское дело. Мы обе занимаемся выпечкой, потому что нам это по душе, а еще потому, что хотим выделиться из толпы. Но иногда в попытках проявить себя можно зайти слишком далеко. Понимаешь, о чем я?

Роз кивнула. Еще никто не объяснял ей важные темы столь кратко и точно. Именно поэтому она почувствовала, что, если просто возьмет и выложит всю правду, Лили ее не осудит. Набрав полную грудь воздуха, Роз начала:

– В общем, сначала мы приготовили любовные маффины, чтобы свести вместе мистера Бэсстола и мисс Репей, а потом испекли печенье правды специально для миссис Хэвгуд, но Чип случайно раздал его всем подряд, включая библиотекарш, и они передрались прямо у нас в пекарне. После этого Тим угостил любовными маффинами и печеньем правды всех своих одноклассниц, поскольку в глубине души он не уверен в себе и жаждет признания, как прочие люди. Ну я так считаю. Вот только все девочки будто сошли с ума, точно на концерте Джастина Бибера, и попáдали в обморок, но мы дали им по кусочку пирога «Шиворот-навыворот-задом-наперед-всё-наоборот», чтобы отменить действие предыдущих чар. Остальных жителей города Тим тоже накормил этим пирогом, и вроде бы у нас получилось вернуть все, как было, но теперь я начинаю думать, что мы где-то немножко ошиблись, ведь город как будто… оцепенел. – Роз умолкла и жадно втянула воздух. Она надеялась, что, сделав признание, испытает восхитительную легкость, но вместо этого ее мучили болезненные спазмы.

Лили взяла ее лицо в свои мягкие ладони:

– Роз, ты просто невероятная девушка. Самая умная и талантливая из всех, кого я встречала. В тебе есть истинное величие.

Роз хотелось остановить это мгновение и жить в нем вечно, как в кукольном домике. Впервые в жизни она чувствовала всю силу собственных возможностей. По жилам словно бы растекалось жидкое золото. Она не спрашивала себя, с какой стати Лили так щедро осыпает ее комплиментами. Все, о чем Роз сейчас мечтала, – заключить это ощущение в сосуд и отпивать по маленькому глоточку каждое утро, прежде чем изящно встать с

постели и легко впорхнуть в новый день.

– Но, – продолжала тетя Лили, выдернув Роз из эйфории, – часть величия заключается в способности признать, что тебе нужна помощь. И если что-то пошло не по плану, возможно, я сумею помочь. У меня есть реальный опыт в таких вещах. – Ее глаза расширились, и Роз невольно задалась вопросом, какой опыт Лили имеет в виду – работы пекарем или разруливания катастроф, вызванных волшебными чарами.

Однако долго размышлять ей не пришлось, потому что со второго этажа донесся отчаянный крик миссис Карлсон:

– Помогите! Беда с Лик!

Роз и Лили ринулись наверх и обнаружили миссис Карлсон в коридоре: опустившись на корточки, она прижимала Лик к ковру. Лик не сопротивлялась, а только радостно хохотала и махала руками. Через несколько секунд в коридор влетел запыхавшийся Алфи.

– Где Тим? – спросила Роз.

– Пошел выносить мусор, – ответил Алфи. – Господи, тетя Луиза, что это с Лик?

– Дитя одержимо бесами! – с густым шотландским акцентом заголосила миссис Карлсон. – Позовите священника!

– Да все с ней в порядке! – возмутилась Роз.

– Говорю же вам, ее душой завладел Сатана!

– Чепуха. – Лили аккуратно отодвинула миссис Карлсон в сторону.

– Не трогай меня, блудница! – взвизгнула та. – Этого ребенка нужно связать!

А потом Роз поняла, о чем толковала миссис Карлсон. Оказавшись на свободе, Лик встала на четвереньки и задним ходом поползла по ковру, точно ягненок, которого пастух гонит обратно в овчарню. Когда же Лик открыла рот, произошло кое-что еще более странное.

– Янем тувоз Килизаб! – забулькала она. – Янем тувоз Килизаб!

Алфи показал на младшую сестру пальцем:

– Ох, кажется, она и вправду одержима!

Внезапно с улицы донесся громкий вопль. Роз, Алфи и Лили бросились к окошку в ванной, выходящем на торец дома. Выяснилось, что кричал Тим. Он стоял у мусорных баков, парализованный страхом. Его окружали восемь мужчин в серой форме, и каждый из них держал в руках набитый черный пластиковый мешок. Поначалу Роз решила, что мужчины удаляются от Тима, но нет, они приближались к ее брату, двигаясь задом наперед. Взрослые мужчины пятились. Все восемь.

Сперва они ставили ногу позади себя, опираясь на носок, а после перекатывались на пятку, при этом их лица были обращены вперед. Кольцо вокруг Тима сжималось. Прячась за мусорными баками, он во все горло звал на помощь.

Мужчины не обращали на него никакого внимания. Они просто бросили мешки с мусором на землю, развернулись и попятились в сторону улицы, то и дело спотыкаясь и наталкиваясь на кусты. Через окно Роз разглядела нашивки на нагрудных карманах их формы: «Городская служба уборки».

Наконец все восемь уборщиков оказались прижаты к борту грузовика, который их привез. Они неуклюже вскарабкались в кузов – задом наперед, – и автомобиль, громко сигналя, двинулся к следующему дому, тоже задним ходом.

– Так не годится, – промолвила Лили. – Идемте.

Роз, Алфи и Лили гурьбой выскочили через заднюю дверь и окружили Тима.

– Что это вообще было? – Роз стряхнула с плеча старшего брата мятый фантик, прилипший к рукаву.

– Уборщики привезли и свалили мусор. – Тим раздраженно пнул мусорный бак. – Привезли, а не увезли, как им полагается.

– Это хоть наш мусор? – поинтересовался Алфи. – Пованивает прилично.

– Почему они пятились? – недоумевала Роз.

Тим охнул и на миг замер с открытым ртом:

– Кажется, это еще не все. Смотрите!

Роз перевела взгляд с подъездной дорожки на темную улицу, которая наконец начала оживать. Одно за другим вспыхивали окна домов, люди в домашних халатах пятились от своего крыльца к калитке, оставляли на траве сложенную газету и таким же манером возвращались домой. Из гаражей задним ходом на улицу выкатывались автомобили, виляя, доезжали до перекрестка и скрывались за поворотом.

Мистер Роллер при помощи губки деловито намазывал грязью свой «шевроле-корвет», а Питер Стрикленд, разносчик газет, задом наперед медленно катил велосипед по тротуару и время от времени наклонялся, чтобы поднять лежащую у калитки газету. На противоположной стороне улицы миссис Бёрнс волокла на поводке свою шелти; в другой руке женщина держала голубой полиэтиленовый пакетик.

– Даже знать не хочу, что она собирается делать с этой собакой, – тихо сказал Тим.

Миссис Калхоун чмокнула маленького Кенни в макушку и вручила ему ланчбокс с обедом. Кенни с рюкзачком за спиной бодро побежал задним ходом в сторону школы.

– Что они все делают? – не могла взять в толк Роз. – Ночь на дворе! Пора укладываться спать.

Лили отвела с ее лба челку и сказала:

– Кажется, ваш пирог «Шиворот-навыворот-задом-наперед-всё-наоборот» себя полностью оправдал.

– М-да, пожалуй, не лучшая была идея с этим пирогом, – нахмурился Тим. – Если так посмотреть.

– Так это все из-за пирога? – вытаращился Алфи.

– Это все из-за нас, – сказала Роз, которую начало мутить. Они с Тимом ничего не исправили, а, наоборот, сделали только хуже.

Мимо их дома задом наперед прошла миссис Доблен, одетая в просторное гавайское платье и тюрбан. Соседка, сварливая и вечно недовольная женщина, приветливо улыбнулась Роз, что было совершенно на нее непохоже.

– Тевирп, Зор! – прокричала она, затем подняла ступню и потрясла ею, как будто в приветственном взмахе. В следующую секунду миссис Доблен потеряла равновесие и грохнулась на тротуар, истерически хохоча.

Роз дошла до конца подъездной дорожки и увидела миссис Хэвгуд: та задним ходом двигалась по улице на своем серебристом «кадиллаке», а в конце квартала резко затормозила перед светофором, на котором загорелся зеленый сигнал. Заметив Роз, она неуклюже попыталась высунуть ногу в водительское окно и помахать ею, в точности как миссис Доблен.

– Зор! – крикнула миссис Хэвгуд. – Я яамиварпсиен яьнугл!

В этот момент сигнал светофора сменился на красный. Резко нажав на газ, миссис Хэвгуд сорвалась с места и вскоре скрылась из вида.

– Зор? – пробормотала себе под нос Роз. – Что еще за «зор»?

Алфи вытащил из кармана кусочек мела и написал на дорожке: *«ЗОР. ЗОР»*. Потом высоко поднял палец и ахнул:

– «Зор» – это «Роз» наоборот! Все разговаривают наоборот!

– Разговаривают, ходят, ездят, машут не руками, а ногами – делают наоборот вообще все. – Роз дернула себя за волосы.

Взгляд тети Лили тревожно заметался между троицей Чудсов.

– Боже. Ну и кашу вы заварили, – негромко произнесла она.

– Надо было печь те булочки, после которых у людей склеиваются рты, – сказал Тим.

Роз в ужасе наблюдала, как соседи, двигаясь задом наперед, машинально выполняют привычные утренние действия, и болезненно морщилась всякий раз, когда кто-то из них налетал на препятствие, спотыкался и падал.

* * *

По мере продвижения в город все четверо все больше мрачнели. На школьном дворе девочки с косичками и вихрастые мальчишки сурово грозили пальцем учителям, которые при ярком свете луны играли в салочки и прямо в пиджаках и галстуках возились в песочнице. Перед зданием пожарной части брандмейстер Конклин и его подчиненные безуспешно пытались взобраться на пожарный шест. Строители снимали со стен дома уже прикрученные панели, озеленитель разбрасывал по идеально подстриженным газонам кучи травы, трехлетний карапуз катил коляску, в которой сидела его мать. Пенсионеры, по утрам собиравшиеся в парке на сеанс оздоровительной гимнастики, вроде бы выглядели нормально, но только до тех пор, пока не принялись медитировать, стоя на голове.

На городской площади Роз и ее спутники миновали статую Реджинальда Горести и фонтан, из которого прохожие вылавливали монетки. Библиотекарши миссис Хакетт и миссис Крисп подбирались к скамейкам, где сидели читающие, вырывали у них из рук книги, складывали добычу в тележку и увозили обратно в библиотеку. Хозяин французского бистро, Пьер Гийом, вооружившись ножом и вилкой, с голодным видом сидел за столиком в собственном заведении, а посетители носили ему с кухни тарелку за тарелкой. Разумеется, все они пятились и постоянно сталкивались друг с другом, отчего картофельный гратен, филе камбалы, крем-брюле и прочие блюда оказывались сперва в воздухе, а затем на полу.

– Я что-то путаю, – промолвила тетя Лили, – или вон та женщина только что *продала* порцию бифштекса мсье Гийому?

– Да, – медленно кивнула Роз.

– Я больше не выдержу, – сказала Лили. – Нужно положить этому конец. У меня есть идея: дадим всем по стакану теплого молока, и, может быть, тогда они уснут. Алфи, подойди ко мне на секундочку, подскажи, где можно взять сразу много молока.

Пока Алфи и тетя Лили разговаривали в сторонке, Роз шагнула к Тиму.

– Мы должны позвонить маме и папе, – тихо сказала она. – Только они знают, как все исправить.

– Ни за что, – покачал головой Тим. – Нам влетит по первое число.

– Нам влетит еще сильнее, если мы сейчас промолчим, а родители вернутся в город и получат штраф за то, что ехали *вперед*, – возразила Роз.

– Не лучше ли обратиться за помощью к тете Лили? – сказал

Тим. – Она одна из нас, у нее даже половник на плече есть…

Роз проследила взглядом за Лили, которая грациозно плыла в сторону дома, высокая и гордая, точно лебедь, и при каждом ее движении плеч пятно в виде половника, родовой знак Чудсов, как будто пульсировало. Все обитатели Горести-Фолз сейчас нелепо пятились в домах и на улицах города; если кто и мог спасти ситуацию, то только Лили. И она действительно была членом семьи. Более того, Лили верила в Роз и проявила к ее способностям и потенциалу такой интерес, какого не проявляла даже родная мать. И все же маленький червячок сомнения удерживал Роз от желания передать Поваренную книгу Чудсов в руки Лили.

– Я просто… – начала она, но в эту минуту к ним вернулся Алфи, и девочка заметила, что с шеи младшего брата исчез поблескивавший в лунном свете ключик. – Алфи! – прошипела Роз с такой злостью, будто неприлично выругалась. – Где ключ?

Алфи съежился и закрыл лицо мягкими розовыми ладошками.

– Не бей меня! – заверещал он, хотя за всю жизнь никто его ни разу не бил, если не считать удара, полученного от железного обода батута после неудачного прыжка. – Я отдал его тете Лили!

– Зачем?! – рявкнула Роз.

– Затем что она попросила! Затем что нам нужна помощь! Тетя Лили знает, что делать! Она хочет найти способ управиться с магией! – Алфи был не на шутку напуган. – Сто процентов, она прямо сейчас читает Книгу.

Роз огляделась по сторонам и поняла, что Алфи прав: тети Лили поблизости не было.

Глава 14
Новый шеф-повар

Роз, Тим и Алфи ворвались на кухню и увидели тетю Лили, склонившуюся над раскрытой Поваренной книгой Чудсов. Белое платье на пуговицах с коротким рукавом и воротником-стойкой делало Лили похожей на лаборантку или медсестру эпохи Второй мировой войны, а то и на обеих сразу.

Первым порывом Роз было выхватить Книгу и убежать, но Лили опиралась на страницы локтями, так что шансов завладеть Книгой не было. Вдобавок Роз заметила еще кое-что, отчего ее боевой дух окончательно угас: на шее у тети Лили висел серебряный ключик в форме венчика. Ну и последнее: на панели автоответчика мигал красный огонек.

– Кто-то звонил? – осведомилась Роз.

– Да, – сказала Лили, не отрывая глаз от Книги, – ваш отец. Я убедила миссис Карлсон, что будет лучше принять звонок на автоответчик. Мне как-то не хотелось объясняться. Альберт сказал, они с Парди приезжают послезавтра, и если вы спалили дом, то к их возвращению будьте добры отстроить его заново. Его слова, не мои.

Роз энергично потерла лоб – точно так же в трудных

ситуациях делала мама.

– Все, меня убьют. Это факт. Я натворила ужасных дел, и теперь мне конец.

– Ро-о-о-оз, – протянула Лили, старательно округлив рот, точно обращалась к тому, кто плохо слышит и может лишь читать по губам. – Мы же одна семья. И решим проблему всей семьей. Помни, часть величия заключается в способности признать, что тебе нужна помощь.

Роз поникла, как старая тряпичная кукла. Она была совершенно раздавлена. Ничего у нее не вышло: ни помочь горожанам, ни уберечь сестренку, ни сохранить в тайне главную семейную ценность. Поваренная книга Чудсов была даже важнее дома, к ней относились как к пятому ребенку. И вот посмотрите: теперь ее листает женщина, к которой у Роз нет ни малейшего доверия.

Тем не менее Роз пришлось мысленно признать, что, глядя на сильную, уверенную в себе Лили, занятую изучением Книги, она испытала некоторое облегчение. По крайней мере, теперь ответственность лежит не только на Роз.

– Так. Покажите мне рецепт, из-за которого все сошли с ума, – сказала Лили.

Тим и Алфи потерли руки, словно карточные мошенники перед игрой, и встали вокруг разделочного стола. Тим открыл заднюю обложку Книги с карманом, где помещались «Апокрифы Альбатроса». Когда Лили выложила их на стол, буквы на первой странице показались Роз слегка расплывчатыми. Тетя Лили провела пальцами по листу, и на подушечках остался слой серой пыли – это был не пепел, не плесень, а что-то иное, отдающее разложением. Потрясенная Лили незаметно вытерла пальцы о подол своего «медицинского» белого платья.

– Я слыхала об этом разделе, – вполголоса пробормотала Лили, – но считала, что это только легенда.

Роз насторожилась и посмотрела на нее с подозрением:

– Вы же говорили, что никогда не слышали о Книге!

Лили на миг замерла и торопливо поправилась:

– Я… слышала, что мой прапрапрадедушка Альбатрос вроде бы записывал какие-то свои рецепты. Должно быть, это они и есть.

– Рецепты Альбатроса – отстой, – заявил Алфи, помахав рукой перед носом.

Лили рассмеялась.

– Твой двоюродный прапрапрапрадед знал толк в тьме и хаосе, – сказала она. – Готова поспорить, у него все рецепты такие. Если мы хотим навести порядок в городе, рецепт лучше

поискать в другом разделе.

Лили сложила ветхие серые листы и убрала их в потайной карман, затем глубоко вздохнула, вернулась к началу Книги и стала медленно листать плотные кремовые страницы, рассматривая гравюры на полях. Печенье «Согрейся в холода». Мусс детского послушания. Морковный пирог «Удача в новом деле». Чем дальше Лили читала, тем явственнее менялось ее лицо. С каждой следующей страницей она словно молодела. Молочная кожа порозовела, глаза засверкали, точно блики на озерной глади в час заката. Уголки рта приподнялись, губы растянулись в неестественной улыбке, в которой Роз разглядела скорее алчность, нежели радость.

– Какое невероятное сокровище! – промурлыкала тетя Лили. – Вашим родителям никогда не приходило в голову поделиться этими рецептами с остальным миром? Как-то несправедливо держать Книгу на тесной кухоньке, где пользу от нее получает только семейство Чудс, а?

– Вообще-то, мама и папа хранят Книгу под замком. Для защиты от тех, кто мог бы ею злоупотребить, – заметила Роз, хоть и знала, что Лили, поглощенная мыслями об океане представившихся возможностей, вряд ли сейчас ее слышит.

Лили открыла страницу с двумя иллюстрациями на полях. Первая изображала женщину, на которую обрушились всевозможные беды и горести – прямо как на обитателей Горести-Фолз; вторая – город, объятый покоем и благополучием.

Ежевичный торт «Стало как было»(для возврата в прежнее состояние)

И случилось так, что лета 1717-го в Шотландии сэр Альбатрос Чудс накормил всех жителей города Тайри пирогом «Шиворот-навыворот-задом-наперед-всё-наоборот», и, отведавши того пирога, стал каждый человек ходить и молвить самой неподобающей манерой. Сей поступок Альбатрос совершил, желая расстроить свадьбу своего брата Филберта. И вышел тогда Филберт Чудс из церкви, и направил стопы к дому своему, и испек ежевичный торт, с помощью коего отменил сотворенный Альбатросом хаос, и собрались все гости на свадьбе, и веселились как ни в чем не бывало, позабыв прежние чудачества.

Тетя Лили не поднимала глаз – ей было стыдно за скверную

выходку прапрапрадедушки.

– Хмм, похоже, это то, что нам надо, верно? – Она прочла рецепт вслух:

> *И смешал Филберт четыре кулака шоколада с одним кулаком масла, одним кулаком сахара и четырьмя куриными яйцами в сосуде над неспокойной водой. И вызвал он из вечного сна Гнома Вечного Сна, и принудил его прошептать над сосудом тайну времени. И поставил он тесто в печь на срок в одиннадцать песен, и выпекал его при жаре в пять огней. И полил он испеченный торт соусом из ежевики и сахара.*

Тим легонько похлопал Лили по плечу.

– Не волнуйся, *тиа* Лили, – засмеялся он. – Мы давно разобрались, что значат все эти «кулаки», «огни» и «песни».

– Черт, что еще за «сосуд над неспокойной водой»? – потребовал ответа Алфи, склонив голову набок и театрально воздев руки.

Тетя Лили выпрямила спину и, как балерина, развела в стороны носки.

– Тут-то вам и пригодится тетя с большим опытом в волшебной выпечке! – объявила она. – Я знаю, что такое «неспокойная вода» и как смастерить для нее сосуд. Не переживайте, детки, испечем мы с вами этот ежевичный торт, моргнуть не успеете. И все станет как было!

Лили вытянула руку тыльной стороной ладони вверх. Тим и Алфи подскочили к ней и накрыли ее руку своими, словно члены футбольной команды перед выходом на поле.

– Роз? – Лили вопросительно приподняла бровь и подбородком указала на соединенные руки всех троих.

Тем не менее что-то мешало Роз сделать то же самое. Она понимала, что тете по силам оказать помощь, без которой им не обойтись, однако видела, как жадно блестели глаза Лили, когда та листала Книгу. Судя по этому блеску, Лили была готова на все, лишь бы заполучить рецепты. Роз точно это знала, ведь раньше и сама испытывала подобное желание.

Тим и Алфи ничего не замечали.

– Ну же, Роз! – Свободной рукой Тим обнял сестру за плечи и притянул к себе. – Ты нам нужна.

Роз посмотрела на Алфи, который с надеждой ждал, когда она накроет его ладонь своей. Она не хотела подводить братьев, особенно сейчас, ведь они действительно в ней нуждались. Она уже подвела родителей, но больше никого в семье не разочарует!

– Без тебя, Роз, у нас ничего не получится, – сказала тетя

Лили. – Без тебя и твоих талантов.

Это и перевесило чашу весов. Впервые в жизни Роз чувствовала себя красивой. Значимой. Важной. Она не хотела, чтобы эйфория от этих чувств заканчивалась. Только не теперь. И поэтому, несмотря на сомнения, Роз положила свои пухлые короткие пальчики поверх длинных изящных пальцев тети Лили. Как только она это сделала, все четверо одновременно покачали руками вверх-вниз.

– Все за одного, один за всех, нас непременно ждет успех! – провозгласила тетя Лили, и они принялись за дело.

* * *

Лили отправила Тима и Алфи на рынок, поручив купить сто дюжин яиц, двадцать пять кило шоколада и ежевику – всю, сколько есть в городе.

– Нужно, чтобы хватило всем! – сказала она.

– А как нам расплатиться? – спросил Тим.

Лили на минуту задумалась.

– Говорите продавцам, что вы работаете на их конкурентов, тогда они не потребуют с вас платы, а, наоборот, отдадут продукты даром! У вас найдется что-нибудь похожее на униформу продавца бакалейной лавки?

Не успела Лили договорить, как Тим завопил:

– Я три дня проработал у бакалейщика, и у меня как раз осталась форма!

Он сбегал наверх и вернулся в зеленом фартуке и козырьке с надписью «Бакалея».

Лили довольно рассмеялась.

– Ждем вас с победой, парни! – воскликнула она.

Во дворе Тим посмотрел на маленькую красную тележку и сказал:

– Многовато ходок получится.

Толкая перед собой тележку, братья вышли с подъездной дорожки на улицу, а Лили и Роз остались на кухне.

Роз не могла не признать: тетя Лили была возмутительно хороша – невероятно красивая, уверенная в себе и самую чуточку опасная. Сегодня Роз чувствовала, что они с Лили как никогда близки. Возможно, именно такой образец для подражания ей и нужен – кто-то, кто постоянно будет рядом, поможет обрести уверенность, стать звездой.

Сверху донеслись возгласы миссис Карлсон, безуспешно пытавшейся утихомирить Лик:

– Замолчишь ты уже, дьяволенок, или нет! Хватит тявкать! Быстро укладывайся спать!

Роз и тетя Лили озабоченно переглянулись.

– Времени мало, – сказала Лили. – В первую очередь надо соорудить сосуд для неспокойной воды. Я сама такой ни разу не мастерила, но однажды, на семейном сборе, видела, как он работает. Это что-то вроде водяной бани: огромный котел внутри другого, еще более огромного, наполненного кипящей водой.

– Насколько огромный?

– Гигантский.

Роз вышла на задний двор и обвела взглядом железяки, сваленные у стены гаража. Старая лодка, сломанный батут, большая спутниковая тарелка, в которую ударила молния, – у Альберта никак не поднималась рука вывезти ее на свалку. Спустя полминуты Роз осенило.

– Придумала!

И вот Роз с тетей Лили взялись мастерить самое большое устройство для водяной бани, какое только можно было вообразить. Первым делом они срезали с батута сетку и развели огонь под ободом, сложив костер из поленьев и старых газет. Затем отмыли старую железную лодку, установили ее на обод и наполнили водой. Потом вымыли огромную спутниковую тарелку и спустили ее на воду в лодку. Тетя Лили с улыбкой похлопала Роз по плечу:

– Роза – образец совершенства, как говорят в Англии.

Все черные подозрения, которые Роз на этой неделе питала к Лили, рассеялись в лучах щедрой похвалы.

Наконец мальчики привезли последнюю тележку с продуктами. Алфи начал выгружать в спутниковую тарелку килограммы шоколада и разбивать сотни яиц. Тетя Лили следила за огнем, а Тим и Алфи по очереди мешали содержимое старым веслом. Роз просто стояла и глядела, как алые искры с треском взметались в теплый сумрак ночного неба. Соорудить котел для водяной бани, конечно, интересно, но общее дело с братьями – работа бок о бок, шутки и смех июльской ночью – вот в чем *настоящее* волшебство.

После того как все ингредиенты были добавлены и Роз выбросила гору яичной скорлупы в мусорный бак, пришло время пустить в ход «тяжелую артиллерию».

– Ну, идемте за гномом, – сказала Роз.

* * *

Она повернула дверную ручку в форме скалки. Плиты на полу разъехались в стороны, в стылом воздухе холодильной камеры завоняло плесенью.

– Гном там. – Роз за руку проводила Лили к люку.

В подвале тетя Лили обвела лучом фонарика банки с землей, ветром, огнем, трепещущими крыльями бабочек и говорящими грибами. Щиколотки Роз окутал влажный туман из отверстия за решеткой. Должно быть, Лили тоже почувствовала сырой холод – она подошла к решетке поближе и опустилась на колени. Если тварь, живущая под домом, и обратилась к ней, то Роз этого не услышала. С другой стороны, разговор между невидимым существом и самой Роз тоже происходил без слов.

Через несколько секунд Лили отползла назад и мрачно посмотрела на Роз.

– Вы в порядке? – встревожилась девочка.

– Да, просто немного замерзла.

Лили вновь переключила внимание на ряды светящихся банок из синего стекла. Те, мимо которых она проходила, на миг вспыхивали ярче. Лили приблизилась к банке с заключенной в ней гигантской стрекозой и ярлыком «Полет». Завидев Лили, стрекоза забилась в дальний угол банки.

– Впечатляющая коллекция, – заметила Лили. – Волшебство – это не только волшебные палочки, зелья и заклинания. Часть волшебства – лучшая, на мой взгляд, – имеет более тонкое воплощение. Как здесь.

Сказанное тетей Лили воодушевило Роз. Лили выразила словами чувства самой Роз. Мама и папа никогда не говорили о волшебстве, а просто ею занимались. Но что, если тетя права и со стороны родителей эгоистично держать Поваренную книгу Чудсов под замком на крошечной кухоньке крошечного городка? Много ли тогда проку от Книги? Скорее всего, и за пределами Горести-Фолз требуется полезное волшебство – утонченная изящная магия, которая поможет сделать мир лучше. И кто знает, вдруг именно Роз способна стать той, кто будет творить эту магию?

Тетя Лили направила луч фонарика на банку, внутри которой похрапывал Гном Вечного Сна:

– Только посмотри на него! Какой красавчик!

Роз едва ли назвала бы гнома красавчиком, однако взглянуть на него, безусловно, стоило. Голову гнома украшала остроконечная зеленая шапочка, из-под нее торчали пушистые белые волосы, похожие на шапку одуванчика. Лили передала фонарик Роз и осторожно сняла банку с полки, словно младенца, уложив ее на сгиб локтя, затем на цыпочках двинулась к лестнице, шепотом приговаривая:

– Не бойся, малыш! Тебя никто не обидит. Ах ты, мой гномик! Мой чудесный малютка!

На кухне Лили поставила банку на разделочный стол и восхищенно уставилась на гнома:

– Вы когда-нибудь видели что-то прекраснее?

Роз сквозь синее стекло вгляделась в старое, увядшее лицо карлика. Одет он был в коричневую войлочную курточку и длинные панталоны песочного цвета, а ростом – сантиметров сорок, примерно с куклу. В уголках зажмуренных глаз виднелись гусиные лапки морщин.

Роз придержала банку, а Лили взяла гнома под мышки, аккуратно вытащила наружу и усадила на стол. Кухню наполнил спертый воздух, вырвавшийся из банки. Продолжая храпеть во сне, гном начал медленно крениться на правый бок и – бум! – стукнулся головой о столешницу. Это его и разбудило.

Он потряс головой, неуклюже сел, вскинул ручки и зевнул, продемонстрировав пятнистый язык и беззубые старческие десны. На Роз дохнуло неописуемым зловонием. Изо рта гнома смердело свалкой, гнилой рыбой и дерьмом. Борясь с подступающей тошнотой, оба брата и сестра отшатнулись от стола, но смрадное дыхание уже распространилось по всей кухне. Роз крепко зажала нос и не дышала, пока вонь не рассеялась.

Когда она отважилась открыть глаза, то обнаружила, что гном рассматривает ее в упор, скрестив ручки на груди и барабаня башмаком по столешнице.

– Полагаю, вы разбудили меня для того, чтобы я прошептал какой-то *секрет* в какое-то *место*, – сварливо произнес он.

– Да… – растерялась Роз. Гном был не промах.

– И что за секрет?

– Может, секрет времени? – подсказала Лили.

Гном задумчиво поскреб бороду:

– Секрет времени… секрет времени… – Наконец он вскинул голову и с трагической миной объявил: – Я забыл секрет времени!

У Роз упало сердце. После стольких трудов все их надежды на ежевичный торт разбились из-за дырявой памяти старого гнома!

– Ха-ха, поверили! – захихикал карлик. – Шучу. Конечно, я знаю секрет времени. А вы как думали?!

– О, благодарю вас, Гном Вечного Сна! – с жаром воскликнула Роз. При нормальных обстоятельствах она бы его обняла, но из-за смрадного дыхания приближаться к нему не хотелось.

– Вообще-то, у меня есть имя, – сердито пробурчал он. – И это грубо!

– Простите, пожалуйста, я не хотела быть грубой.

– Да нет, меня так зовут – Грубо. Я – Грубо Сквернодельц. –

Гном заметил Лили, которая с обожанием взирала на него из угла. – Я прошепчу секрет времени, если *она*, – он показал на нее пальцем, – подержит меня над тестом.

Тетя Лили шутливо поклонилась:

– Для вас – что угодно, мистер Сквернодельц.

– Уронишь – станешь моей женой, – ухмыльнулся гном. – Я серьезно.

– Тогда, пожалуй, я нечаянно разожму руки, – засмеялась Лили. Подхватив гнома под мышки, она вышла на задний двор.

* * *

Роз и ее братья окружили дымящуюся спутниковую тарелку, в то время как тетя Лили подняла господина Грубо Сквернодельца над растопленным шоколадом.

– Ай! – поморщился он. – Пар в лицо! Чуть подальше, голубушка!

Тетя Лили немного отодвинулась.

– Вы готовы? – спросила она, стараясь быть как можно любезнее.

– Почти. – Гном покашлял. – Хорошо бы мне сперва кто-нибудь пятки почесал. И стаканчик виски поднес. Подойдет любой, хотя я бы предпочел встретиться с достопочтенным Джонни Уокером[17].

Терпение Роз лопнуло. Она не позволит грубияну Грубо испортить всю затею! И не будет заигрывать с ним, как тетя Лили, а выскажет все напрямик. Роз подошла к тарелке с растопленным шоколадом и встала нос к носу с гномом:

– Прошу прощения, мистер Сквернодельц, у нас сейчас большие неприятности. Нам жаль, что пришлось прервать ваш сон, но давайте не будем терять времени. Не хотите нам помогать – не надо. Уж лучше жить в городе, где все вверх дном, чем тереть ваши страшно вонючие – в чем я не сомневаюсь – пятки. – Роз всегда мечтала произнести какую-нибудь пламенную речь, но раньше как-то не представлялось случая. – С вашего позволения, – закончила она.

Грубо ничего не ответил, а лишь что-то проворчал, склонился над тестом и произнес несколько слов на незнакомом Роз языке:

– *Майран кри эйдрум эвод*[18]. – Затем он поднял голову. – Все. Теперь можно мне наконец поспать?

Шепот гнома на несколько мгновений завис над водяной баней ручейком кроваво-красного тумана, потом пролился на шоколад и принял вид часовых стрелок, которые начали

вращаться справа налево и, подобно лопастям, перемешивать тесто. Стрелки продолжали вращаться, густая масса в спутниковой тарелке булькала, бормотала и тикала, как будто кто-то заводил часы из жидкого шоколада в обратную сторону.

Пространство вокруг котла дрожало и зыбилось, воздух коробился, словно нагретая пластмасса. Роз почувствовала, что грудь будто сковало и что при всем старании она не может открыть рот, а время растягивалось и растягивалось. Она уже испугалась, что сейчас задохнется, как вдруг с звонким щелчком все завершилось. Роз сделала хриплый, судорожный вдох.

– Что случилось? – просипела она.

Алфи и Тима скрутил кашель.

– Без понятия, – отдышавшись, сказал Тим.

Тетя Лили усадила гнома обратно в банку (перед тем как его голова исчезла под крышкой, он успел хитро подмигнуть). Роз вернула банку на место в тайном подвале и собралась уходить, но замерла, услыхав тот самый жуткий голос из-под решетки:

– *Если настойка Венеры тебя не прельщает*, – загудел голос, – *просто держись поближе к тете Лили. Она знает пути к славе, богатству и несравненной красоте.*

Вздрогнув, Роз торопливо вскарабкалась по лестнице, внутренне чувствуя, что существу, обитающему под домом, известно гораздо больше, чем оно говорит. Возможно, Роз стоит вернуться в подвал попозже и спросить у него совета. Но сначала нужно испечь ежевичные торты.

* * *

Пока тетя Лили половником раскладывала тесто по формочкам для кексов, Роз и Алфи в огромном чане заваривали ежевичный конфитюр из ягод и сахара. Этим аппетитным конфитюром Роз поливала каждый тортик, как только формы вытаскивали из духовки.

– Теперь осталось лишь убедить каждого жителя в городе съесть по кусочку, – промолвила тетя Лили. – Но как?

– Может, просто скажем, что надо съесть? – предложил Тим.

Лили задумалась.

– Нет, не сработает, – возразила она. – В любом случае мы должны предложить людям сделать что-то противоположное, иначе нас не послушают.

– Тогда велим засунуть торт в штаны… – брякнул Алфи.

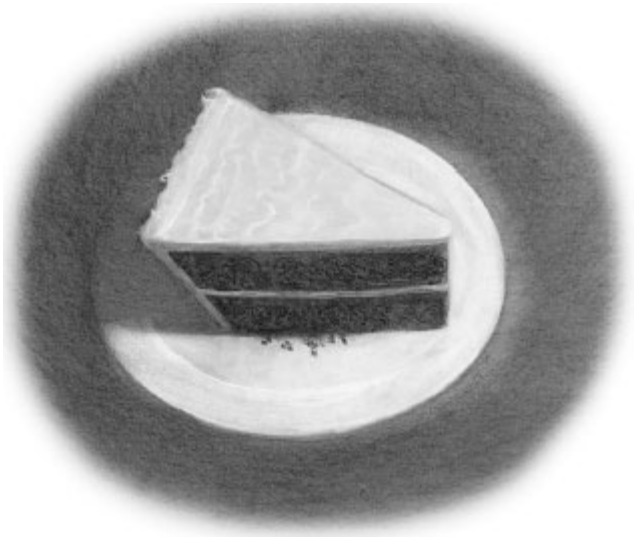
Тетя Лили легонько щелкнула его по лбу:

– Алфи, это неприлично!

И вновь выход нашла Роз. Она уже начала привыкать к принятию решений.

– Я знаю, как мы поступим! – сказала она. – Понадобится наш семейный минивэн и мощные динамики.

Глава 15
Рецепт четвертый: ежевичный торт «Стало как было»



Как только Роз произнесла слово «динамики», Алфи метнулся к себе в комнату. Минуту спустя он примчался, держа в руках две компьютерные колонки размером с кубики плюшевых игральных костей, какие обычно подвешивают к автомобильному зеркалу заднего вида.

– Слишком маленькие. – Роз выразительно взглянула на Тима. – Ну?

– О нет, – застонал тот, – не потащу я эту тяжеленную штуковину. Она почти неподъемная. – Тим закатал рукав, напружинил бицепс и поцеловал его. – Не хочу навредить этой прелести.

– Какой смысл качать мышцы, если не собираешься таскать тяжести? – фыркнула Роз. – Кроме того, наконец-то нашлось применение твоему усилителю!

Тим неохотно поплелся наверх. Обратно он вернулся, пыхтя и обливаясь потом, неся в руках здоровенный усилитель – подарок родителей ко дню рождения. Тим еще ни разу его не подключал, поскольку до сих пор не распаковал электрическую бас-гитару, шедшую в комплекте.

Глядя на усилитель, который в высоту был почти с нее, Роз удовлетворенно кивнула:

– Пойдет.

– Не будете ли так любезны проартикулировать ваш план, мисс Роз? – поинтересовалась Лили.

– Что значит проартикулировать? – почесал затылок Алфи.

Тетя Лили всплеснула руками:

– Это значит проговорить вслух, четко разъяснить что-либо, пролить свет! – Она обошла кухню и зажгла все флуоресцентные лампы, отчего помещение стало напоминать спортзал во время баскетбольного матча на первенство школы. – Просвети нас, Роз!

Роз невольно рассмеялась. Тетя Лили умела превратить даже самый унылый вечер в праздник.

– Вот что мы сделаем, – решительно начала Роз, усевшись на разделочный стол. – Привяжем усилитель к крыше минивэна и подключим микрофон. Поедем по городу, громко предупреждая всех, чтобы *не собирались* на главной площади, ведь никакой дискотеки там *не будет*.

Тетя Лили захлопала в ладоши:

– О, я поняла, что ты задумала!

– Говорить в микрофон буду я, – подхватил Тим. – Заодно попрактикуюсь в роли радиодиджея.

– Конечно, – кивнула Роз брату. – После этого, естественно, все побегут на дискотеку. А мы припаркуемся на площади, включим зажигательную музыку и повесим табличку с надписью: «Ни в коем случае не пробуйте ежевичный торт!» Люди тут же разберут весь торт до последнего кусочка.

Тетя Лили одной рукой обняла Роз:

– Я за любой план, если он предполагает дискотеку. Здорово придумано. Молодчина, Рози!

Сияющая Роз присела в глубоком реверансе. Даже Тим и Алфи не могли не отдать ей должное: план был что надо.

* * *

Тетя Лили то и дело морщилась, ведя старенький, местами ржавый минивэн по тускло освещенным, извилистым улицами Горести-Фолз.

– Похоже на видеоигру, только погибнуть мы можем по-настоящему. – Она не преувеличивала: прямо двигался только их автомобиль.

Лили хоть и была опытной мотоциклисткой, но за руль машины не садилась давно, о чем и поведала детям. Она чувствовала себя неуверенно, среди ночи петляя по узким улочкам незнакомого города, да еще когда все остальные

двигались обратным ходом. Роз и Алфи на заднем сиденье замирали всякий раз, как тетя Лили проскакивала между автомобилями, едущими задом наперед по встречной полосе, объезжала машины, беспорядочно припаркованные прямо на дороге или брошенные на обочине после столкновения с деревом или забором. Даже Тиму было не по себе – он сидел на переднем сиденье, вцепившись в ремень безопасности обеими руками.

Проезжая мимо них, директор школы мистер Фаннер сердито загудел клаксоном, потряс кулаком из окошка и рявкнул:

– Ен в ут уноротс!

– Что он там орет? – спросила Лили, остановившись на минутку, чтобы перевести дух и пригладить короткие черные волосы.

Алфи, взявший на себя обязанности переводчика, записал странную фразу директора на маркерной доске, которую снял с холодильника.

– «Не в ту сторону». Он ругается на нас за то, что мы едем не в ту сторону!

Лили по пояс высунулась из окна и с вызовом крикнула:

– Нет, пупсик, это *ты* едешь не в ту сторону!

Мистер Фаннер ничего не ответил, а лишь испуганно вжался в водительское кресло и медленно проехал мимо.

– Надо представить, что мы в Лондоне, – пошутила Роз.

Тем временем Алфи написал на доске послание для сбитых с толку горожан: «ЕН ЕТИДОХИРП АН ЬДАЩОЛП! МАТ ТЕН ЙОКАКИН ИКЕТОКСИД!» – «Не приходите на площадь! Там нет никакой дискотеки!»

– Как же мне выговорить эту абракадабру? – жалобно спросил Тим, сжимая в руке микрофон, подсоединенный к усилителю на крыше минивэна.

– Просто прочитай, – посоветовала Роз, втайне довольная, что старший брат сам вызвался быть диктором.

Тим опустил стекло, прокашлялся и начал:

– Гм… Э-э-э… Ен… е ти д-охирп ан… э-э-э… ьд-ащолп. – Он недоверчиво оглянулся на Роз. – Это сложнее, чем кажется!

– Представь, что ты в эфире!

Тим посмотрел на микрофон:

– Черт, ладно. Е-ети-инивзи-и!

– Отлично! – постаралась подбодрить брата Роз. Она впервые видела его таким нервным. – Так держать!

– Нет, мне это не по зубам, – пробормотал Тим и начал заново: – Е-е-н… е-ти-и-до-о-хирп а-ан ьда-а-щолп. – На этот раз вышло плавнее, хотя со стороны по-прежнему казалось, будто Тим давится, сдерживая тошноту. Язык задом наперед звучал не

слишком красиво.

– Что теперь? – Тим зажмурился, сделал глубокий вдох и открыл глаза.

– Повтори еще раз! – велела Роз. – Повторяй без остановки. С чувством!

– Мне нравится, когда с чувством, – вставила тетя Лили, трогаясь с места.

– Это глупо, – буркнул Тим. – И все равно не сработает.

– У тебя отлично получается, – шепнула Роз и похлопала брата по плечу.

– Ладно, – вздохнул Тим. – Ен… етид-охирп ан ьдащ-олп.

Минивэн Чудсов поравнялся с автомобилем миссис Хэвгуд. Портниха двигалась задним ходом по левой полосе, в то время как Лили ехала вперед по правой.

Услыхав объявление Тима, миссис Хэвгуд резко затормозила и через толстую желтую разделительную полосу воззрилась на чудмобиль.

– Адварп? – спросила она, и Роз догадалась, что та произнесла: «Правда?»

– Так, сейчас отрицательно качаем головой, – быстро сказала Роз.

Все прилежно замотали головами.

Бросив машину на проезжей части, миссис Хэвгуд задом наперед засеменила в сторону площади.

– Работает! – обрадовалась Роз. – Кажется, миссис Хэвгуд любит музыку в стиле диско.

– А кто не любит? – Не отрывая взгляда от дороги, Лили слегка пританцовывала на сиденье. – Дискотека, встречай нас!

Тим улыбнулся, поднес микрофон к губам и повторил объявление еще раз. И еще. И снова.

* * *

Проезжая мимо школьной игровой площадки, Тим высунул голову из окна и крикнул:

– Ан идащолп тен йока-акин икет-ок-сид!

Учителя тотчас позабыли салочки, качели и песочные замки и резво попятились в направлении площади.

Лили остановилась возле строительной площадки.

– Ан идащолп тен йок-акин икет-ок-сид! – объявил Тим. Он даже вышел из машины, чтобы его было лучше слышно.

Рабочие, прекратив разбивать стены и заделывать отверстия, принялись радостно подкидывать в воздух каски, после чего

спиной вперед двинулись на площадь, спотыкаясь и налетая на препятствия.

Побросав сумки с письмами на землю, туда же попятились и почтальоны. Адвокаты, бухгалтеры и провизоры все как один выглянули в окна, оторвались от дел и хлынули в центр города, не потрудившись запереть свои кабинеты.

Очевидно, все жители Горести-Фолз обожали дискотеки. Или, наоборот, ненавидели? У Роз уже голова шла кругом.

К тому времени, как Чудсы добрались до подножия Воробьиной горы, Тим шпарил на обратном языке не хуже диджея и быстрее аукциониста на сельскохозяйственной ярмарке.

– Ан идащолп тен йок-акин икет-ок-сид! – в очередной раз проговорил он низким бархатистым голосом, идеально подходящим для радио. Тим завершил превращение в радиоведущего, дополнив образ темными солнцезащитными очками и поднятым воротником.

Когда они въехали на холм, миновав замочную мастерскую Клайна, и сделали последнюю остановку на пути, сердце Роз взволнованно забилось: минивэн припарковался перед «Пончиками и авторемонтом от Стетсона».

В обшарпанном здании на вершине холма, где предоставляли услуги разного рода, было так темно и тихо, что создавалось впечатление, будто здесь уже много лет никто не живет.

– Ан идащолп тен йок-акин икет-ок-сид! – крикнул Тим.

Роз немного подождала, судорожно хватая ртом прохладный ночной воздух, словно от появления Девина Стетсона зависела ее жизнь, однако из автосервиса никто не вышел.

Фургончика Стетсонов возле дома не оказалось, хотя, будь он кое-как припаркован на одной из городских улиц, Роз бы заметила. Задним числом она припомнила, что не видела Девина всю неделю, пускай в безумной суете и не обратила на это внимания. Судя по всему, Стетсоны укатили в отпуск.

– Поехали, – сказала Роз, одновременно испытывая облегчение и досаду. – Их здесь нет.

Алфи, однако, уже выскочил из машины и побежал на смотровую площадку, поэтому Роз кинулась за ним.

Деревья на вершине Воробьиной горы не росли, куда ни посмотри, везде простиралось лишь бескрайнее небо. Сегодня ночью оно выглядело таким огромным, темным и пустынным, что Роз на миг почудилось, будто эта бездна способна ее поглотить. Величественное зрелище завораживало.

– Гляди! – Алфи указал на открытое пространство в центре города, где стояло мраморное изваяние Реджинальда Горести.

Тысячи людей, с высоты похожих на крошечных муравьев,

собрались на площади. До слуха Роз донесся слабый гул недовольной толпы. Горожане бросили все дела и прибежали на дискотеку, но никакой музыки не звучало.

– Пора дать людям то, чего они желают! – провозгласила Роз. Она твердо намеревалась все исправить. Доказать, что достойна носить фамилию Чудс.

* * *

Тетя Лили вырулила на площадь, врубив на всю мощность композицию из фильма «Лихорадка субботнего вечера»[19]. Как прокрутить музыку задом наперед, они не придумали, но, очевидно, стиль диско звучал одинаково в любом направлении, потому что миссис Хэвгуд в одетом наизнанку платье с леопардовым узором восторженно взвизгнула:

– Е-е! Оксид!

Люди пытались танцевать на брусчатке обратным ходом, выделывая неуклюжие па; вскидывали руку с вытянутым указательным пальцем и двигали ею по диагонали, но не в ту сторону и не в такт музыке. Мистер Фаннер столкнулся задом с мисс Карнополис, и оба негодующе вскрикнули. Мистер Бэсстол и мисс Репей завидели друг друга на разных концах площади и попятились навстречу в ритме диско, сшибая с ног целые семьи. Дети окружили миссис Хэвгуд, а она под их аплодисменты каталась по земле и изображала что-то вроде «змейки». Роль сверкающего диско-шара исполняла луна. Смотрелось это красиво, хоть и вызывало смутную тревогу.

Роз и Лили сдвинули столики с летней веранды французского бистро в один большой банкетный стол, а Тим и Алфи выстроили все ежевичные торты «Стало как было» рядком, проворно нарезали их на порции и разложили по бумажным тарелкам.

Терпеливо ожидая первого неедока торта, Роз краем глаза заметила Девина Стетсона. Тот одиноко переминался с ноги на ногу на сумрачной окраине площади.

Проследив за ее взглядом, тетя Лили тоже увидела светловолосого парнишку.

– Кто это? – спросила она.

Смущенная, Роз не нашлась с ответом.

– Почему бы тебе не потанцевать с ним?

Роз яростно замотала головой:

– Мы даже ни разу не разговаривали!

– Значит, сейчас – самый удачный момент, чтобы подойти к нему, ведь утром он все забудет.

– Вряд ли я ему нравлюсь.

– Как такая девушка может кому-то не понравиться? Ты красивая, талантливая, успешная!

Роз не верилось, что тетя Лили говорит от чистого сердца, но похвала ей польстила и придала уверенности. Если Роз когда-нибудь и решится заговорить с Девином Стетсоном, то только сегодня.

Она пробралась сквозь толпу к Девину. В отличие от остальных, он не пытался изображать классические па в стиле диско, а просто топтался на месте. Встав напротив, Роз начала повторять его движения. Он удивленно посмотрел на нее.

– Тевирп, – сказал он.

– Тевирп.

– Шидялгыв октуж, – сказал Девин.

Роз мысленно перевернула фразу, получилось «Выглядишь жутко». Услышав такое в любой другой день, она помчалась бы в ближайший туалет и беззвучно разрыдалась в кабинке, но в эту особенную ночь слова Девина следовало воспринимать как комплимент. Роз пожалела, что не взяла с собой зеркальце: было бы неплохо проверить, сохранился ли на лице макияж, сделанный тетей Лили. Решив, что сохранился, она с улыбкой промолвила:

– Обисапс. Ыт ежот.

И тогда Девин развернулся и некоторым образом ткнулся затылком ей в щеку, что, как она поняла, означало попытку обратного поцелуя. От прикосновения к коже светлых, мягких, как у ребенка, волос Роз растаяла. Затылок Девина Стетсона пахнул мылом и мечтами. Краем глаза Роз заметила, как тетя Лили, стоявшая возле французского бистро, показала ей поднятые вверх большие пальцы.

Едва Роз закрыла глаза, чтобы в полной мере насладиться моментом, пускай он и случился задом наперед, как ее плеча коснулся подошедший Тим:

– Прости, что прерываю ваше свидание, *ми эрмана*, но наши тортики никто не ест.

Только теперь Роз вспомнила ключевой пункт своего плана. Чтобы горожане захотели взять по кусочку бесплатного торта, нужен сигнал. Она оторвалась от мягкой шевелюры Девина. Как бы все ни обернулось дальше – Девин продолжит игнорировать Роз в школе, вовсе забудет, как ее зовут, – это мгновение она запомнит на всю жизнь.

– Акоп, Нивед! – сказала она и поспешила к бистро.

Вдвоем с Тимом она наклонила один из огромных белых зонтиков, защищавших столики на летней веранде, а Алфи, эксперт по чтению и письму в обратную сторону, обмакнул палец

в остатки ежевичного конфитюра и вывел на белом полотне зонтика надпись:

ЫМ ОНСАЖУ ЫНДОЛОГ! ЕН ЕТЙАГОРТ ИШАН ИКИТРОТ!

После этого Роз и Тим водрузили повернутый набок зонтик на один из столиков. Чтобы привлечь всеобщее внимание, Тим подбежал к минивэну и громко объявил в микрофон:

– Е-ен етйаго-о-о-орт ишан икитро-о-от!

А потом резко выключил музыку.

Если бы на радио потребовался диджей, болтающий задом наперед, Тим, несомненно, обошел бы всех конкурентов.

Миссис Хэвгуд первой увидела надпись на зонтике перед бистро. Она ткнула в объявление пальцем и заверещала:

– Етиртомс! Икитрот!

Пятясь, она засеменила к столику, опустилась на четвереньки и заползла под столешницу. Высунула голову, стащила с тарелки кусок торта и слопала его.

– Трот! – победно крикнула она, колотя себя в грудь, как бабуин. Затем принялась хватать порции торта и, словно футбольные мячи, запускать их в толпу. – Йателa-а-ан! – взвыла миссис Хэвгуд.

Учителя и библиотекари начали жадно хватать с тарелок куски торта и запихивать их в рот, размазывая по лицу шоколад и конфитюр, а после, гомоня и толкаясь, дочиста вылизали пустые подносы. Мистер Бэсстол и мисс Репей поймали два кусочка, которые запулила в воздух миссис Хэвгуд, и стали кормить друг друга. Горожане толпились вокруг сдвинутых столиков, точно свиньи вокруг кормушки. Они даже не брали еду с тарелок, а просто склонялись и пожирали торт без помощи рук. Роз в ужасе наблюдала за отвратительным зрелищем и гадала, когда же люди вновь станут вести себя нормально, как было обещано в волшебном рецепте.

Ждать пришлось недолго. Мисс Карнополис, библиотекарша, пришла в себя первой. Она потрясла головой и увидела коллег, склонившихся над тарелками, затем ощупала лицо, липкое от размазанного ежевичного конфитюра и шоколада. Немного погодя она сообразила, что на улице глубокая ночь.

– Боже мой! – воскликнула мисс Карнополис. – Почему я до сих пор не сплю? Мне давно пора быть в постели! И почему я вся перепачкалась… – она провела пальцем по липкому лбу и слизнула темную субстанцию, – шоколадом? – И с этими словами мисс Карнополис побежала – как положено, лицом вперед – домой.

Мисс Репей очнулась в тот момент, когда прильнула к голому торсу мистера Бэсстола.

– О нет! – вскричала она. – Бернард Бэсстол, зачем вы меня преследуете? – Она отстранилась от его рыхлых форм и ринулась с площади, проклиная луну.

Миссис Хэвгуд отряхнула с платья шоколадные крошки.

– Почему мое платье надето наизнанку? – ужаснулась она.

Постепенно, один за другим, горожане возвращались в нормальное состояние: смущенно качали головой, аккуратно относили бумажные тарелки в мусорные контейнеры и отправлялись по домам, ломая голову, как их угораздило среди ночи очутиться на улице и перемазаться шоколадом. Каждый мысленно клялся никогда не упоминать об этом постыдном случае.

К тому времени, как последний обитатель Горести-Фолз с горящими от стыда щеками покинул площадь, небо на востоке стало бледно-розовым. Лучи рассветного солнца упали на бумажные тарелки и пластмассовые вилки, брошенные на брусчатку теми, кто в смятении забыл убрать за собой.

Вооружившись большим пластиковым мешком, Роз и Тим обошли площадь и собрали весь мусор.

– Ну, можно считать, рецепт сработал? – спросил сестру измученный Тим.

– О да. Определенно, – кивнула Роз.

– Круто. – Тим похлопал ее по плечу. – Знаешь, мне кажется, я по-настоящему понравился тете Лили. Я рад, что провел с ней целую неделю. Она, типа, *муи калиенте*![20]

– Ага, здорово, – сказала Роз, хотя думала совершенно иначе. Девочка побрела прочь, чувствуя, как жжет в груди от слов Тима. Она-то считала, что сблизилась с братьями, а выходит, жестоко ошиблась? «Неужели они оба старались только ради Лили? – размышляла Роз. – Получается, я для них по-прежнему невидимка?»

* * *

Лили припарковала минивэн на подъездной дорожке. Тим отвязал усилитель от крыши автомобиля и отволок его на парадное крыльцо, где, как предполагала Роз, устройству придется проваляться не один месяц. Собрав все пустые подносы из-под тортов, Роз и Алфи принесли их на кухню. Там дети наткнулись на миссис Карлсон. Старушка взгромоздилась на стол и нервно жевала жевательную резинку, ее покрасневшие глаза

были широко распахнуты, руки тряслись.

– А-а! – язвительно бросила она. – Поглядите-ка, кто наконец соизволил явиться к нам.

Роз сперва не поняла, что значило это «к нам», но потом заметила Лик. Младшая сестренка бегала задом наперед вокруг крутящейся столешницы и все еще бормотала на «обратном» языке. Более того, она была умыта, причесана и одета в прелестное бархатное платьице, которое Парди купила ей к чьей-то свадьбе и которое Лик наотрез отказывалась носить. «Поляроида», всегда болтавшегося у нее на шее, нигде не было. В мире «наоборот» Лик превратилась в маленькую нарядную принцессу.

– И вот так всю ночь! – пожаловалась миссис Карлсон. – Мне показалось, где-то в городе играла музыка в стиле диско. Я бы, конечно, сходила посмотреть что и как, поскольку диско – единственная вещь в жизни, которая приносит мне хоть какую-то радость. Вот только как я могла выйти из дома, если этот гадкий дьяволенок без передыха носился туда-сюда *задом наперед*?!

Роз и Алфи обменялись загадочными взглядами, бросили грязные подносы в мойку и помчались на задний двор.

– Нет! Не смейте снова уходить! – завопила им вслед миссис Карлсон. – Я две недели нормально не спала! Я тут с вами уже чокнулась! И больше за себя не отвечаю!

– Лик до сих пор делает все наоборот! – крикнула Роз тете Лили. – Нужен еще кусочек торта!

Однако ничего не осталось, горожане умяли все торты до последней крошки. Прожорливые библиотекари даже подносы вылизали до блеска.

Роз подбежала к спутниковой тарелке в надежде найти хотя бы комочек теста и радостно взвизгнула, обнаружив в самом центре тарелки малюсенькую лужицу подсохшего теста, которого как раз хватило бы на тортик размером с серебряную долларовую монету. Она ложкой сковырнула тесто с тарелки, выложила его в смазанную маслом белую керамическую формочку и поставила ее в духовку.

Увидев это, миссис Карлсон взорвалась:

– Опять печешь? Ну и семейка! Вы, кроме выпечки, чем-нибудь другим вообще занимаетесь?

Роз повернулась к ней и посмотрела прямо в грубоватое шотландское лицо:

– Мне очень жаль, что вам пришлось остаться у нас на всю ночь, правда, но мы все были заняты очень важным делом. И у меня есть странное предчувствие, что прямо сейчас Лик очень нужен кусочек шоколадного торта, поэтому, пожалуйста, не

мешайте.

Миссис Карлсон прожгла Роз таким взглядом, будто хотела по очереди обглодать все ее пальцы, но все же отошла от духовки. Через четверть часа тесто в духовке поднялось и приобрело темно-коричневый цвет.

– Кил! – позвала Роз и сама удивилась тому, как легко научилась мысленно переворачивать слова.

– И ты туда же! Дьявольское отродье! – пришла в ярость миссис Карлсон.

Роз подняла тарелку с тортом над головой чистенькой и нарядной младшей сестренки.

– Мятед трот ьтсе ястеащерпаз! – строго проговорила она, и, конечно, Лик тут же отчаянно захотелось съесть эту шоколадную бомбочку.

Малышка высоко подпрыгнула, выхватила тарелку из рук Роз, в один укус умяла тортик и застенчиво рыгнула. Оторопело встряхнув головой, Лик широко зевнула и с недовольной миной отправилась наверх – как положено, лицом вперед.

– Что ты добавила в этот торт? – спросила миссис Карлсон, шумно причмокнув губами.

– Иногда все, что нужно девочкам, – это немножко шоколада, – пожала плечами Роз.

Миссис Карлсон недоверчиво хмыкнула.

– Так, я спать, – заявила она.

– Мы все идем спать, – подключилась к разговору тетя Лили, – но не забываем о главном: через час открываем пекарню, просто чтобы убедиться, все ли пришли в норму.

Миссис Карлсон удалилась наверх вслед за Лик, к себе в комнату поднялись и Алфи с Тимом. Роз тоже собралась на второй этаж, однако Лили ее задержала.

– Потрясающе, Роз, просто потрясающе! – растроганно произнесла тетя Лили. – Все члены твоей семьи – люди незаурядные: и родители, и братья, и младшая сестра. Но ты – нечто удивительное, настоящий талант. Сегодняшним успехом мы все обязаны тебе, Роз!

Роз обняла тетю и, поднимаясь по лестнице, задумалась. Алфи оставался таким же несносным, Тим – таким же необщительным, но все-таки они объединились в команду, и это значило для Роз куда больше, чем любые похвалы и комплименты.

В ванной за чисткой зубов она посмотрела в зеркало и онемела: на лице не осталось ни следа макияжа. Видимо, суета, беготня и работа, от которой градом лился пот, сделали свое дело. Роз больше не выглядела красоткой.

Была ли на губах помада, а на веках тени, когда она разговаривала с Девином? Теперь уже не узнаешь. Тетя Лили назвала ее настоящим талантом, однако, глядя в зеркало, Роз чувствовала себя обыкновенной посредственностью.

«Нет, лучше быть талантом, чем посредственностью!» – решила Роз. Она сделает что угодно, лишь бы всю жизнь испытывать такие же эмоции, как сегодня. Ну, почти что угодно.

Глава 16
От рассвета до заката

Проворочавшись с боку на бок целых полчаса, Роз встала. Она с таким волнением ждала нового дня, что уснуть так и не смогла. Сегодняшний день чем-то напоминал Рождество, только вот подарок, который она надеялась получить, не должен был стать сюрпризом. Роз мечтала лишь о том, чтобы ее магия сработала и все стало таким, как прежде, – унылым и привычным.

Широко распахнутыми глазами она посмотрела в окно. Часы показывали еще только половину восьмого утра, однако небо уже сияло ослепительной синевой. Этот день предвкушало даже солнце.

Роз сказала себе: если хоть один человек войдет в пекарню задом наперед, ей придется навеки покинуть Горести-Фолз. Она осядет в каком-нибудь далеком городке, где ее удочерят славные люди, муж с женой, которым Бог не дал собственных детей. Она никогда не признается им, что занималась волшебной выпечкой и погубила целый город, а потом бежала – так же как Виктор Франкенштейн бежал от созданного им монстра. Правда, не сказать чтобы ее к этому принуждали.

Глядя в окно и обдумывая план побега, Роз услыхала стук в парадную дверь. Она опрометью слетела вниз – как была со вчерашнего дня, в мятых джинсах и полосатой футболке, и выскочила в торговый зал.

В стеклянную дверь пекарни вежливо стучал какой-то мужчина. Роз прищурилась, напрягла память и узнала в нем не кого иного, как главного городского акробата и стриптизера мистера Бэсстола. Назвать его вид привычным язык не поворачивался. Мистер Бэсстол был одет в элегантный свитер

винного цвета и безупречно скроенный клубный пиджак. Очевидно, он принимал душ – причем совсем недавно! – поскольку белые клочки волос по обе стороны головы блестели, точно свежесобранный хлопок. Когда Роз открыла дверь, в нос ей ударил аромат одеколона.

Внутри у нее все сжалось. Неужели безумие не закончилось? С мистером Бэсстолом творилось что-то не то. Он был вымыт, начищен и наглажен, как профессор или телевизионный диктор, – одним словом, выглядел настоящим франтом. И значит, все еще находился под действием чар «Шиворот-навыворот».

– Доброе утро, Роз, – поздоровался мистер Бэсстол на совершенно нормальном английском, и у девочки отлегло от сердца. Дыхание мистера Бэсстола благоухало мятой. И все же что на него нашло? Во всяком случае, он назвал ее «Роз», а не «Зор».

– Доброе утро, мистер Бэ, – настороженно ответила она.

– Прости за ранний визит. Мне нужно два морковных маффина с отрубями, – сказал он.

Роз растерянно взглянула на покупателя. Как правило, мистер Бэсстол приходил к открытию пекарни, где-то в половине девятого, и за все годы, сколько Роз его знала, никогда не покупал больше одного маффина. Она взяла с витрины два маффина, уложила их в белый бумажный пакет и вручила мистеру Бэсстолу.

– Спасибо, – поблагодарил тот, вышел за дверь и уселся на кованую скамейку под окном пекарни.

Это выглядело крайне странно, и Роз предположила, что ежевичный торт «Стало как было» подействовал лишь наполовину: возможно, после него люди ходят и говорят нормально, в то время как их манеры и привычки полностью меняются. Сделав покупку, мистер Бэсстол всегда убегал из пекарни, точно за ним гналась стая волков, а теперь вдруг сидит, прямой как палка, на скамейке и даже не ест маффины.

Около восьми утра пришел Чип и помог Роз подготовить пекарню к открытию.

– Я вчера ничего интересного не пропустил? – полюбопытствовал он.

– Нет-нет, – заверила его Роз, мысленно прибавив: «Разве что общегородскую дискотеку зомби».

Вдвоем они протерли стеклянную витрину и выложенные мозаикой столики для посетителей, затем поменяли вчерашние заветрившиеся маффины на свежие. Мистер Бэсстол продолжал сидеть на скамейке. Солнце припекало все жарче, и пожилой джентльмен то и дело промокал лоб платком. Через некоторое

время он снял пиджак, но, за исключением этого, сидел неподвижно и не прикасался к маффинам. Просто сидел и ждал.

* * *

В восемь тридцать, когда Роз перевернула табличку на входной двери на сторону с надписью «Открыто», мистер Бэсстол все так же маячил на скамье.

– Что это с ним? – раздался голос тети Лили позади Роз.

Девочка охнула и подскочила от неожиданности.

– Сами не знаем, – пожала плечами она.

Лили удалилась на кухню помогать Чипу, а Тим присоединился к сестре за прилавком. Перед входом собралось с десяток покупателей.

– По-моему, все ведут себя, как обычно, – сказала Роз брату, который сегодня надел чистую рубашку в полоску и брюки защитного цвета. – Нормально ходят, нормально разговаривают. Только с мистером Бэсстолом творится что-то непонятное. Он уже час сидит, словно истукан.

– Может, кого-то ждет? – предположил Тим.

Ответить Роз не успела: толпа покупателей хлынула в двери и выстроилась в шумную очередь. Первой стояла миссис Хэвгуд. На ней было ярко-красное платье и норковое манто.

– Роз, душечка, мне нужно три дюжины сникердудлей, только на этот раз настоящих, – проговорила она.

– Простите, что так вышло с прошлой партией, миссис Хэвгуд, – сказала Роз. – Понимаю, президент Камбоджи наверняка был весьма разочарован.

– О да! Но мы заказали пиццу, а потом выяснилось, что у него непереносимость лактозы. Он поклялся больше никогда не приезжать в гости, а я ответила: ну и пожалуйста. Мне надоело развлекать глав государств. К тому же они все разговаривают с жутким акцентом. Ни словечка не разберешь! Ну да ладно. Тимьян, будь добр, упакуй мне коробочку обычных сникердудлей, хорошо?

– Разумеется, – пробурчал Тим, раздувая ноздри, как разъяренный бык. Он до сих пор злился на миссис Хэвгуд за ее привычку лгать.

Пока Тим ходил за сникердудлями, миссис Хэвгуд пальцем поманила Роз поближе.

– Подойди ко мне, Роз, я открою тебе правду, – зашептала она. – Даже если ты владеешь всеми деньгами мира, как я, порой этого бывает мало. И тогда приходится выдумывать что-то еще

более невероятное, чем все твои деньги. Вот в чем заключается правда.

Роз посмотрела в глаза миссис Хэвгуд. Удивительно слышать такое от самой большой лгуньи в городе! Вся неприязнь Роз к миссис Хэвгуд вдруг исчезла, и девочка увидела перед собой просто очень одинокую женщину.

Тим вернулся с полной коробкой золотисто-коричневых сникердудлей.

– Пожалуйста, миссис Хэвгуд. Итак, эти настоящие сникердудли предназначены для?..

– Для меня и Джимми Картера[21], – закончила фразу миссис Хэвгуд.

– Джимми Картера, бывшего президента США? – язвительно фыркнул Тим.

Роз спрятала улыбку. Во всяком случае, миссис Хэвгуд не утратила фантазии.

– Да, – подтвердила миссис Хэвгуд. – Мы с Джимми не стыдимся признать, что обожаем сникердудли.

Тим едва не прожег ее взглядом. На этот раз ложь не сойдет ей с рук!

– Приведите его сюда, – потребовал он. – Я хочу видеть Джимми Картера.

Миссис Хэвгуд отрицательно качнула головой:

– Видишь ли, он очень застенчив.

– Вы врете! – Тим повысил голос. – Вы – отъявленная лгунья и врете без перерыва.

– Тим! – Роз ладошкой зажала рот старшему брату, но было поздно.

– Будь по-твоему! – рассердилась миссис Хэвгуд и крикнула в окно: – Джимми! Джимми, зайди, пожалуйста!

И бывший президент США Джимми Картер вправду вошел в пекарню Чудсов. Он выглядел старше, чем на картинках в учебниках, но оно и понятно, ведь с тех пор, как Джимми Картер занимал пост президента, прошло много времени. Его лицо обрамляли жидкие седые пряди длиной до воротника джинсовой ковбойки.

– В университете я делила комнату с дражайшей сестрицей Джимми. – Миссис Хэвгуд подмигнула Роз. – И это чистая правда.

Открыв рот от изумления, Тим протянул коробку с печеньем Джимми Картеру.

– Соединенные Штаты Америки благодарят вас за службу, – с улыбкой произнес бывший президент.

Миссис Хэвгуд хихикнула и взяла его под руку.

– Хорошего дня, Роз! И тебе, Тим!

Тим втянул голову в плечи. Он сгорал от стыда. Но только до тех пор, пока в пекарню не вошла Эшли Шнобс. На ней было платье, какое любая другая девушка надела бы на кинопремьеру: зеленое, коротенькое и слишком откровенное для старшеклассницы. С надменным видом Эшли подплыла к прилавку и заявила:

– Мне, пожалуйста, облегченный черничный маффин.

– Облегченный? – озадаченно наморщила лоб Роз.

– Да. Середину нужно вынуть, иначе в маффине будет слишком много калорий.

«Зачем тогда вообще есть маффин?» – подумала Роз, однако натянула хирургические перчатки и старательно выковыряла большую часть сердцевины.

Тим, которому, вообще-то, полагалось заниматься другими покупателями, перегнулся через прилавок и нежно прошептал:

– Эй, помнишь, как два дня назад мы целовались через стекло?

Эшли притворилась, будто не слышит его.

– Ты целовала меня! – повторил Тим громче и настойчивее. – Мы *целовались*.

– Я не целуюсь с теми, кто работает в пекарне, – отрезала Эшли, задрав нос так высоко, что затылок коснулся шейных позвонков.

– Но ты сказала, что *любишь* меня, – обольстительно улыбнулся Тим.

– А сейчас я, типа, в шоке и вообще не понимаю, о чем ты. Конечно, ты симпатичный и все такое, и я, пожалуй, могла бы тебя поцеловать, если бы ты был адвокатом или, скажем, работал в инвестиционном фонде… Но ты выковыриваешь серединку из маффинов, так что – нет.

– Ты разве забыла, как вы, девчонки, толпились перед пекарней? Забыла, как вы дрались, чтобы пробиться к окну и поцеловать меня, как…

– Перестань, Тим, – одернула его Роз.

Эшли Шнобс забрала свой «облегченный» маффин и, презрительно хмыкнув, развернулась к выходу; ее тугие платиновые локоны хлестнули Тима по лицу.

– Она же на самом деле целовала меня через стекло, – горячо зашептал Тим сестре. – Или у меня были галлюцинации?

– У тебя – нет, у нее – да.

Тим вернулся за прилавок.

– Она мне даже не нравится! Я просто хотел напомнить ей, что она сходила по мне с ума. Надо найти фото в качестве доказательства, что мы целовались. У нас снаружи есть камеры

видеонаблюдения? – Тим сорвал с себя фартук, и Роз поняла, что его работа в пекарне на сегодня закончена. Брат вновь стал самим собой.

Вытянув шею, Роз заглянула за распашные двери и увидела, что Алфи и Лик резвятся на том месте, где раньше стоял батут, а миссис Карлсон загорает, откинувшись в шезлонге. Роз поджала губы. За семейную пекарню сердце по-прежнему болело у нее одной. Ничего не поменялось. Возможно, тетя Лили права: Роз и сама справится.

* * *

День прошел без особых странностей. Роз было бы еще спокойнее на душе, если бы мистер Бэсстол отлепился наконец от скамейки, однако он продолжал сидеть под палящим июльским солнцем. Его пиджак лежал рядом на скамье, но свитера мистер Бэсстол так и не снял. И до сих пор не прикоснулся к маффинам.

Вне себя от беспокойства Роз наблюдала за мистером Бэсстолом, и в этот момент в пекарне появился Девин Стетсон. При помощи геля он придал своей шевелюре легкий беспорядок, выпустив на лоб волнистый вихор. Розовые губы немного потрескались, молочно-белую кожу покрывал золотистый загар.

Девин еще никогда не заходил в пекарню. С чего вдруг его принесло? И почему именно сегодня, когда за сутки Роз удалось поспать буквально полчаса, когда она два дня не мыла голову и челка превратилась в сальные сосульки? Почему он не разглядел ее как следует вчера, во время того, как нелепо пытался поцеловать, ткнувшись затылком ей в щеку?

Девин задержался у двери, а его мама и папа, оба в цветастых гавайских рубашках, солнцезащитных козырьках и очках, принялись изучать ассортимент на витрине.

– У вас есть даниши? – поинтересовалась миссис Стетсон. Ее выпуклые глаза блестели. – Или правильно говорить даниш? Как будет даниш во множественном числе – даниш или даниши? О, это как со словом «кофе», у него единственное и множественное число совпадают. Понимаете, о чем я?

Роз наконец оторвала взгляд от Девина и только сейчас поняла, что миссис Стетсон обращается к ней.

– Как-то не задумывалась об этом, – сказала Роз. – Обычно покупатели просят один даниш.

Мистер Стетсон со смехом наклонился над витриной. Девин жался у двери и смотрел куда угодно – в пол, на потолок и стены, – только не на Роз. Очевидно, событий вчерашней ночи он

не помнил. Правда, все и было не по-настоящему. Поймав взгляд Роз, Девин состроил гримасу и кивнул подбородком на родителей: мол, извини, мне за них неловко. Девочка кивнула в ответ, словно бы говоря: мои такие же.

Спустя некоторое время Девин все же подошел поближе к прилавку и оказался лицом к лицу с Роз. Щеки у нее запылали, во рту пересохло.

– Ты всегда приходишь к нам за пончиками, верно? – пробормотал он.

– Ну не всегда, но иногда случается, – сказала она.

– Привет, я Девин, – выдавил он.

– Привет, я Роз, – пискнула она и спрятала за спиной трясущиеся руки. Девин Стетсон первый заговорил с ней! Сам, без всякого пирога «Шиворот-навыворот»!

Роз улыбнулась, складывая в бумажный пакет даниши. Или во множественном числе будет даниш? Ладно, просто слойки. Она сложила в пакет слойки.

– Спасибо, дорогая! – в один голос воскликнули мистер и миссис Стетсон и в своих гавайских нарядах чинно покинули пекарню.

– Ну, увидимся, – кивнул Девин и прибавил: – Я взял даниш – ты к нам заглянешь.

Роз по-военному отсалютовала, но через мгновение поняла, что более нелепого жеста нельзя было и придумать. Она уже мысленно ругала себя на все корки, как вдруг поймала в зеркале лицо Девина, скривившегося от собственного убогого каламбура. И пускай он не помнил, как вчера танцевал с ней, Роз сумела преодолеть самое трудное препятствие: она таки назвала ему свое имя. Неожиданно для себя она улыбнулась – во все тридцать два зуба.

Продолжая тихонько улыбаться себе под нос, Роз заметила, что к пекарне направляется мисс Репей, и девочку озарило: вот почему мистер Бэсстол целый день как приклеенный просидел на этой несчастной скамейке! Он ждал свою возлюбленную.

Фелидия Репей, одетая в легкое летнее платье, уже было взялась за дверную ручку, но ее остановил короткий, похожий на лягушачье кваканье, возглас мистера Бэсстола:

– Стойте! – От волнения он закашлялся, затем сделал вторую попытку и произнес уже отчетливее: – Мисс Репей, погодите.

Мисс Репей в испуге обернулась. Очевидно, она не помнила всего, что произошло на неделе, поскольку приветливо улыбнулась мистеру Бэсстолу, который и в самом деле выглядел очень элегантно, даже несмотря на неопрятные пятна пота под мышками.

– Мисс Репей, эти недотепы в пекарне дали мне два морковных маффина с отрубями вместо одного. Не хотите ли угоститься? От избытка крахмала у меня обостряется синдром раздраженного кишечника.

Роз досадливо поморщилась. Какой милый мог бы получиться момент, если бы мистер Бэсстол не упомянул кишечный недуг. Мисс Репей это, впрочем, нисколько не смутило. Она села на скамейку рядом с мистером Бэсстолом, и они вместе принялись неторопливо жевать свои маффины, не переставая улыбаться друг другу. Роз не слышала, о чем они беседовали – возможно, о науке, – однако начало было положено. Она даже не обиделась на мистера Бэсстола за «недотеп».

В том, как эти двое сидели на скамейке и как сквозь листву над их головами пробивались оранжево-золотые лучи закатного солнца, ощущалась некая магия, но магия эта не имела никакого отношения к банкам из синего стекла и заклинаниям. Это было иное волшебство: способность людей меняться, расти, исцеляться без помощи колдовских чар.

* * *

На исходе дня, после того как Чип ушел домой, а миссис Карлсон легла спать, Роз сидела за обеденным столом на кухне и, потягивая воду, смотрела в окно, выходящее на задний двор. Тим и Алфи по очереди раскачивали младшую сестренку на качелях и делали это с таким рвением, что один раз Лик чуть не перелетела через верхнюю перекладину. Смотреть на братьев и сестру было приятно, и все же Роз отчего-то чувствовала себя немного одинокой.

К ней подсела тетя Лили, одетая в винтажное шелковое платье с узором из ярких рыжих лилий.

– Роз, нам надо поговорить, – начала она. – У меня есть предложение. Ты знаешь, что я думаю о тебе и твоих способностях. Так вот, я считаю, что ты должна поехать в Нью-Йорк вместе со мной.

Роз вспыхнула и громко рассмеялась. Мысль о путешествии в Нью-Йорк была настолько головокружительной и захватывающей, что показалась ей почти шуткой.

– Зачем?

– Хочу, чтобы ты участвовала в моем телешоу. Первое время ты будешь оставаться за кадром – помогать мне с рецептами и придумывать, как лучше преподнести их зрителям, – а позже, надеюсь, ты присоединишься ко мне и на съемках. Я сама буду

делать тебе макияж, и мы обе прославимся! У тебя великолепный потенциал, грех растрачивать такой дар на управление крохотной пекарней. Мы с тобой очень похожи, так что будь смелее в своих мечтах! Ты – уникальный талант, помни об этом.

Роз представила, как вместе с тетей Лили печет пироги в огромной современной городской пекарне или в павильоне на телесъемках перед доброжелательной публикой, верными поклонниками их телепередачи. О, сколько зрительской любви на нее обрушится! Сколько тепла, понимания и уважения получит она от своей аудитории!

Таинственное существо под домом говорило правду. Роз действительно мечтала о красоте и собственной значимости, но не хотела обрести то и другое, просто выпив зелье из пузырька с надписью «Настойка Венеры». Все это она желала завоевать собственными силами. Возможно, с помощью и под покровительством Лили, как и предсказывал невидимый обитатель подземелья.

Роз пришлось сжать губы, чтобы спрятать неприлично широкую улыбку.

– А где же мы будем брать рецепты?

– Вот в этом-то и есть небольшая загвоздка. Похоже, нам понадобится Поваренная книга Чудсов. В своих путешествиях я собрала несколько магических рецептов, созданных Чудсами, но их хватит лишь на пару-тройку выпусков.

– То есть вы хотите… украсть Книгу?

Тетя Лили издала нервный смешок:

– Что ты, милая, конечно нет! Я только позаимствую ее на время.

– Но разве мои папа и мама не заметят пропажу? Как они будут печь без Книги? – недоумевала Роз, а потом подумала о том, о чем даже спрашивать было страшно. – И разве они не будут по мне скучать?

Тетя Лили шутливо ущипнула Роз за нос:

– А вот это, моя дорогая, уладить легче легкого. В молодости я узнала рецепт восхитительного печенья «Забудь меня». Все очень просто: шепотом называешь то, о чем едокам нужно забыть, – в нашем случае это наши с тобой имена и Поваренная книга Чудсов – и вмешиваешь шепот в тесто. Мы угостим печеньем Тима, Алфи, Лик, Чипа, миссис Карлсон и твоих родителей, и все они позабудут, что ты, я и Книга вообще существовали. По тебе ни капельки не будут скучать! Мама и папа, как и раньше, будут управлять милой маленькой пекарней, а трое оставшихся милых детей – им помогать. Пекарня перестанет быть волшебной, только и всего. Зато мы с тобой

сделаемся ошеломляюще, фантастически знаменитыми, уважаемыми и всенародно любимыми!

Роз самой не верилось, что она всерьез обдумывает подобный план, но вот, пожалуйста: она его обдумывала!

– Печенье точно сработает? – услышала она свой голос.

– О да, – заверила ее тетя Лили. – Рецепт уже опробован. – Она заговорщицки подмигнула. – Как по-твоему, я сумела удрать от моей унылой семейки? Я была рождена для славы, а они тянули меня назад, поэтому я напекла волшебного печенья и расчистила себе путь.

Роз снова оглянулась на братьев, которые все еще качали сестренку на качелях. Ну как их бросить? Что будет с ними без нее?

С другой стороны, разве может она остаться и жить прежней, тоскливой жизнью? Она больше ни дня не желает служить девчонкой на побегушках, покупать сахар, муку и фрукты, пока родители творят магию, а братья и сестра живут в свое удовольствие. После событий этой недели прежняя рутина для нее невозможна. Она своими глазами убедилась, на что способна Книга, и не намерена с ней расставаться. И все-таки план ее чуточку пугал.

– Не знаю, смогу ли я… – с сомнением произнесла Роз.

– Просто реши для себя, хочешь ли ты застрять в этом городишке на всю жизнь и зарыть талант в землю или действительно добиться успеха, завоевать уважение миллионов людей и стать великой женщиной современности. Как *муа*[22].

Великая женщина современности… Уважение миллионов… Мечты Роз осуществятся. Но какой ценой?

– И когда же мы едем? – спросила Роз и, кашлянув, прибавила: – Если я соглашусь.

Тетя Лили равнодушно зевнула:

– Завтра утром. Поздно вечером я приготовлю тесто для печенья «Забудь меня». Если принимаешь мое предложение, приходи на кухню ближе к ночи. Будем творить волшебство…

Лили уже заканчивала с указаниями, когда Тим и Алфи привели на кухню Лик и подсели за стол к заговорщицам.

Алфи встал из-за стола и объявил:

– Предлагаю на ужин заказать пиццу! – Он поклонился, жестом изобразив, будто взмахивает полой длинного плаща. – Сегодня последний вечер перед возвращением мамы и папы. Больше никакой веселой выпечки. И никакой магии.

– Да. Никакой магии, – повторила Роз. Значит, это правда, раз даже Алфи так считает. Им больше не позволят прикоснуться к Книге, даже если они утаят, сколько хлопот из-за нее возникло.

Родители просто не доверяют Роз.

* * *

Как только Лик заснула, Роз потихоньку уложила одежду и будильник в небольшой желтый рюкзачок, с которым иногда ходила на ночевки к подругам. Затем она на цыпочках вышла из комнаты и спустилась на кухню, где тетя Лили уже стояла у стола, держа в руках пустую банку из синего стекла.

– Лили, – шепнула она в банку. Туманный завиток, светясь бледно-лиловым сиянием, скользнул внутрь и там сгустился в призрачный образ – улыбающееся лицо Лили. Роз продолжала наблюдать, – к счастью, тетя этого не замечала. – Поваренная книга Чудсов, – прошептала она, и этот шепот тоже плавно опустился в банку, приняв вид знакомого фолианта в коричневом кожаном переплете. Последним Лили прошептала имя Роз: – Розмарин. – В ту же секунду руки Роз заледенели и покрылись неприятными мурашками.

Внутри банки произнесенное имя превратилось в мерцающий силуэт Роз. С того места на ступеньках, где она стояла, ей показалось – хотя утверждать наверняка она бы не взялась, – что призрачная фигурка колотит кулаками по стеклу и беззвучно кричит, требуя выпустить ее на свободу.

Тетя Лили плотно закрутила крышку на банке и хорошенько встряхнула содержимое, а после открыла ее над большой стальной миской с рассыпчатым песочным тестом. Шепотки выскользнули в миску. Шар теста поднялся над миской и разлетелся на тысячу крошек, которые так и зависли в сумрачном, жарком воздухе. Крошки начали кружиться – сперва медленно, затем все быстрее, словно осенние листья, подхваченные вихрем, – пока не ссыпались обратно в миску, как в водосточную трубу.

Тетя Лили похлопала тесто руками.

– Вот и славно, – вполголоса проговорила она. – Вот и готово. – Только теперь она заметила на лестнице Роз. Тетя Лили широко улыбнулась: они поняли друг друга без слов.

– Я еду в Нью-Йорк, – еле слышно выдохнула Роз.

Глава 17
Возвращение

Еще до рассвета тетя Лили прокралась в комнату Роз и потрясла ее за плечо:

– Пора, милая! Печенье уже в духовке.

Роз натянула джинсы и голубую рубашку, отложенную в дорогу, а когда тетя Лили спустилась обратно на кухню, шмыгнула в ванную, чтобы напоследок почистить зубы.

К ее удивлению, Тим, Алфи и Лик уже собрались там на тайный ритуал «Чистые зубки». Тим в темно-синих баскетбольных шортах смотрелся до обидного красиво. Нечесаные кудряшки Алфи имели вид спутанной рыжей копны. Лик таращилась на старшую сестру темными доверчивыми глазами в пол-лица. Вчера ночью Роз гораздо легче было представлять разлуку с родными, ведь они не стояли прямо перед ней с такими серьезными лицами, как сейчас.

– Вы чего это поднялись в такую рань? – спросила она.

– Хотим приготовить завтрак к приезду мамы и папы, – ответил Алфи.

– Поможешь нам? – попросил Тим. – Мы, честно говоря, не в курсе, что и как надо делать.

Лик подбежала к Роз и подергала ее за штанину:

– Рози, смотри, что я нашла!

Роз опустила взгляд и увидела в руке у сестренки ее

старенький «поляроид».

– Зачем он тебе сейчас? – удивилась Роз.

– Хочу всех щелкнуть! – еще шире распахнув глаза, пискнула Лик, тоненько и пронзительно, а потом пальцем показала на Роз и мальчиков.

– Становись фотографироваться, *ми эрмана*, – сказал Тим и обнял одной рукой Роз, а другой – Алфи, и тогда Роз подхватила Лик на руки и прижала ее к себе, а малышка перевернула фотокамеру так, чтобы все четверо попали в объектив. Лик нажала кнопку, мигнула вспышка, и кадр был сделан.

Снимок выполз из отверстия аппарата. Алфи подул на еще липкую фотобумагу и протянул карточку Лик. Все склонились посмотреть на постепенно проступающее изображение. Минуту спустя Роз, ее сестра и братья появились на снимке: Тим – высокий, рыжие вихры торчат во все стороны; Алфи – пухлый коротышка с шапкой огненных кудряшек; малышка Лик широко открыла рот; и Роз – со своими длинными и гладкими черными волосами, не похожая на остальных членов семьи.

– Оставлю на память, – сказала Роз Лик и убрала фотокарточку в нагрудный карман рубашки, к самому сердцу.

– Роз, ты чего плачешь? – удивленно спросил Алфи. – Не настолько же плохо ты получилась на снимке!

Роз утерла соленую слезинку:

– Я… я люблю вас, ребята, вот и все.

Тим и Алфи уставились на Роз так, словно она вдруг отрастила пять голов, а Лик просто прижалась к ее ноге.

– Ну так мы тоже тебя любим, Розита, – сказал Тим. – А то! Само собой.

Роз отлепила от себя Лик и бросилась прочь из ванной. Ей не хватило мужества и дальше смотреть в глаза братьям и сестре.

– Сейчас вернусь! – крикнула она с лестничной площадки, зная, что не вернется.

Что ж, они хотя бы не будут по ней скучать.

* * *

Лили была уже внизу. Печенье «Забудь меня» она уложила в корзинку для пикника и оставила на столе вместе с запиской: «Угощайтесь, пожалуйста».

– Готова? – бодро спросила Лили. Ее волосы, вымытые и блестящие, были такими же черными, как у Роз, а платье она сегодня выбрала белое, с маленькими пестрыми цветочками по краю подола.

– На все сто, – серьезно кивнула Роз. Она вытащила из кармана «поляроидный» снимок и еще раз посмотрела на семейное фото.

– Как мило, – сказала Лили, заглянув ей через плечо, а после забрала у Роз фотографию и выбросила ее в мусорную корзину.

– Зачем вы это сделали? – возмутилась Роз.

– Фото оставлять нельзя, – объяснила тетя Лили. – Оно – помеха действию заклинания. Если ты посмотришь на фотографию того, кто съел печенье, этот человек тебя вспомнит. Ты причинишь боль своим близким, ведь тогда они осознают, что ты исчезла навсегда. Прости, Роз, но мы обязаны сжечь все мосты. Никаких фото. Так будет лучше для всех. – С этими словами тетя Лили подхватила свой твидовый чемоданчик и переступила порог задней двери. – Ну что, идем?

Роз обвела взглядом элегантную стрижку Лили, умело накрашенные губы, идеальные дуги бровей. В глазах тети мелькнуло нетерпение – то самое, которое столько раз удерживало Роз от того, чтобы доверить ей тайну Поваренной книги.

Роз вовсе не собиралась выбрасывать печенье в мусорную корзину, однако именно так и поступила. Руки как будто действовали сами по себе. Порывшись в кучке еще теплых печенек, она вытащила из корзины фото и сунула его обратно в нагрудный карман.

– Нет! – воскликнула тетя Лили. – Что ты творишь?

– Простите, тетя Лили, – тихо промолвила Роз, – я не могу бросить семью. Конечно, мои родные не идеальны, далеко не идеальны, но я не могу просто украсть Книгу и сбежать. Это неправильно. И даже если они съедят печенье и забудут обо мне, я буду постоянно о них думать. Какой смысл становиться звездой, если самые любимые на свете люди о тебе даже не вспомнят?

Роз набрала полную грудь воздуха и медленно выдохнула. Впервые за всю неделю. Наконец-то она вслух высказала правду.

Тетя Лили пришла в ярость, растеряв всю свою выдержку. Всегда такая улыбчивая, в эту минуту она побагровела, уголки губ опустились, рот приоткрылся в злобном оскале.

– Тебя ведь даже не ценят! – прорычала она. – Как только твои родители вернутся, они сразу же упрячут Книгу под замок и не разрешат тебе печь, а для братьев ты, как и раньше, будешь пустым местом! Роз, они тебя не любят, а *я* люблю!

– Вы меня совсем не знаете.

– Что значит совсем не знаю? – бушевала Лили. – Да я знаю тебя, как никто другой!

– Мы знакомы всего неделю. Если бы вы меня любили, то

были бы рядом с самого начала. Проводили бы со мной время, как мама, папа и братья, а не воспользовались бы отъездом моих родителей, чтобы украсть Книгу!

Тетя Лили даже не пыталась что-то отрицать. Роз наконец прозрела: Лили приехала за Поваренной книгой Чудсов.

– Если поедешь со мной, станешь знаменитой. Роскошной красавицей. Тобой будут восхищаться. Я научу тебя всем женским хитростям. Думаешь, парни вроде Девина Стетсона станут вздыхать о тебе, если их не заколдовать? – Тетя Лили помахала указательным пальцем. – Ошибаешься! Я нужна тебе, Роз. Без меня ты – никто.

Роз скривилась от омерзения. В голове что-то щелкнуло и встало на место. Тетя Лили – вовсе не та сильная и независимая женщина, какой она ее представляла. Лили – слабачка. Возможно, без макияжа Роз и не привлечет внимания Девина Стетсона; возможно, родители не позволят ей готовить по магическим рецептам, но! Мама и папа ее любят. А Лили любит только себя.

– Знаете что, тетя Лили? У меня как раз таки все хорошо. Это у вас никого и ничего нет. И верните мне ключ! – Роз протянула раскрытую ладонь.

Лили со злобной ухмылкой сняла с шеи цепочку, на которой висел серебряный ключик, и уронила ее на ладонь Роз.

– Подавись, – презрительно бросила она, закрепила твидовый чемоданчик на боку мотоцикла и умчалась прочь.

Услыхав визг шин и рев мотора, на кухню высыпали Тим, Алфи и Лик.

– Чего? Тетя Лили уехала? – расстроился Алфи. – Почему же она с нами не попрощалась?

– Очень спешила. – Роз не сдержала улыбки. Обняв обоих братьев за плечи, она посмотрела на малышку Лик и сказала: – А теперь идемте готовить завтрак для мамы и папы.

* * *

Через полчаса после стремительного отбытия Лили на подъездную дорожку свернул кортеж из черных бронированных автомобилей, и по всему двору разнесся звонкий, точно рождественские колокольчики, голос Парди:

– Дети! Мы вернулись! Вы нас еще не забыли?

Альберт и Парди через заднюю дверь ввалились на кухню, и малышка Лик, хохоча и прыгая от радости, бросилась в распростертые объятия отца. Парди притянула Роз к себе и чмокнула в макушку. Стоило Роз ощутить мягкую ткань ее

хлопчатобумажного платья, шелк буйных кудрей, вдохнуть запах меда, муки и масла, исходивший от бархатистой маминой кожи, как она поразилась самой себе: неужели она могла хоть на секунду поверить, что сможет жить вдали от родных? Роз мысленно поклялась не рассказывать ни одной живой душе о том, что согласилась – пускай и ненадолго! – уехать с тетей Лили.

– Милая, любимая моя доченька, – приговаривала Парди, клюя губами лоб Роз, точно дятел – ствол дерева.

Альберт опустил на пол Лик и крепко обнял Тима с Алфи.

– Ух, мальчишки! – радостно пророкотал он.

Миссис Карлсон с чемоданом в руке спустилась со второго этажа. Казалось, за прошедшую неделю она постарела лет на двадцать.

– Хвала небесам, вы вернулись! – воскликнула она. – Это просто чудо, что я выжила! У меня до сих пор голова кругом идет от выходок ваших чад! – Миссис Карлсон миновала распашные двери и крикнула через плечо в сторону кухни: – Ваши дети ненормальные! Правда, и городок тоже со странностями. Я возвращаюсь в Глазго, где не говорят задом наперед! И никогда не говорили!

Парди озадаченно посмотрела на Роз:

– О чем это она?

– Да так, шутит.

Внезапно до Роз дошло, что все это время на кухне присутствовала Дженис Хаммер: скрестив руки на груди, мэр сурово наблюдала за воссоединением любящей семьи. Наконец она провозгласила:

– Дети, ваши родители – герои!

Алфи запрыгал от радости.

– Вы вылечили всех от гриппа? – спросил он.

Мэр Хаммер прокашлялась и добавила:

– Не только от гриппа! Ваши мама и папа также справились с парой-тройкой случаев кратковременной потери памяти и заодно исцелили несколько разбитых сердец. Такое чувство, будто их круассаны – волшебные! – Дженис резко хохотнула, заставив всех вздрогнуть. – Волшебные! Ха! И все-таки был от них какой-то… колдовской эффект. – Выйдя из задумчивости, она добавила: – И поэтому мы вручили им ключ от города.

Альберт победно поднял предмет, висевший у него на шее, – желтый картонный ключ размером полметра, повязанный красным бантом.

– А что он открывает? – с горящими глазами полюбопытствовал Алфи. – Мэрию? Можно, мы устроим там вечеринку?

Мэр Хаммер часто-часто заморгала.

– Ничего он не открывает! Ключ – символ нашей признательности и уважения.

– Уважения? – хмыкнул Алфи. – Уважение – это, конечно, хорошо, но было бы еще лучше, если бы я мог закатить в вашей мэрии цирковую вечеринку по случаю моего десятилетия.

Решив разрядить напряжение, Парди повернулась к детям и заворковала:

– Ну, как вы тут без нас?

Роз открыла рот, собираясь ответить, однако ее перебила мэр Хаммер:

– Так, скажу еще кое-что. Не хочу слушать про ваши семейные дела. Точнее, не хочу мешать вам их обсуждать. – Она поклонилась Альберту и Парди. – Спасибо вам большое. От всего сердца.

С этими словами Дженис не мешкая села в «хаммер», подняла тонированное стекло и уехала в сопровождении своего кортежа.

Роз иронично закатила глаза:

– И так все время?

– Бывало даже хуже, – улыбнулся Альберт. – Ну, детки, отвечайте на мамин вопрос: как провели эту неделю?

Роз беспомощно взглянула на братьев и увидела, что они с тем же отчаянием смотрят на нее. Ясно было, что говорить родителям правду ни в коем случае нельзя, а сочинить что-то взамен они не успели.

– Все прошло чудесно, – начала Роз, лихорадочно пытаясь придумать что-нибудь на ходу. – Чип справлялся на отлично, миссис Карлсон была к нам очень добра. В общем, ничего интересного.

Парди с улыбкой ждала продолжения, откинув с лица пышную гриву черных кудрей. Альберт стоял позади жены, скрестив на узкой груди покрытые рыжими волосками руки.

– И все? – сказала Парди. – Ну же, поделитесь приятными новостями. Кто что пек? Кто-нибудь из покупателей делал особенные заказы?

Роз уже собиралась отрицательно покачать головой и закрыть тему, но тут вмешался Тим:

– Я… э-э-э… пек маффины. – Слова полились из него ручьем. – Всю неделю. Я… изобрел новые маффины, гигантские. Испек два большущих маффина размером с баскетбольные мячи, нарезал их на ломтики, как пироги, и покупатели потом говорили, что я придумал новый вид выпечки: маффинные пироги. Я даже… получил приз за них.

Роз узнала о старшем брате нечто новое: врать он совершенно

не умел.

– Получил приз? – недоверчиво переспросил Альберт.

– Да, от меня, – вмешалась Роз в судорожной попытке заставить Тима умолкнуть, пока он не наговорил еще чего-нибудь. Неужели он не мог придумать что-то получше? – Я вручила ему приз… как младшая сестра.

В довершение к этому Алфи тоже решил высказаться:

– А я приготовил чизкейк. Гм, луковый! Все думали, он будет ужасным на вкус, но вышло так здорово, что всем очень понравилось и меня наградили даже больше, чем Тима! – Альберт и Парди скептически прищурились, но промолчали, и Алфи понесло еще сильнее: – А потом нам заказали свадебный торт в виде акулы, и я его испек. Мы погрузили торт в машину и два часа везли на пляж! – Он защелкал челюстями. – Торт-акула, понимаете?

В уголках глаз Альберта начали собираться сердитые морщинки.

– Везли на машине? И кто же из моих детей сел за руль без водительских прав?

– Не волнуйся, папа, за рулем был Чип, – быстро нашлась с ответом Роз.

– Нет! – крикнул Алфи. – Это был Тим. У него есть ученические права.

Тим отвесил брату подзатыльник.

– Тим, это правда? – осведомился Альберт.

Тим лишь таращился в пространство, как остолбеневшая от ужаса белка.

Родители переглянулись. Парди оперлась спиной о разделочный стол.

– Ладно, – вздохнула она. – Мы знаем, что вы все выдумали. Понять это оказалось просто: за всю историю существования свадебных тортов никто и никогда не заказывал торт в виде акулы. Рассказывайте, как все было на самом деле.

Роз хотела объяснить, что произошла небольшая неприятность с Книгой, но тетя Лили помогла все уладить, однако стоило Роз представить стройную крутобедрую фигуру, короткие черные волосы и аккуратный носик Лили – и язык во рту стал ватным, как и несколько дней назад.

Роз попробовала произнести слова «тетя Лили», но получилось что-то невнятное и глухое, словно она пыталась выкашлять комок шерсти. Братья испытывали ту же проблему: оба издавали что-то вроде отрывистого хриплого тявканья.

– Что случилось? – встревожился Альберт. – Почему вы не можете говорить?

Парди тихонько охнула:

– Батюшки-светы! Альберт, тебе не кажется, что они наелись песочного пирога «Держи язык за зубами»?

Альберт напряженно задумался.

– Ты права! – сделал вывод он. – Но кто мог подсунуть им этот пирог? И главное зачем?

Пирог «Держи язык за зубами»? Роз пришла в замешательство. Может, это другое название одного из рецептов, по которым они готовили на этой неделе? Хотя, даже если так, ни Роз, ни ее братья собственную выпечку не пробовали. Внезапно она вспомнила разноцветный пирог, испеченный Лили в первый вечер после приезда: все трое решили, что ничего вкуснее в жизни не ели, а потом Тим пошел поговорить с родителями по телефону, отвечал на вопросы вяло и неохотно и ни словом не упомянул тетю Лили. Неужели кусочек десерта, переливающегося всеми цветами радуги, помешал каждому из них вслух произносить имя той, кто его приготовил?

Роз сделала еще одну попытку:

– Мы ели пирог, который испекла… – Язык как будто распух во рту, сделался тяжелым и неповоротливым. Альберт и Парди возбужденно заговорили между собой, а Роз припомнила, что малышка Лик пирог почти не ела, разве что куснула разочек. Она подхватила сестру на руки и попросила: – Лик, расскажи маме и папе, кто гостил у нас на этой неделе!

Девчушка немного подумала, приложив к губам чумазый пальчик, и радостно объявила:

– Тетя Лили!

Альберт и Парди потрясенно умолкли. Они обменялись взглядом, которого Роз никогда прежде у них не видела: в глазах у обоих стоял ужас.

– Здесь была *Лили*? – Парди выплюнула это имя, как что-то мерзкое и отвратительное. Ее руки сжались в кулаки.

Роз, Тим и Алфи энергично закивали.

– Она угощала вас пирогом, слои в котором переливались, точно рыбья чешуя или шейка дикой утки? – спросил Альберт, распахнув глаза так широко, что верхние ресницы чуть не касались лба.

Роз снова кивнула. Именно этот пирог они и ели.

– Зачем вы впустили ее в дом? – с досадой воскликнула Парди.

– Она… сказала… – силилась произнести Роз, однако звуки не желали складываться в слова. Роз показала на свое плечо, потом задрала штанину и ткнула пальцем в родимое пятно в форме половника.

– Лили показала вам родовой знак, чтобы втереться в доверие и убедить вас, что она член нашей семьи? – уточнил Альберт.

Роз в третий раз кивнула.

– Погодите, так что, она не член нашей семьи? – В голосе Алфи звенела обида и злость, как будто он впервые услышал, что Зубной феи не существует.

– Ну, формально она нам родственница. – Парди принялась раздраженно мерить кухню шагами. – Но она принадлежит к потомкам той ветви Чудсов, о которой мы не говорим.

– К потомкам Альбатроса? – выпалил Тим.

– Да, – подтвердила Парди. – Те еще родственнички. Я знакома с Лили, потому что она приезжала к нам много лет назад, когда Тим был младенцем, и пыталась украсть Поваренную книгу Чудсов.

– Бу-э! – Роз брезгливо тряхнула головой и закашлялась, по-прежнему не в силах произнести имя Лили. – Она врала, что не знала о Книге!

– Ну, до тех пор, пока мы ей не показали, – вставил Алфи. – Она была в восторге!

Парди охнула, точно получила удар под дых.

– Вы *показали* ей Книгу? Как вы могли?!

К глазам Роз подступили слезы. Она будто провалилась сквозь землю и барахталась в вязкой жиже стыда и страха. «По крайней мере, я не сбежала вместе с ней, – мысленно оправдывалась она. – По крайней мере, я заставила ее уехать, а Книга осталась у нас». И вдруг язык во рту Роз обрел былую подвижность, словно боль оттого, что она горько разочаровала маму, растопила ледяные чары волшебного пирога.

– Л-л-л-ли-ли! – выдавила она. – Тетя Лили!

Алфи и Тим изо всех сил сосредоточились и несколько секунд спустя хором выкрикнули:

– Лили!

Очевидно, действие пирога «Держи язык за зубами» можно было обойти, испытав сильный, всепоглощающий страх.

Алфи принялся с жаром объяснять, почему они решили показать Книгу Лили:

– Тетя Лили никогда и ничего бы у нас не украла! Тетя Лили – самая красивая, умная, добрая на свете, самая милая и замечательная! Она захотела посмотреть на Книгу, чтобы помочь нам восстановить порядок в городе! И все! Если бы не тетя Лили, все до сих пор ходили бы задом наперед!

– Это почему же? – прищурился Альберт.

И Алфи выложил всю правду, от начала до конца. Говорил он сбивчиво, однако родителей не слишком интересовали

подробности. Завершив рассказ, Алфи с улыбкой поклонился, словно только что выступил в коронном номере фантастически популярного мюзикла.

Реальная жизнь, однако, отличалась от мюзикла. Роз еще никогда не чувствовала себя так паршиво. Сказать ей было нечего.

– Эта женщина крайне опасна, – медленно проговорила Парди. – Боже, дети, что же вы натворили!

Она обвела кухню взглядом, словно впервые оказалась в этом доме с этими людьми.

– Но она такая красивая и обаятельная! – возразил Тим. Он набрал воздуха, чтобы продолжить, но его перебил Альберт.

– Самые страшные враги всегда так выглядят, – сказал он. – Вот тебе урок на всю жизнь, сын.

Парди прижала пальцы к вискам.

– Довольно об этом, – вздохнула она. – Куда делась Лили? И где Книга?

– Роз, – нахмурился Альберт, – верни, пожалуйста, дубликат ключа, который мы тебе давали.

– Не волнуйся, папочка. Лили убралась из города. Ключ у меня.

– А Книга на месте? – в один голос спросили Альберт и Парди.

– Есть только один способ это выяснить. – Роз выудила из кармана серебряный ключик в форме венчика, отобранный у Лили.

Шагая по коридору холодильной камеры, Роз ежилась, но не от холода, а от осознания простого факта: не зря чутье подсказывало ей не доверять Лили, у которой в итоге оказались недобрые намерения. К счастью, Роз отклонила ее предложение и нашла в себе мужество потребовать обратно ключ, прежде чем Лили успела похитить Книгу.

Роз приподняла зеленый гобелен, вставил ключ в замочную скважину и повернула его. Альберт, Парди, Тим, Алфи и Лик сгрудились позади нее. Роз дернула за шнурок, лампочка под потолком вспыхнула. Деревянный постамент, на котором размещалась Книга, был пуст – нет, не совсем: на нем лежал маленький кремовый конверт. А Книга исчезла.

Колени у Роз подломились, мамин голос, зовущий ее по имени, донесся откуда-то издалека, точно из-под воды. Что было дальше, она не помнила.

Глава 18
Исчезновения

Роз очнулась в постели. Рядом с ней на кровати прыгала Лик. Роз подняла глаза и увидела встревоженные взгляды мамы, папы, Тима и Алфи. Ее лоб был накрыт мокрым полотенцем.

– Что случилось? – шепотом спросила она.

– Ты упала в обморок, солнышко, – взволнованно сказала Парди. – Лишилась чувств, как викторианская барышня в романтическом фильме.

– Где Книга? – прохрипела Роз, пытаясь кое-как сесть.

Альберт осторожно уложил дочь обратно на подушки.

– Отдыхай, милая, – сказал он. – Книги нет. Вместо нее эта женщина оставила нам письмо.

– И что там написано? – Только бы Лили не упоминала о ее почти свершившемся предательстве, мысленно взмолилась Роз.

– Мы еще не читали. Не до этого было, солнышко: ты так нас всех напугала, когда упала в обморок! – Из маленького конверта, который Роз успела заметить на постаменте, прежде чем потеряла сознание, Альберт извлек сложенный желтовато-белый листок. Развернул, откашлялся и начал читать вслух:

Дражайшая пятиюродная сестрица Парди, Альберт и дети!

Как вы, уже, несомненно, поняли, Поваренную книгу Чудсов увезла я. И сделала это отнюдь не ради мести тебе, сестра, твоему мужу или вашим прелестным отпрыскам, а лишь потому, что, по моему мнению, ваши права на владение Книгой закончились. С тех самых пор, когда между нашими прапрапрадедушками Филбертом и Альбатросом вышла небольшая размолвка, Книга из поколения в поколение передавалась по вашей ветви семьи, однако вы только впустую растрачивали ее силу, ведя заурядный мелкий бизнес в захолустных городишках. Будучи убеждена, что я сумею эффективнее использовать весь экономический и магический потенциал Книги, я забрала ее себе.

Прошу, оставьте свои предубеждения и опасения относительно дурной наследственности всех потомков Альбатроса. В отличие от моих родственников, я вовсе не гнусная злодейка. Рецепты я пущу на благо тех, кто не имеет возможности помочь себе сам, и для этой цели создам свое собственное телевизионное шоу, которое непременно ждет оглушительный успех. Уверена, вы окажете миру услугу, доверив мне распространить эти бесценные рецепты, вместо того чтобы прятать их в холодильнике и обременять детей необходимостью охранять Книгу от кого бы то ни было.

Спешите видеть меня на ваших телеэкранах!

Крепко целую,

ваша тетя Лили

– Она поцеловала страницу. – Альберт продемонстрировал всем алый отпечаток губ Лили.

– Бессовестная эгоистка! – воскликнула Парди, потрясая кулачками. – Эта семейная ветвь плодит одних мерзавцев!

– Поверить не могу, – проворчал Тим, скрестив на груди руки. – Как же мы будем печь без Книги?

– Это не самая большая наша проблема. – Альберт помассировал виски. – Что, если она вздумает распространить наиболее опасные рецепты и выпустит на свободу безумие «Апокрифов Альбатроса»? Что станет с Америкой? На города и целые штаты обрушатся катастрофы, страна просто погибнет!

Роз натянула простыню на голову и застонала. Из глаз полились слезы.

– Мама, папа, – всхлипнула она, – простите, что я натворила столько бед. Я только хотела доказать вам, что достойна заниматься волшебной выпечкой, хотела заслужить ваше уважение. Я пыталась все сделать правильно, а получилось наперекосяк.

Парди убрала простыню с лица Роз и поцеловала дочь в щеку:

– Дорогая, мы и так тебя уважаем. В нашей семье ты – самая умная и одаренная. Знаю, мы часто умиляемся тому, что Тим у нас красавчик, Алфи – записной комик, а Лик – маленькая очаровашка, ты же как будто остаешься за кадром. Но, откровенно говоря, без тебя семья бы просто развалилась.

Альберт согласно кивнул. Тим похлопал Роз по коленке, Лик зарылась носом в ее лицо. Алфи с болезненной гримасой запрыгал на месте:

– Когда мы уже будем завтракать?

Роз не смогла сдержаться и засмеялась от счастья. Так звонко она не смеялась все лето. Родители ее любят и уважают! Наверное, в глубине души она всегда это знала, но порой – вот как теперь – ей было важно услышать эти слова.

– Прямо сейчас, Алфи, – сказала она и села в кровати. – Прямо сейчас.

* * *

На кухне Алфи заглянул в мусорную корзину и увидел выброшенное печенье.

– О, печеньки! – обрадовался он. – Можно их съесть?

– Нет! – рявкнула Роз. – Они… испорченные.

Парди вышла из холодильной камеры с упаковкой яиц, Альберт принялся качать Лик на коленях, а Тим с Алфи затеяли шуточный поединок по карате. Тугие черные кудри Парди растрепались, старенькие носки Альберта растянулись и были ему слишком длинны, чистая рубашка Лик уже выглядела так, будто ее не снимали восемь дней кряду, Тим задирал нос не меньше Эшли Шнобс, а Алфи, как всегда, паясничал и кривлялся. Миссис Карлсон была права: ну и семейка у них!

Однако семья – это то, чего у тети Лили никогда не будет, ведь от своих родных Лили отказалась много лет назад. И в этом ее уязвимость: она одинока.

– А знаете что? – проговорила Роз, глядя на следы, оставленные протекторами мотоцикла на подъездной дорожке.

– Что, *ми эрмана*? – спросил Тим.

Чудсы одновременно посмотрели на Роз. Ради нее семья была

готова на все. Как и она ради семьи. Роз уже знала, что должна сделать, – конечно, с помощью родных.

– Я намерена вернуть Книгу.

– Не спеши, милая, – сказала Парди, вытирая руки о полотенце. – Не спеши. Сначала нужно поесть. Великие дела не совершаются на голодный желудок.

Роз отвернулась от задней двери и вместе с остальными членами семьи села за стол, на котором Парди уже расставляла тарелки с яичницей. Уплетая завтрак, Роз слушала семейные разговоры, смеялась шуткам и, как и все, не спешила вставать, даже когда Чип пришел открывать пекарню. Сидя на жаркой тесной кухоньке, Роз вдруг осознала, что абсолютно счастлива.

Благодарности

Хочу поблагодарить настоящих волшебников.

Кэтрин Теген – за то, что поверила в эту книгу и помогла ей появиться на свет; Кэти Бигнелл – за ее неоценимую помощь; и всем-всем в издательстве *HarperCollins Children's Books* – за то, что объединили нас в команду и дали шанс семейству Чудс.

Александру Карильо-Ваччино, Кару Килдафф, Нору Зальцман, Джордана Барбора и Тони Родригеса – за многолетнюю поддержку, щедрость и юмор.

Всех работников лучшей в мире пекарни *Les Ambassades* – за теплые улыбки и безупречные круассаны, которые вызывают непреодолимую зависимость.

Моих маму и сестру – чудесных, замечательных женщин и великолепных писательниц. Немногие люди могут так искренне гордиться своей семьей, как я горжусь вами.

Персонал программы «От школы к карьере» – благодаря вашей неизменной поддержке, неравнодушию и доброте я официально могу признать себя счастливицей.

И наконец, сотрудников издательства *Inkhouse*.

Майкла Стирнса – за чуткое наставничество в качестве редактора и предоставленную мне невероятную возможность.

И Теда Малавера, чьи целеустремленность и талант служат мне постоянным источником вдохновения и побуждают двигаться вперед, чье великодушие спасало меня столько раз и чьи шутки неизменно вызывают у меня смех. Ты – потрясающий друг, какого встречаешь раз в жизни.

notes

Примечания

1

Сникердудль – разновидность песочного печенья в корично-сахарной обсыпке. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Ремень вентилятора – одна из внутренних частей автомобиля в виде резинового ремня, соединяющего некоторые детали двигателя между собой. Основная функция – передача вращения от двигателя к другим механизмам. – *Примеч. ред.*

3

Кооператив – многоквартирный дом, который строит объединение людей или организаций на собственные средства, чтобы получить на него права. – *Примеч. ред.*

Mi hermana – моя сестра *(исп.)*.

5

Нижний Ист-Сайд – район в юго-восточной части острова Манхэттен в Нью-Йорке.

6

Бетти Крокер – вымышленный персонаж, созданный в 1921 году компанией *Washburn-Crisby Company* (ныне – *General Mills*) с целью рекламы своей продукции. – *Примеч. ред.*

Сушеф – помощник и заместитель шеф-повара.

8

«Безумные восьмерки» – популярная карточная игра, в которой побеждает тот, кто первым избавится от всех своих карт. Сбрасываются карты той же масти или того же достоинства, что и верхняя карта в колоде сброса. Однако восьмерка – универсальная карта. Игрок, который кладет восьмерку, может поменять масть на любую другую. – *Примеч. ред.*

9

Delicioso – восхитительно *(исп.)*.

Tia – тетя *(исп.)*.

11

Седмица – неделя *(устар.). – Примеч. ред.*

12

Mujer – женщина *(исп.)*.

13

Excusez-moi – прошу прощения *(фр.)*.

Брандмейстер – начальник пожарной команды. – *Примеч. ред.*

15

Апокрифы – древние книги с религиозным содержанием, отличным от каноничного.

16

«Закон и порядок» – американский телесериал про детективов и прокуроров, снятый Диком Вульфом. Транслировался с сентября 1990 года по май 2010-го. – *Примеч. ред.*

17

Джон (Джонни) Уокер (1805–1857) – основатель компании по производству одноименной марки шотландского виски. – *Примеч. ред.*

18

Maireann croí éadrom i bhfad – чем легче на сердце, тем дольше жизнь *(ирл.)* – старинная ирландская поговорка.

19

«Лихорадка субботнего вечера» – американский музыкальный фильм 1977 года, снятый режиссером Джоном Бэдэмом. Фильм был номинирован на множество различных наград, а главная роль прославила актера Джона Траволту. Скорее всего, музыкальная композиция, которую включила тетя Лили, – песня «Stayin' Alive» британо-австралийской группы *Bee Gees*. – *Примеч. ред*.

20

Muy caliente – здесь: горячая штучка *(исп.)*.

21

Джимми Картер – 39-й президент США, занимавший свой пост с 1977 по 1981 год. – *Примеч. ред.*

22

Moi – я (фр.).